

Хант Диана

Крылья по контракту

Глава 1

Свадьба наследника унобтаниевого магната грозила стать событием века.

Первые полосы информаториев и журналов-голограмм вот уже неделю, с момента оповещения о грядущем торжестве, пестрели самыми затейливыми заголовками.

«Харлей де Вуд покидает холостяцкие ряды!»

«Слитсберг остаётся без самого завидного холостяка!»

«Мы будем скучать по тебе, высший демон! *рыдания женскогонаселения Слитсберга*»

«Глава де Вуд Корпорэйтед спешно женит второго сына послескандаального мезальянса!»

«Унобтаниевый магнат женит ЕДИНСТВЕННОГО наследника(нам не хватает тебя, Эрам*, но ты там держись!)»

«Похоже, второй близнец оказался умнее: он выбрал деньги. Вседеньги Сапфировых островов! Мы с тобой, Харлей! Так держать!»

Инферны старались кто во что горазд...

От искренних сожалений, что богатый, красивый, циничный и испорченный демон-инкуб, мечта всех незамужних (а, впрочем, и не только) барышень высшего света Слитсберга решил, похоже, остепениться... до грязных и циничных намёков на то, что с первой невесткой главы де Вуд Корпорэйтед жутко не повезло и на этот раз он решил взять быка за рога прежде, чем Харлей пойдёт по стопам брата.

Не далее, как два месяца назад Слитсберг взорвала новость о чудовищном мезальянсе: сразу после скандального развода брата-близнеца Харлея де Вуда с дочерью сенатора, последовала тайная церемония венчания с некоей нищей человечкой, бывшей адепткой лучшей академии страны — Галдур Магинен.

Правда, тему мезальянса одного из наследников главы де Вуд Корпорэйтед юзали вяло: насосались крови за эти два месяца, теперь только сыто порыгивали.

Поговаривали даже, что Харлей женится специально, чтобы отвратить, наконец, внимание прессы от опального брата. А ещё, что за такую «свинью» от родного сына (Эрама, конечно!) унобтаниевый магнат лишил того всех счетов, места в де Вуд Корпорэйтед и навсегда исключил из завещания.

Правда ли, что Харлей и вправду женился, чтобы огородить брата от нападков или нет, никто не знал. Но трубить на каждом углу о благородстве высшего демона оказалось занимательно. И, конечно, (в чём самая соль!) чуть издевательски.

Вот поэтому любой из инфернов Слитсберга в этот торжественный день руку бы себе отгрыз за приглашение на банкет по случаю торжества.

И тем счастливицам, кому удалось-таки пробиться в этот вечер под сверкающий купол парящей над Вилскувером гостиницы для иномирян, было на что посмотреть.

Во-первых, сама гостиница.

Гигантский шар из стекла и хрома, с прозрачным верхом.

Во-вторых, самый верхний её гигантский зал, под этим куполом непосредственно находящийся.

Сногшибательная роскошь, помноженная на безупречную элегантность стиля, пол из мерцающей неоновой плитки, столы, ломящиеся от самых изысканных блюд, парящие люстры-планеты, оркестр, состоящий сплошь из музыкантов с мировым именем и высший свет Слитсберга в самых невозможных нарядах от лучших дизайнеров.

Атмосфера банкета была похожа на стремительно обрушивающуюся на тебя лавину света, музыки, оттенков, запахов...

И, в-третьих, конечно, сами новобрачные.

Харлей де Вуд, высший демон-инкуб с безупречными чертами лица и надменным, циничным взглядом. Лощёный, ухоженный, с грудой перекатывающихся мускулов под чёрной тканью дорогого костюма, он, казалось был самым воплощением окружающей его атмосферы роскоши, силы и власти.

Когда он оборачивался к сидящей по левую руку невесте: смуглой быстроглазой джинне, принцессе Сапфировых островов (треть мирового запаса сапфиров добывается на этих самых островах, отсюда и название... Т р е т ь!!) циничный и презрительный взгляд его смягчался.

И было отчего: с кожей цвета молочного шоколада с карамелью, идеальной, хоть яблоки в неё макай, с кудрявой головкой, украшенной ступенчатой диадемой, состоящей сплошь из синих звёзд сапфиров, с небесно-голубыми глазами, подобными этим самым сапфирам, и пухлым ртом, джинна была чудо как хороша. И главное — она не отрывала от теперь уже мужа влажных и преданных, как у коровы глаз, словно Золушка, которая никак не поверит в сказку.

— Ты как, сладенькая? — наполовину с участием, наполовину равнодушно спросил демон и джинна тут же подалась к нему, ловя каждое слово. пышные груди качнулись в глубоком декольте. Стилисты были на высоте: нежно-голубой цвет платья чудо как шёл к её глазам и диадеме. — Ещё несколько часов вспышек камер и лживых пожеланий вагона толстенных ребятишек и мы, наконец, останемся одни.

Голос инкуба был низким и хриплым, с глубокими бархатными нотками, которые стоило им зазвучать, разливались в воздухе, обволакивали сознание, подчиняли эмоции. Чувствуя себя абсолютно счастливой и абсолютной дурой, Джина робко закивала и захлопала ресницами. Пухлый рот приоткрылся, словно она собиралась что-то сказать, но в последний момент передумала и робко улыбнулась, думая, что глупее неё только поросята на дядиных фермах. Впрочем, судя по взгляду жениха, который милостиво скользнул в ложбинку декольте, особого ума от неё и не требовалось.

Харлей сам наполнил бокал невесты игристым вином, жестом отогнав официанта.

Когда ставил бутылку обратно, столкнулся взглядом с Делайлой: умопомрачительно роскошной ракшаси с волосами цвета червонного золота и ближайшей подругой невесты.

Чувственные губы Делайлы растянулись в улыбке сытой кошки. Во взгляде, который она бросила на невесту, сверкнуло торжество.

Вчера, на приёме в честь приезда невесты со свитой, Делайла поджидала Харлея в кабинке туалета. И, когда он вошёл, демонстративно бросила на пол свои кружевные трусики. Инкуб отодрал вероломную подругу, как сидорову козу, наспех, насухо, как дерут только шлюх, но ракшаси, похоже, была только счастлива. И сегодня на протяжении всей свадебной церемонии сверлила инкуба глазами так назойливо, что на них стали поглядывать. Все, кроме Джинны: невеста в этот несомненно, самый счастливый день своей жизни не видела никого, кроме жениха.

Рыжая чертовка скуксилась, когда Харлей мазнул по ней равнодушным взглядом и снова отвернулся к красавице-невесте, а потом глаза её сверкнули, словно на ум пришла некая удачная мысль.

Спустя минуту глаза инкуба удивлённо расширились.

Чьи-то игривые пальчики принялись расстёгивать его брюки прямо под столом, лаская при этом тут же восставший орган.

Харлей оглянулся: так и есть, место Делайлы пустует. И неудивительно, ведь ракшаси так удачно расположилась под столом между его ног.

Демон небрежно дёрнул ногой, отчего из-под стола раздался звук шлёпающейся на пол роскошной задницы и возмущённый писк вперемешку с проклятиями.

— Не желаешь потанцевать, дорогая? — Харлей поднёс к губам пальцы жены и

посмотрел на джинну так, что та задохнулась.

Закивав, она приняла помощь инкуба и на подкашивающихся ногах последовала за ним в центр зала.

Свет софитов тут же осветил новобрачных, отгораживая их стеной света от других танцующих.

— Они бесподобны!

— Да, поразительно красивая пара!

— С них только картины писать! — раздавались возгласы приглашённых и вспышки сотен камер, нацеленные на инкуба с джинной.

Родители новобрачных, высший демон-инкуб Шерлез де Вуд с красавицей-женой оборотнем пантерой Марго де Вуд и четой высокопоставленных джиннов горделиво улыбались, глядя на танец молодых. Всё шло именно так, как и положено, когда рождаются богатые и влиятельные семьи: дорого, пафосно, помпезно! Словом, именно такую свадьбу и желал Шерлез де Вуд для сына! Для обоих сыновей... но Эрам отрезанный ломоть и лучше не думать о нём, чтобы не портить себе настроения...

Последние ноты стихли и в столпе света возник сам Цезарь Дэруэль: знаменитость мирового уровня, звезда, которая любезно согласилась вести свадьбу наследника унобтаниевого магната.

Кокетливым жестом заправив за ухо напмаженный фиолетовый локон, звезда возвестила в микрофон:

— А теперь — сюрприз! Прошу всех занять свои места. Время ещё одного подарка для молодых! Особенного подарка!

Брови Шерлеза де Вуда столкнулись у переносицы. Что-то в интонациях ведущего ему не понравилось. Да и потом, процесс поздравлений позади... Кто же оказался настолько дерзок, что решил выпендриться, поздравляя молодых отдельно?

На ум приходило только одно имя и это имя оставляло оскомину на зубах.

Кивнув, Харлей увлёк жену за стол и подвинул ей стул.

Делайла успела выбраться из-под стола и заняла своё место. Растрёпанная, разгневанная, оскорблённая в лучших чувствах ракшасы чуть не фыркала, метая молнии из глаз в жениха. При этом демоница источала такой умопомрачительный коктейль эмоций, состоящий из ярости, обиды, ревности и досады, что внутренняя, демоническая сущность инкуба довольно завозилась внутри, торопливо поглощая доступное лакомство.

Харлей не удержался и подмигнул Делайле, что увеличило её гнев в разы, и внутреннее чудовище утробно зарычало от удовольствия.

Когда все, наконец, расселись и тритон заговорил снова, Шерлез де Вуд скривился, словно у него заболел зуб. Интуиция не подвела высшего демона. Самые худшие его предположения оправдались.

— А теперь настал черёд особенного подарка! — вещал Цезарь. — Который буквально только что прибыл из Кемета, с самой Чёрной Земли! Эрам де Вуд сожалеет, что не может лично поздравить брата с таким знаменательным днём и шлёт это, — Цезарь покосился на двухметровый короб, обвязанный розовыми лентами, — чем бы оно ни было с пожеланиями долгой и счастливой жизни молодым!

Услышав имя брата, Харлей нахмурился.

Эрам прислал подарок? Непохоже на него.

Особой сентиментальностью его близнец никогда не отличался. Более того, не далее, как сегодня утром по голо-связи он, наверное, в десятый раз обозвал Харлея идиотом, который, как осёл за морковкой пошёл у отца на поводу. И в который раз попросил не

делать глупость: не жениться без любви! Супруга брата, суккуб Мишель при разговоре по понятным причинам не присутствовала...

Но рваная рана в сердце ныла и кровоточила, стоило Харлею только вспомнить жену брата. Рыжая, лучистая, юная, до невозможности сексуальная и притягательная...

Шутка ли, братец умудрился отхватить суккуба (демона обольщения), истинную пару демона вождения...

Так какого хрена брат лезет в его сраную жизнь и что-то там вещает о любви?! Нет этой любви! Не для него она, не для Харлея!! И пусть Эрам катится со своими советами к троллю в задницу. Так Харлей ему утром и сказал. Эрам в ответ обозвал близнеца дебилом конченным и шутком гороховым, и, ответив любезностью на любезность, Харлей, не отключаясь, раскрошил передатчик в руках.

Неприятный разговор был утром. Что же значит подарок от Эрама этим вечером?

Белозубо улыбаясь, Цезарь продолжал нести какую-то околесицу о братской любви, знатно действуя на нервы Шерлезу де Вуду.

А тем временем ленты, опоясывающие белоснежный короб вдруг дрогнули и развязались сами собой, оседая на мерцающий пол.

Тритон иронично поднял фиолетовую бровь, и, отступая от подарка, демонстративно зааплодировал, подняв руки с микрофоном, как бы призывая всех насладиться таким изысканным сюрпризом.

Тем временем крышка подарка приподнялась, а потом и стенки раскрылись по всем четырём сторонам напоподобие распускающегося цветка.

— Бетриссимо! — завопил Цезарь и осёкся на полуслове.

Потому что изнутри короб оказался пуст.

— Что за чёрт, — только и смог выдать тритон, но тут пространство над развёрнутым коробом заискрило.

В мерцающей дымке проступил сначала едва различимый силуэт, а когда туман вокруг него развеялся, посреди зала стояла двухметровая великолепно сложенная обнажённая девица с шевелящимися, как змеи, волосами. Девица была полупрозрачной и этот эффект усиливало едва уловимое свечение её кожи.

Лицо девицы тоже было безукоризненным, если бы не портили его светящиеся красным глаза без белков и невероятно злое выражение, с каким она обводила сидящих за столами.

Но тут взгляд её столкнулся со взглядом жениха и в тот же миг порочный рот растянулся в такой чувственной и призывной улыбке, что позавидовала бы любая ундина.

Невеста, наблюдающая, как какая-то обнажённая амазонка пожирает её жениха взглядом, обиженно закусил губу и подалась вперёд и чуть в сторону, словно надеясь отвлечь внимание странного подарка на себя.

В тот же миг челюсть незнакомки разъехалась, словно жвала насекомого, между фарфорово-белоснежных зубов что-то сверкнуло, а в следующую секунду Джина осела на руки жениха с жалом, торчащим из шеи и неподвижным взглядом.

На мёртвом лице навеки застыла ревность и удивление.

Мгновение, в течение которого Харлей смотрел на мёртвую жену, показалось инкубу вечностью.

А потом зал разразился воплями.

— Немезида!

— Карающий призрак!!

— Спасайся, кто может!!!

Лицо призрака исказило от злобы, как только увидел, что жало попало не в ту мишень.

Подпрыгнув и зависнув в воздухе, она, кувыряясь, так что лучи выстрелов, пронзая пространство, цели не достигали, ринулась прямо на застывшего напротив жениха.

Путь Немезиде преграждала вылетающая с разных сторон охрана: налету трансформирующиеся демоны, — инкубы, джинны, ракшасы.

Оглушительный гвалт, состоящий из рёва демонов, женского визга, хлопков выстрелов и свиста лазерных лучей, казался адом, обрушившимся на землю.

Куски огромных, практически бессмертных чудовищ, покрытые непробиваемыми щитками, разлетались в стороны из вихря дьявольской мясорубки.

На опустевшие столы вокруг сыпались оторванные руки, ноги и крылья.

По полу катились головы демонов, и после смерти продолжающие бешено вращать глазами.

Трансформация самого Харлея заняла секунду, не больше.

Огненное чудовище одним прыжком оказалось на столе, готовое ринуться на внезапного противника.

Но некая сила налетела со стороны, смяла крылья, вцепилась в горло, опрокинула на пол, на спину.

Нанеся сокрушительный удар сыну в челюсть, Шерлез де Вуд прогудел:

— Беги отсюда! Призрак натравлен на тебя!

Харлей страхнул с себя отца и потёр ушибленную челюсть.

Отвратительно воющая мясорубка, оглушая, приближалась. В условиях обострённых до предела инстинктов и бегущей со скоростью света мысли Харлею казалось, месиво двигается как-то чересчур медленно, словно под водой. Даже фонтаны крови, бьющие в стороны, казались замедленной голографической записью. Шоу.

— А мама?! А ты?.. — только и спросил он.

Шерлез де Вуд взревел:

— Ты оглох?! Призраку нужен ты, или сам не видишь?! Забудь обо всём и беги! Я потерял одного сына и не потеряю второго, слышишь?!

Шерлез грубо встряхнул сына. Когтистая лапа взметнулась в воздух, отвечивая Харлею оглушительную оплеуху.

В тот момент, когда призрак расправился с последними охранниками и прыгнул, разлетелись в разные стороны и оба демона.

Последнее, что увидел Харлей на собственной свадьбе было искажённое ненавистью лицо демона Шерлеза де Вуда, когда тот атаковал карающего призрака, заслоня сына собой.

Если отец прав и Немезида натравлена на него, Харлея, то если он скроется, призрак последует за ним, и, таким образом, удастся спасти тех, что ещё живы.

В следующий миг Харлей вытянул перед собой чёрные когтистые лапы и прыгнул прямо в прозрачную стену купола. Она разбилась с оглушительным звоном, разлетелась на тысячу осколков, врезаясь в чёрное тело крылатого чудовища.

Харлей собирался взлететь так высоко, как мог, но одно из крыльев повисло тряпкой, в

бок, под рёбра с хрустом врезалось что-то острое и холодное, стеклянная крошка облепила лицо и демону пришлось зажмуриться, спасая глаза.

Он падал, переворачиваясь в воздухе, пытался вырваться уцелевшим крылом. Выходило неважно.

Чёрный асфальт приближался с невиданной скоростью.

Раздался оглушающий удар, практически одновременно — тошнотворный хруст, и чёрная фигура демона замерла, распластанная на земле.

Харлей пришёл в себя от раздирающей изнутри боли.

Попытка пошевелиться заставила заорать.

Стерев с лица вязкую красную жидкость, залепившую глаза и нос, Харлей увидел, что лежит посреди безлюдной улицы в обычной ипостаси. Видимо, удар и раны, полученные от разбитого стекла, оказались так силён, что демоническая трансформация не выдержала. Задыхнувшись от ужаса, инкуб прислушался к себе и когда понял, что внутренний демон жив, правда едва-едва, облегчённо захрипел.

Регенерация демонов брала своё. Правда, не так быстро, как хотелось бы Харлею. Постепенно обезображенные руки и ноги начинали слушаться и боль от движений становилась терпимой.

Казалось, вместе с ударом что-то стряслось с кратковременной памятью демона: Харлей не мог понять, как он, который только что сидел во главе стола на собственной свадьбе, оказался здесь, на асфальте, практически искалеченным.

Память вернулась, когда сверху спикировал мерцающий силуэт с горящими красным глазами.

Позабыв о боли, Харлей вскочил на ноги и, прихрамывая, кинулся в ближайшую подворотню. Следом раздавались тяжёлые шаги.

Что-то свистнуло у самого уха и демон побежал зигзагами.

Мир сузился до надвигающихся на него стен со светящимися неоновыми вывесками, углами, за которые инкуб сворачивал и топота за спиной.

Вынеся плечом дверь ближайшего подъезда, Харлей взбежал по лестнице, рванул на себя чердачный люк, и, подпрыгнув на пару метров, оказался на чердаке. Снизу доносилась чудовищно пугающая, леденящая душу поступь.

Харлей не стал петлять по чердаку, осторожно распахнув узкое оконце, вылез в него, обдираясь о ржавый ставень, и, прикрыв за собой, сиганул вниз. Приземлившись на полусогнутые ноги, помотал головой, приходя в себя и ринулся в другой подъезд, где повторил маршрут, только на этот раз трансформировавшись наполовину, перепрыгнул на соседнюю крышу.

Боль раздирала изнутри, растекалась до границ внезапно съёжившегося и свихнувшегося мира.

Но эта же боль не давала отключиться от слабости и гнала вперёд.

Взлететь демон по-прежнему не мог, лишь прыгать, и то с трудом.

Но спустя какое-то время шаги за спиной утихли и Харлей склонился пополам, тяжело дыша и переводя дух.

Звон линкофона заставил его подпрыгнуть и грязно выругаться сквозь зубы.

Звонок звучал очень близко и поначалу Харлей подумал, что призрак нагнал его. Затем пришла мысль, что карающий призрак вряд ли будет пользоваться связью, пусть и самой современной.

Харлей оглядел себя. От костюма остались лишь рваные обугленные ошметки, чудом

сохранившиеся после трансформации в огненное чудовище. Из одного из таких ошмётков, который при каждом движении стучал по бедру и раздавался звон.

Выудив линкофон, Харлей хрипло выдохнул, принимая сигнал.

— Харлей! Ты там как? Веселишься на свадьбе?

Голос Артура Ксавье, лучшего сыщика Слитсберга и друга демона, был самым радушием.

— А как же, — рвано выдохнул Харлей и закашлялся. — Веселье в самом разгаре.

— Ты, я смотрю, не в духе, — протянул Артур. — Неужели я прервал первую брачную ночь?

Следом за голосом включилась видеосвязь и Артур поперхнулся, глядя на обнажённого, в рваных ранах, порезах и кровоподтёках инкуба.

За спиной человека светило солнце, виднелись верхушки пальм. Харлей вспомнил, что Артур с подругой собирались в Голденбич, на другой материк. Судя по тому, что у них там день-деньской, сыщик явно перепутал время.

— Что стряслось? — голос Артура мигом стал сух, в нём зазвучали стальные профессиональные нотки.

— Немезида. Карающий призрак, — пояснил Харлей. — Кто-то натравил его на меня. Джина мертва. Возможно, — голос его дрогнул, — отец и остальные тоже. Там была настоящая резня, когда я разбил стекло и выпрыгнул. Я успел прийти в себя, прежде, чем эта тварь выскочила за мной, а я видел, на что она способна за считанные секунды.

— Мне можешь не рассказывать, — прервал его Артур. — Где ты?

Харлей заозирался. Раньше он никогда не был в этом районе.

— В Слитсберге, — сказал он и растянул в улыбке рот, приоткрывая окрашенные красным зубы. — А ты ожидал, что я прячусь под соседним шезлонгом?!

— Не умничай, — буркнул сыщик. — Покажи мне небо.

Харлей послушно направил экран линкофона вверх, но не удержался:

— На хрена?

— На... затем, что я знаком с действием карающих призраков, — быстро проговорил Артур. — Надолго от неё оторваться у тебя вряд ли получится. Вообще я удивлён, что ты жив, приятель.

— Представь себе, я тоже! — нервно воскликнул демон. — Она метилась в меня, но Джина качнулась навстречу, и жало этой твари...

— Беги!! — страшным голосом крикнул сыщик, обрывая инкуба на полуслове.

Ноги среагировали быстрее Харлея.

Сцепив зубы от боли, он выудил из линкофона наушник, и, вставляя его в ухо, прорычал на бегу:

— Куда?

— Прямо! — уверенно сказал Артур. — А теперь направо.

Адский забег продолжился. Харлей петлял по узким улицам. Редкие ночные прохожие разбегались прочь, видя окровавленного, бегущего куда-то демона. И правильно: в разборки этих высших лучше не соваться. Улицы, оставленные за спиной Харлеем, стремительно пустели.

Он карабкался по каким-то лесам на стройках, забирался на верхние этажи и, с рёвом трансформируясь, перепрыгивал с крыши на крышу. Он скакал через рытвины и канавы,

спугнул стаю бродячих собак, которые, разнообразия ради, решили весело и громко преследовать бегущего демона. Правда, после того, как Харлей оторвал голову кудлатому вожаку, брызнули в разные стороны с обиженным визгом.

— Стой.

Снова сначала послушались ноги, и лишь затем до демона дошёл смысл команды.

Хрипя, он прижался к холодной каменной стене и замер. В глазах было темно.

Постепенно зрение вернулось, а дыхание выровнялось. Оглядевшись, Харлей понял, что находится в каком-то закоулке. Здесь было сыро, пахло гарью и мокрым камнем.

— Что теперь? — прохрипел он в микрофон.

— Замри, — приказал Артур. — Уже скоро.

— Что скоро-то?

— За тобой придут.

— Артур, чтоб тебя черти съели! Ты можешь говорить по-человечески? Кто за мной, сто демонов мне в задницу, должен прийти?!

Человек на том конце провода вздохнул.

— Ты слышал о Департаменте Х?

— Ну, — протянул демон. — Допустим.

— Рад за тебя, — огрызнулся человек. Но всё же пояснил: — Глава Департамента мне должен. Я уже обрадовал его, что появился шанс вернуть долг. За тобой выехал лучший агент, Х-класс. Он выведет тебя в безопасное место и поможет оторваться от Немезиды, пока они готовят Ловца...

— Ты издеваешься?! Ты хочешь сказать, что я всё ещё не оторвался?!..

— Не смейся мои бока, демон. Ты не знаешь что такое карающий призрак.

— Того, что я видел, мне достаточно.

— Не достаточно, если до сих пор жив. Теперь молчи. Не занимай эфир и не привлекай внимания.

В минуты ожидания, когда исчезла необходимость куда-то нестись, сломя голову, как подстреленный заяц, Харлей был почти счастлив.

Счастье сошло на нет, едва за поворотом раздался шаг.

Когда в освещённом фонарём просвете между домами показалась хрупкая фигурка, затянута в кожу, Харлей чуть не выругался от облегчения.

— Здесь никого нет, — раздался звонкий и мелодичный, но очень серьёзный голос.

— Хорошо замаскировался, — хмыкнул в наушнике голос Артура.

Фигурка сделала пару шагов и оказалась хрупкой невысокой девушкой с убранными назад белыми волосами. Должно быть, ей сказали, где искать, потому что она, наконец-то разглядела демона.

— Объект принят, — сказала она, склонив голову. — До связи.

Прежде, чем Харлей успел что-то сказать, строго обратилась к нему:

— Агент По к вашим услугам, Харлей де Вуд. Следуйте за мной.

Глава 2

Пандора всю жизнь мечтала об этом задании.

Шла к нему, можно сказать, с того момента, как впервые шагнула на территорию засекреченного объекта ИУВСа, Исследовательского Университета Военных сил Слитсберга.

Нет, даже ещё раньше.

Ещё дома, на островах, будучи совсем крохой, она заявляла, что вырастет и станет X-классом.

Конечно, ей не верили. Смеялись. Говорили, что максимум, на что может рассчитывать нищая сирота-подкидыш, без какой-либо принадлежности к клану, это место стража или охотника. Тем более, такой заморыш, как она. Надо сказать, крохой Пандора была совсем хилой и часто болела.

Тхон-Тао — архипелаг, на который непонятно каким ветром занесло Пандору совсем крошкой, состоит из островов-монастырей. Причём, монастырей с очень сложной системой посвящения, инициирования и преемствования, монастырей, где обучаются лучшие мастера боевых искусств. Звуки боя, будь то удары деревянных палок, мечей, кривых сабель или свист стрел и метательных звёзд звучит вперемешку с трубным рёвом, протяжной песней морских раковин, ударами гонга и взрывающей к самым небесам молитвой.

Население — смуглое, быстроглазое, крепкое. И очень чванливое.

На щуплого белокурого найдёныша, хлипкого и болезненного смотрели с тем самым выражением в узких глазах, как смотрят на подышающую от старости собаку. Со смешанным чувством сожаления и смирением перед неизбежным.

Никто не верил, что девочка выживет.

Упорные ежедневные многочасовые тренировки, которые неизбежно заканчивались даже не слезами, а воем от боли, конечно, сделали своё дело, закалили и натренировали тело, но память, как её лихорадило неделями, особенно в сезон дождей, у соседей осталась.

Пандоре повезло. Мастер Корвен разглядела в ней потенциал и дала возможность показать себя на турнире.

У неё был лишь короткий меч для поединков и лёгкая кольчуга (перекидываться во время турнира строжайше запрещается).

Сорок пять килограмм отчаяния против центнера рабочих мускулов кхонца-бойца.

Плюс натиск, плюс задор, плюс понимание, что это её единственный шанс в жизни!

Она победила в поединке и её заметили. Правда, победа на турнире была уже ни при чём.

Побеждённый кхонец не дожидаясь вечера.

Меч Пандоры оказался отравлен.

Лишь чудом удалось избежать подземной тюрьмы и рудников и распутать проклятый узел, найти того, кто её подставил, а бонусом предотвратить покушение на Владыку.

Владыка и отправил её на материк, в Слитсберг, учиться дальше.

В военной академии пришлось всё начинать заново. Островные приёмы здесь воспринимались, как дикость. Плюс теоретическая база знаний, плюс знакомство с последними технологиями. Связь, навигация, стратегия, шпионаж, военная химия и многое другое.

По ночам Пандора глотала злые слёзы от усталости. Страницы учебников сливались в одно мутное пятно, а строчки стекали с бумаги и пускались в пляс. Это было отвратительное ощущение: когда мозг застыл, как янтарь, отказываясь проглотить

лишнюю каплю информации.

Пандора чувствовала себя тупой и разбитой.

А ещё она была единственной девушкой на курсе.

Приходилось отстаивать право не только на то, чтобы быть воином, но и право ночевать одной, в специально для неё оборудованном блоке, с личным душем и уборной.

Были попытки «угговорить». Все, как одна заканчивались членовредительством.

И слезами отчаяния по ночам. Потому что методы «угговоров» порой были страшными.

Если бы не своевременная помощь и везение, ничего бы у неё не вышло. И тогда никто (и в первую очередь она сама) не стал бы её уважать.

Но Академия осталась позади, причём со звёздным дипломом, настал черед практики в Департаменте.

И за эти два года она справилась! Не только осталась в Департаменте, но и получила класс X.

Это был самый счастливый день её жизни.

А что кроме неё самой и Рума с Бергом некому было за неё порадоваться, это детали.

Главное: их с Румом поставили в связку!

Им предстояло отправиться к Кагрополь, самый красивый и таинственный город в Атлантиде, чтобы расследовать загадочную серию убийств титулованных горгон.

Головокружительное начало карьеры!

Когда шеф спешно вызвал её в свой кабинет, на сотый этаж, Пандора чуть ноги на радостях не переломала, так спешила. Казалось, время и пространство замерли, лифт стоял на месте, не двигался...

Шеф жевал губами и избегал смотреть в глаза.

То есть он смотрел, но Пандора видела, что смотрит он не в глаза, а в переносицу. Известный приём из военной психологии. Называется «подавляющий взгляд».

А потом шеф озвучил приказ и Пандора с трудом устояла на ногах.

— Что?! — она даже о субординации забыла. — Вывести инкуба? Демона? Отразить атаку карающего призрака? Но...

— Вообще-то не совсем, — перебил её шеф и указал на стул напротив. Пандора быстро и с облегчением села. Ноги совсем не держали после такой новости.

— Тебе предстоит не только увести его от Немезиды, но и провести по маршруту, которого ещё нет. Довести до Ловца. Действовать надо по ситуации. Семья де Вуд — особенные клиенты.

Пандора часто моргала. Да, кажется, слышала что-то такое в новостях. Только глухой, кажется, не слышал. Элита. Высшие демоны. Владельцы унобтаниевых рудников, да. Но, вихрь, причём тут она, Пандора?!

Пока вихрь мыслей пытался завладеть её вниманием, шеф продолжал знакомить с поставленной задачей.

Ей предстоит охранять высшего демона, транспортировать его (как они это себе представляют?!) туда, куда будет приказано в то время, как Департамент будет заниматься расследованием покушений на золотого мальчика, наследника богатого папаша. Вроде до Немезиды была ещё парочка, но если злоумышленник не погнушался задействовать карающего призрака (а его не так-то просто достать!), ему ой как припекло оставить империю де Вуд без наследника...

— А как же Кагрополь, — вырвалось у неё, наконец, — Атлантида?..

И дело было даже не в том, что Атлантида интереснее... Просто привлекать X-класс для банальной охраны... звучало даже как-то оскорбительно, что ли... И совсем неутешительно для записи в личном деле.

О том, что Рум отправится в Кагрополь без неё и вовсе думать не хотелось.

Шеф посмотрел на Пандору так, словно она с луны упала.

— В связке с Румом будет работать агент Джейсон, — сказал он после небольшой паузы, должно быть решил, что Пандора имеет право знать. Они уже вылетели.

— Как?!

Вылет был назначен на завтра, на четыре утра... А сейчас десять вечера и Пандора чудом задержалась в Департаменте. Всё сидела, изучала карты Кагрополя и дело о серии убийств... А Рум, получается, уже улетел. И не попрощался? Не может быть!

— Агент По, — строго сказал шеф. — Пандора, — добавил уже мягче. — Семья де Вуд для нас в приоритете.

— В большем, чем особы королевской крови? — не выдержала Пандора и тут шеф отвёл глаза.

— Дело в том, что за Харлея де Вуда кое-кто замолвил словечко.

Пандора ушам не верила. Замолвил словечко?! И проканал? В Департаменте X?! Немыслимо!

— Кое-кто, кому я должен, — счёл нужным пояснить шеф. — Поэтому я и поручаю это дело лучшему агенту. Из возможных, — добавил он, когда брови Пандоры поползли вверх.

Сообщив, что разговор на этом окончен и остальные инструкции она будет получать по ходу дела, шеф ткнул в иконку на панели и двери за спиной Пандоры разъехались в стороны.

Совершенно обескураженная, она вышла из кабинета, на ходу разворачивая пространственную карту над линкофоном.

Она чувствовала себя обманутой. Закралась даже мысль, что её подставили, но Пандора отогнала её, как совсем уж несуразную. Кому понадобилось бы её подставлять?

Хотя охрана и сопровождение золотого мальчишки-демона... что это, как не подстава?! Притом довольно-таки свинская. Пандора терпеть не могла демонов. Особенно инкубов. А за что, собственно, их любить?!

*

Демон нашёлся сразу. Там, где и было указано.

Первое впечатление, которое он вызвал у Пандоры (помимо злости), было удивление. Она-то рассчитывала увидеть эдакого золотого мальчишку-плейбоя, как и все демоны, возмнившего о себе невесть что. Наглого, избалованного донельзя, испорченного.

Вместо этого у графитовой стены замерла грудка мускулов под два метра ростом, и, несмотря на то, что грудка эта оказалась порядком покорёженной (Немезида, мать её! Карающие призраки — идеальные орудия убийства!), недостатка в силе там не чувствовалось.

А ещё демон был голым. Абсолютно. Обгорелые ошмётки, присохшие к ранам тут и там, сложно было назвать одеждой.

И даже скудный отсвет ночного фонаря и полумрак подворотни не могли скрыть его

безупречного сложения. Имеется ввиду, сверху, конечно. Ниже пояса Пандора как-то не посмотрела. Хотя здоровье этого увальня теперь на её, Пандоры, совести и осмотреть его раны всё же придётся...

— Повернись, — сказала она ему.

— Что? — не понял демон.

— Тебя контузило?

— Да вроде нет, — Харлей даже опешил от такого натиска. — С какой стати мне вертеться, как мельница?

— Не советую тратить время на разговоры, — отрезала Пандора. — Мне нужно осмотреть повреждения.

— Ты медик?

— Я X-класс, — буркнула Пандора и сделала нетерпеливый жест рукой. Да повернись ты уже, вот наказание!

Хмыкнув, инкуб демонстративно поиграл мускулами на груди и принялся поворачиваться вокруг.

Пандора скривилась. Вот же показушник! Наверное, поддыхает от боли, несмотря на всю их хваленую регенерацию, а не упустил случая покрасоваться. Пакость какая...

Когда Харлей развернулся обратно, он даже поперхнулся от негодования.

— Эй! Ты что творишь?!

Обиделся, должно быть, когда увидел, что Пандора снимает его на линкофон.

— Не трясись. Это ультрасовременный сканер. Надо понять, насколько сильно тебя Немезида покоцала. А ты думал, я на сиськи твои люблюсь и домашнее видео снимаю?

От упоминания карающего призрака Харлей скривился, словно надкусил лимон. И всё же счёл своим долгом пояснить:

— Домашнее видео снимают по-другому. А ты злишься, потому что у тебя своих сисек нет.

— Да, по сравнению с твоими мои проигрывают. Причём позорно.

Она замолчала, явно сосредоточилась на отправке данных и Харлей воспользовался тем, чтобы рассмотреть хваленый X-класс получше.

В спину ей бил свет фонаря, что существенно мешало процедуре разглядывания. Но зрение высшего демона почти совершенно, даже если этот самый высший демон поддыхает от боли.

Ожидая X-класс, Харлей рассчитывал увидеть бойца, как минимум джинна или ракшаса, хотя уместней было бы встретить на этой должности высшего демона. Мужика. А не какую-то пигалицу от горшка два вершка, возмнившую о себе невесть что.

Какая-то она совсем ещё сопля. Угловатая опять же, как подросток.

Презрительный прищур, глаз, пока пялится в панель линкофона, не разглядеть, брови вразлёт, губы сжаты в одну линию, задорно задранный нос, широкие, но не слишком, островатые скулы, острый, опять же, подбородок. Бледная, или это на контрасте с кожаной обтягивающей, как перчатка, курткой? И волосы белые, как снег.

Словом, не его, не Харлея типаж. От слова совсем.

А ещё какая-то она холодная. Даже зажатая.

Внутренний демон, подвывающий от боли, крыло бы сейчас отдал за глоток

живительных эмоций. Но от этой (раненый Харлей никак не мог определить её расу... Вроде и не человечка, слишком уж много о себе думает. Фурия? Да нет. Оборотень? Опять же, вроде нет...) кем бы она ни была, лишь лёгкий шлейф морозного такого презрения, а ещё, кажется, личной неприязни.

И это странно. Он, Харлей, деваху эту впервые видит. Чем он успел ей насолить-то?

Откуда столько презрения?

— Понятно, — буркнула, наконец, Пандора и Харлей спешно отвёл взгляд в сторону. И не думал он её разглядывать! Было бы там, на что смотреть... — Лететь сможешь?

— С крылом что-то, — сцепив зубы, признался Харлей.

В ответ она скривилась, словно это он, Харлей, виноват в том, что на него натравили бешеную двухметровую бабу!

— Повернись.

— Опять?

— Задницу твою плохо рассмотрела, — взвилась она. — Не могу себе простить!

Харлей хмыкнул.

— Смотреть смотри, но не трогай, — не сдержался он. — Ты не в моём вкусе.

— Иногда тяжело удержаться, — раздался голос из-за спины, а в следующий момент между лопаток хрустнуло и тело пронзила резкая боль.

— Д... д... д... совсем с катушек съехала?! — Харлей с трудом устоял на ногах, и то только потому, что вовремя выставил руки перед собой, упираясь в стену. По телу прокатывались волны остаточной боли, понемногу утихая.

— Показалось, что Немезида обошлась с тобой чересчур уж нежно, захотелось добавить, — невозмутимо сообщила девчонка. — А теперь ноги в руги или что у тебя там и полетели.

Когда Харлей обернулся с явным намерением преподать нахалке такой урок, что на всю жизнь запомнит, за спиной у пигалицы распахнулись крылья. Огромные, заняли всю подворотню, словно серые паруса.

— Гарпия, — вырвалось у Харлея обескураженное.

— Тебе не откажешь в наблюдательности. Ну же, погнались.

Оттолкнувшись стопами, Х-класс взмыл в воздух.

Харлей думал, что стоит ему только попытаться принять трансформу, тут ему и конец придёт. Но трансформация каким-то чудом случилась чуть ли не сама собой, а когда за спиной распахнулись оба (целых!) огненных крыла, демон сам не заметил, как взлетел вслед за гарпией.

Маленькая, юркая, она облетела его, словно вихрь и махнула за собой, беря выше.

— Это в Департаменте такому учат? — не удержался демон, чувствуя нечто вроде благодарности за возвращённое крыло.

— Нет, — отрезала гарпия. — На островах. Тхон-Тао.

— А туда за каким чёртом тебя занесло?

Х-класс не ответил. Вместо этого вредная гарпия прибавила скорости и высшему демону пришлось сильно поднапрячься, чтобы не остаться позади.

Глава 3

Они понеслись над ночным Вилскувером, виляя между шпилями высоток и забирая вверх над парящими зданиями. Столица Слитсберга сияла и переливалась под ними тысячей огней и неоновых вывесок.

Когда Харлей всё же начал отставать и уже готовился перешагнуть через гордость и признаться, что ему нужна передышка, гарпия спикировала на крышу небоскрёба.

Сцепив зубы, Харлей опустился следом, на ходу возвращая обычную форму. Оборот в огненного демона сжёг остатки одежды, хорошо, что линкофон в огнеупорном футляре догадался повесить на шею.

Тяжело дыша, он не сводил глаз с гарпии, которая с серьёзным видом сложила крылья и подошла к краю крыши. Мысль, что она собирается с неё сигануть, а значит, и ему, Харлею, придётся, заставила чуть не взвыть.

Но вместо этого Х-класс протянул руку и спустя десять секунд в распахнутую ладонь опустился небольшой дрон. Серый, в графитовых разводах, такой не заметишь в темноте, если специально не приглядываться. Призрак.

— Что это за хрень?

— Помолчи.

Гарпия отцепила от дрона небольшой цилиндр и отпустила вертолёт, который тут же растворился в сумраке. Затем направилась к Харлею.

— Стой спокойно и не рыпайся.

Сказано было таким оскорбительным тоном, что Харлей не нашёл ничего лучше, как демонстративно потянуться и заложить руки за головой, выставя этой пигалице себя во всём великолепии.

Но ему, кажется, досталась какая-то бракованная гарпия. Она и бровью не повела рядом с обнажённым инкубом, а деловито распахнув цилиндр на две половинки принялась наносить на его раны какую-то шипящую мазь.

Стоило первой порции мази попасть в рану, Харлей выпучил глаза и с трудом подавил стон. Не хватало ещё быть перед этой пигалицей от боли. Она же, нанося мазь, совсем его не жалела. Действовала чётко и бездушно, как робот. Ни одного лишнего движения.

Раны затягивались на глазах. И если бы не адская боль, Харлей, несомненно, возрадовался бы этому. Но он был слишком занят: принимал нечеловеческие усилия, чтобы не заорать, а ещё изо всех сил сжимал сфинктеры.

Когда взрывная, раздирающая изнутри и снаружи волна пошла на спад, инкуб пригляделся к агенту Х-класса повнимательней.

Он готов был побиться об заклад, что если бы не клятая боль, и будь рядом чуть более подходящая девка, он счёл бы эту ситуацию пикантной.

Впрочем, когда Пандора с сосредоточенным видом опустилась перед ним на колени и, сосредоточенно наморщив лоб, принялась наносить мазь на бёдра, брови инкуба чуть приподнялись.

С этого правильного ракурса гарпия оказалась более привлекательной, чем в том переулке. И эти сложенные за спиной крылья... Вот чего он не мог понять, так это того, как гарпии умудряются сворачивать такие паруса за спиной, так, что и тени от них не падает.

Сверху её крылья выглядели мягкими и тёплыми. Сквозь серые, почти стальные перья проглядывал белый лебединый пух. Интересно, какие они наощупь? Захотелось нагнуться, коснуться рукой, проверить самому.

Не меняя позы, Пандора подняла на него взгляд и демон не успел отвести глаза. Словом, этого делать и не хотелось. Она была жуть какая серьёзная, но при всей этой серьёзности выглядела хрупкой и уязвимой, особенно сейчас, у ног высшего демона.

Видимо, было что-то такое в его взгляде, потому что в следующий миг гарпия рывком оказалась на ногах, только воздухом обдало от хлопнувших за узкой спиной крыльев.

— Держи!

Она ткнула его кулачком с зажатым в нём цилиндром с мазью в солнечное сплетение. Ощутимо так ткнула.

Харлей охнул.

— У тебя приказ меня защитить или покалечить?!

Гарпия фыркнула.

— Вот уж не думала, что высшие такие неженки!

На неженку Харлей обиделся. Даже не нашёлся, что сказать. Боль постепенно отступала, а вместе с ней отступало раздражение. Он снова окинул затянутую в чёрное фигурку взглядом. Нет, гарпия не перестала быть не в его вкусе, но всё же... Всё же что-то в ней, такой маленькой и серьёзной, явно было.

Белая, как снег, кожа. Белые же волосы. А глаза, которые она презрительно щурила, оказались тёмными, серыми. Харлей моргнул несколько раз, когда увидел в них себя чётче, чем следовало. Бледным, взлохмаченным, растерянным.

— Дальше сам, — буркнула гарпия и Харлей не сразу понял, что это она об оставшихся необработанных ранах.

— Всё? — иронично поднял бровь демон. — Твоя забота на этом иссякла? Быстро.

Гарпия фыркнула и передёрнула плечами.

— Я тебе больше скажу, она и не думала начинаться.

Демонстративно отвернувшись, она вновь направилась к краю крыши.

На этот раз Харлей заметил призрака, пикирующего в её ладонь.

А когда она направилась обратно, тут же принялся наносить мазь, пожалуй, немного поспешнее, чем следовало бы.

— Ай! — он вздрогнул, когда укололо в плечо.

Пандора пожала плечами и, закручивая крышку на крохотном цилиндре, закатила глаза с таким видом, мол, ну ты и неженка.

— Что это ещё за... — начал было Харлей, глядя на этот самый цилиндр в её руках. Прозрачный, напоминает колбу с красной жидкостью внутри.

Не обращая на него внимания, Пандора поманила дрон, и, когда тот подлетел ближе, раскрыла пальцы, так, что цилиндр с кровью оказался в центре её ладони. Дрон выпустил манипулятор и подхватил цилиндр. Следом Пандора вложила в стальной захват тот, в котором была мазь.

— Это ещё зачем? — спросил демон, когда вертолёт поднялся в воздух. — Кровь на анализы?

Крылатая закатила глаза с таким видом, мол, за что мне это наказание.

— Попробуем отправить призрака по ложному следу, — всё-таки пояснила она.

Харлей хмыкнул.

— Думаешь, получится?

Гарпия пожала плечами.

— Не думаю. Но такова инструкция.

— Вот вы все, военные, умом не отличаетесь, — съязвил демон. — А у тебя ещё и сисек нет.

— А я думала, чем больше сиськи, тем короче ум, — парировала гарпия и демон не нашёлся, что ответить на это. А когда до него дошёл скрытый смысл намёка, парировать было поздно. Вот же гадина какая!

Не успел ядовитый ответ сорваться с его языка, мелкая заноза уже взмыла над крышей. И даже не обернулась, нахалка, явно даже мысли не допустила, что Харлей откажется следовать за ней, как телок на верёвочке.

Демон всё же поднялся вслед за гарпией. Никогда он не думал, что в отсутствии боли при наличии двух функционирующих крыльев и кроется, что называется, счастье!

Чувствуя себя более уверенно, он налету набрал позывные Артура.

Пора, наверное, поблагодарить друга за помощь и двигаться дальше самому. В собой же задаваемом направлении. К услугам наследника де Вуд любая охранная контора, любое детективное агентство, не говоря уже о федеральных службах...

Артур не отвечал.

Харлей скрежетнул зубами, и быстро, пока не смалодушничал, вызвал отца.

Мысль о том, что отца может уже не быть в живых, была какой-то неправильной.

Шерлез де Вуд, настоящая скала и акула бизнеса, с детства был для Харлея самым воплощением реальности. Казалось, не станет этого сильного и умного демона — и мир перестанет существовать. Но мир-то до сих пор не рухнул. Бил ветром в лицо, доносил сигналы мобильных и запах мокрого асфальта. Сиял огнями рекламных вывесок и билбордов. Значит, и отец...

— Харлей, милый, это ты, это правда ты!

Последний раз Харлей слышал, как мать рыдает... Пожалуй, никогда. Даже когда Шерлез де Вуд внёс изменения в завещание, лишив одного из сыновей наследства и запретил в своём доме упоминание имени Эрама, оборотень-пантера сообщила, что это всё чушь, и что «вы, мальчики, обязательно помиритесь», а потом умотала в SPA на комплекс vip-процедур, как ни в чём не бывало.

А сейчас она сдавленно всхлипывала и Харлей словно наяву увидел, как дрожат её холёные пальцы.

— Он в операционной, он до сих пор в операционной, — повторяла она с таким надрывом, что Харлей понял, откуда у него это восприятие отца, как самой объективной реальности. Эдакого центра мира.

От матери. Именно такое отношение к мужу и внушала Марго де Вуд всем окружающим, даже собственным детям.

— Всё будет хорошо, — хрипло прорычал демон, потому что не знал, что ещё сказать. — Мама...

— Ты же не думаешь, что это Эрамчик, правда? — всхлипнула Марго и Харлей помотал головой. Он вовсе не думал так о брате.

Но, прежде, чем успел успокоить мать, как мог, цепкие пальцы выхватили из рук линкофон. Размахнувшись, Пандора бросила мини-панель как можно дальше.

— Ты что творишь?! — взревел демон, делая рывок к гарпии.

Но когтистые лапы поймали воздух.

Маленькая, юркая, нахалка перевернулась в воздухе и взяла выше.

Проносясь над головой демона, крикнула:

— А на что это похоже? Не даю тебе совершить ритуальное самоубийство!

Демон, чьё терпение лопнуло, рванулся за серокрылой летуньей с целью на этот раз преподать ей хороший урок, но поймать её оказалось не так-то просто, слишком уж она оказалась быстрой.

И, что самое обидное, ей, казалось, совершенно не стоило прилагать усилий, чтоб держать его на расстоянии. Гарпия даже не запыхалась, только смотрела на него, как на неразумного младенца, что, понятно, не способствовало спокойствию демона.

— Ритуальное самоубийство?! — взревел Харлей. — Что ты несёшь?

— Выношу кое-что, а именно — мусор! — зло крикнула гарпия. — Работа такая. Или ты думаешь, они не отследят тебя по линкофону?

— Кто они? Призрак?

— Ты совсем болван! Причём тут призрак? Те, кто натравил его на тебя!

— А причём тут связь? — взъелся Харлей. — У нашей семьи свой канал. К нему даже у федералов доступа нет!

— Но не федералы натравили на тебя Немезиду!

Харлей начал остывать.

— Мне нужно связаться с братом! — процедил он сквозь зубы.

— С тем, который натравил на тебя призрака? — иронично подняла бровь гарпия. — Не вопрос! Вот сдам тебя на руки Ловцу, хоть саму Немезиду зови на танец!

— Когда это, уже, наконец, случится? — прорычал демон. — Лучше уж эта двухметровая милаха, чем ты. Опять же, и сиськи у неё побольше будут! Хотя справедливости ради — они и у морской звезды побольше будут!

Гарпия только глазами гневно сверкнула.

Попетляв над городом, взяла курс на окраину, и, прежде чем пойти на снижение, громко поздравила себя вслух, что избавится, наконец, от общества напыщенного индюка.

Харлей поспорил бы с ней по поводу напыщенного (и индюка, конечно!), если бы сам не обрадовался такому известию. Наконец-то мелкая высокомерная заноза оставит его в покое. Он свяжется, наконец, с матерью, с Эрамом, с Артуром, наконец!

На крыше, на которую они опустились, Пандора выудила из дождевой выемки два свёртка. Один сунула в сумку на боку, другим швырнула в Харлея.

Сцепив зубы, демон облачился в добротную пару — пиджак и брюки, не замедлив пробормотать, что явно кто-то с голоду и непривычки обалдел, вот и подсовывает ему, инкубу, шмотки прикрыть соблазн.

Гарпия фыркнула, что крючок, на который переловили, должно быть, всю рыбу в море, основательно так потёрся и утратил былую прелесть ещё когда она под стол пешком ходила. Так что с соблазном самовлюблённый демон явно перегнул.

Пребираясь так, что только искры летели, они спустились в лифте с прозрачными стенами и прошли пару кварталов, прежде чем зайти в пустующее кафе быстрого питания.

Когда Харлей спросил спящего на ходу паренька-кассира о связи и тот выложил на прилавок старенький линкофон в потёртом корпусе, поверх пальцев демона легла маленькая рука.

— Сделай одолжение, поживи ещё немного и не порть мне статистику, а? — миролюбиво попросила гарпия. — Вот сейчас передам тебя с рук на руки другому агенту и тогда звони хоть обзвонись.

А про себя подумала, что, пожалуй, могло быть и хуже. И что тот факт, что она блестяще справилась с поручением, возможно, поможет убедить шефа отправить её-таки в Атлантиду... Вот только Кристофера дожидаться.

Ещё совсем немного и этот избалованный демонический чурбан — головная боль лучшего Ловца Департамента.

Харлей поморщился, но руку от линкофона отнял. В конце концов, минутой раньше, минутой позже. Опять же, стойкий аромат выпечки и жареного мяса, одуряющий, впивающийся в ноздри, кружащий голову, который бывает только в дешёвых закусочных, основательно мешал сосредоточиться. Вымотанный вусмерть бегом и полётом Харлей мечтал только об одном: вгрызться в сочную мякоть двойного бургера, и чтоб соус в разные стороны, как в детстве.

Он открыл было рот, чтобы сделать пареньку заказ и так и замер с открытым ртом.

Вспомнил, что одежда на нём чужая, ни карточки, ни наличных. Линкофон, который напрямую завязан со счётом, противная гарпия выбросила.

И вот, наследник миллионов, самый завидный холостяк (теперь уже вдовец) Слитсберга, в какой-то дешёвой забегаловке, где не может себе позволить и крошки, в обществе наглой задиристой гарпии, без возможности связаться даже с полицией!

Запах фастфуда был одуряющим, наполнял рот слюной и заставлял живот прилипать к спине.

Чувствуя потребность хоть как-то отвлечься от кружащего голову голода, Харлей нахмурился и упрямо подвинул к себе старенький линкофон.

Точнее, попытался. В последний момент его пальцы коснулись пальцев гарпии, которыми та успела накрыть мини-панель на барной стойке.

Не успел Харлей прорычать, чтобы катилась со своими условиями туда, откуда вылупилась, гарпия озвучила заказ.

Встряхнувшись, словно только проснулся, паренёк принялся выкладывать на поднос многоступенчатые гамбургеры в тонкой бумаге, целый короб с жареной в кипящем масле картошкой, пирожки и высокие одноразовые стаканы с напитками.

Ну вот. Мало того, что за ним гоняется Немезида, так теперь ещё и женщина за него в кафе платит. Правда, эту белобрысую занозу женщиной можно назвать только с большой натяжкой. Слишком уж много о себе думает.

— Пошли, — позвала гарпия, расплатившись и подхватив поднос. — Кристофер будет с минуты на минуту. Не знаю, как ты, а меня такой длительный полёт всегда выматывает.

И тут же нахмурилась, отвернулась, словно пожалела о сиюминутной откровенности.

Рот Харлея мгновенно наполнился слюной. Он даже язвить не стал по поводу того, что кое-кто, похоже, выбрал не ту профессию.

С рычанием инкуб впился в огромный гамбургер, только-только развернув его, и проглотил половину, практически не разжёвывая. В секунду справился с остатком и схватил новый, чувствуя, что в жизни не ел ничего вкуснее.

Гарпия не отставала от демона: правда, если тот хватал с подноса бургеры, она уделяла особое внимание выпечке. Сминала её обеими руками, чтобы больше влезло, отрывала куски острыми белыми зубками и при этом не спускала глаз с гостеприимно открытых дверей.

Когда в кафе вошла шумная подвыпившая компания, презрительно скривилась.

Харлей проследил её взгляд: несомненно, основная доза презрения назначалась демону-инкубу в окружении стайки покачивающихся на высоченных шпильках, размалёванных девиц. Компания галдела, перекидывая даже звуки сирен на улице и обосновалась за круглым столиком, как раз между их стойкой у стены и выходом. Чем, судя по

нахмурившимся бровям гарпии и разозлила агента X-класса. Ведь наполовину загородили обзор!

Харлей торопливо отвернулся и вернулся к трапезе, не желая быть замеченным. Он узнал инкуба: с Лиатом они не раз пересекались на закрытых тусовках и даже в весёлом доме мадам де Жу. А принимать то ли поздравления, то ли соболезнования по поводу сегодняшней свадьбы у него не было желания совершенно.

— Ну где же, мать его, Кристофер... Без Ловца нам с ней никак не справиться...

Гарпия сердито посмотрела на экран линкофона, а потом перевела не менее сердитый взгляд на инкуба, словно это он был виноват, что Кристофер задерживается.

Харлей пожал широкими плечами.

— Я думал, у X-класса, как минимум, профессиональное терпение, — ухмыляясь, сказал он и отправил в рот хрустящий ломтик картофеля, предварительно щедро обмакнув тот в соус.

Гарпия вспыхнула.

Очевидно, сомнения в её профессионализме были для девчонки большой темой.

— У нас вообще много особенностей, — пробурчала она, нахохлившись. — И всё профессиональное.

— Кроме... — Харлей широко улыбнулся, не удержавшись, причём самой обольстительной своей улыбкой. — Ну, ты меня поняла, да?

Гарпия фыркнула.

— Ни на минуту не можешь расслабиться, да? — промурлыкал инкуб. — Мужика тебе надо, точно тебе говорю.

— Тебе обычно помогает? — подняла бровь Пандора, и, с удовольствием наблюдая, как на щеках высшего демона заходили желваки, желчно добавила: — То-то ты такой расслабленный.

— Если бы не вся эта беготня наперегонки со смертью, сладенькая, где ты вроде как немного помогла, я бы даже заткнул тебе рот в благодарность. Есть у меня кое-что, что предназначено для того, чтобы затыкать рот женщинам. И делать их расслабленными и счастливыми, да.

Гарпия вспыхнула к удовольствию демона, а потом заставила себя мило улыбнуться:

— Неужели? Неужели ты делишься своим ЧСВ и расстаёшься со своей манией величия хоть на минуту? И перестаёшь быть козлом? Как-то слабо верится.

— Кому-то достаточно минуты, сладенькая, — начал закипать демон. — Но только не мне.

— Управляешься за секунды? — хмыкнула гарпия. — Охотно верю.

— Слушай, ты всегда ведешь себя, как хм, неудовлетворённая язва? Если так, то ты выбрала неверную стратегию, детка. Тебе надо из штанов сигать, чтобы заставить кого-то заинтересоваться твоей тощей задницей. К слову, её ещё рассмотреть толком надо, а то мало ли, эти симпатичные кожаные штанцы врут...

— А тебе обязательно всё время быть мудаком? — осадил его гарпия. Она, наверное, хотела добавить что-то ещё, но дверь снова хлопнула, привлекая внимание, и, когда внутрь зашёл какой-то пожилой господин с тросточкой, пробормотала: — Ну где же Кристофер...

— Слушай, сладенькая, я не хочу ссориться.

— Я тебе не сладенькая! — взвилась гарпия.

— О! В чём-в чём, а в этом я не сомневаюсь, — закивал Харлей. — Просто ты мне вроде как помогла и я не хотел бы ссориться.

— Вроде как помогла? — фыркнула гарпия. — Ты это так называешь? — она презрительно окинула его взглядом, словно говоря им, что другого от демона она и не ждала.

Харлей почувствовал себя пристыженным.

— Ну ладно, ладно, сладень... ты помогла мне оторваться от клятого призрака, залечила раны и выкинула линкофон. Твою помощь в этом забеге сложно переоценить!

— Был бы он по итогу удачным, этот забег, — буркнула гарпия.

— Да ладно, — благодушно отмахнулся демон. — Всё в итоге сложилось хорошо и тебя ждёт чек с кругленькой суммой.

Он хлопнул себя по груди и выругался сквозь зубы, вспомнив, что выписать чек не сможет даже при всём желании.

— Не спеши, демон, — высокомерно бросил агент X-класса. — Сначала доживи хотя бы до завтра. Если что-то случилось с Ловцом...

— Я смотрю, кто-то паникёр, да, детка? Не иначе, как первое серьёзное задание? — по сверкнувшим глазам гарпии демон понял, что попал в яблочко. — Расслабься. От этого сумасшедшего призрака мы ушли и я не вижу причин сидеть здесь и ждать какого-то Кристофера, когда...

— Ты впервые столкнулся с карающим призраком? — перебила гарпия.

Харлей нахмурился:

— Надо сказать, бешеная баба застала меня врасплох. А иначе я бы ей показал.

— Вполне можешь, — тихо сказала Пандора, не сводя глаз с распахнувшейся двери. — Прямо сейчас.

Что-то в её тоне заставило Харлея обернуться. И обомлеть.

В дверях стояла Немезида. В опущенной руке призрак держал какой-то круглый предмет, с которого гулко капало на начищенную до блеска плитку.

Потянуло тошнотворным сладковатым запахом, который, смешиваясь с запахами жареного мяса и овощей, вызывал спазмы в горле.

Глава 4

На этот раз призрак был не на шутку разгневан. Харлей даже не думал, что призраки, оказывается, способны на эмоции. Правда, в отличие от эмоций живых, те, что испытывал призрак, буквально мечами пронзали внутреннего демона, заставляя того реветь от злости и боли.

— Эй, мисс, — только и успел сказать парнишка-кассир за прилавком, часто моргая, впечатлённый то ли гренадерским ростом новой посетительницы, то ли её наготой, а, скорее всего, сработал эффект комбо... и в следующую секунду осел с неподвижным взглядом и жалом в шее.

Медленно, как в кошмарном сне призрак повернулся к Харлею и взгляд красных глаз пронзил демона насквозь.

Призрак легко вскинул руку с круглым предметом, словно игрок в пляжный волейбол.

Какая-то сила отбросила Харлея в сторону, и, прежде, чем демон успел что-то сообразить, к его ногам подкатился круглый предмет. Судя по поджатым губам и мелькнувшему в глазах гарпии узнаванию, это и было ещё совсем недавно головой того самого Кристофера, Ловца, которого они так ждали.

Скалясь, призрак взмахнул руками, как дирижёр и стены кафе окрасились красным, словно в воздухе взорвалась банка с краской.

Подвыпившая компания гуляк, похоже, даже не заметила, как рассталась с жизнями. В следующую секунду на пол осыпались отдельные их части: руки, ноги, головы. Мощные лапы инкуба, который не успел сменить форму пару раз царапнули пол, на лице застыло недоумение.

Отбросив покорёженные тела ударом ноги, Немезида направилась напрямик на Харлея.

В секунду сменив трансформу, демон выбросил вперёд руку со смертоносным огненным заклинанием, но огонь прошёл сквозь мерцающий силуэт призрака, не навредив ему.

Пространство прорезали лучи. Стреляла гарпия. Но они, как и заклинание, похоже, ничуть не беспокоили Немезиду.

— На выход! — скомандовала гарпия.

Харлей снова выпустил огненный сгусток, метя на этот раз не в призрака, а в люстру над ним. И когда та погребла под собой голую девушку, ударом ноги разбил стеклянную стену. Вслед за Харлеем в стеклянный пролом выпорхнула Пандора.

— Быстрей, — Харлей машинально стряхнул с её волос стеклянную крошку.

Зажмурившись, гарпия помотала головой.

— Не успеем! — крикнула она. — Будем биться.

— Ты с ума сошла?

— Держись на безопасном расстоянии и метай огонь! — рявкнула Пандора. — Не подставляйся под жало!!

Разбитое стекло обрушилось окончательно, когда ослеплённая яростью Немезида выбралась из разгромленного общепита.

— Стреляй же! — крикнула Пандора, поднимаясь в воздух.

Харлей послушался, а когда жвала призрака привычно разъехали, метнулся за припаркованный у обочины мобиль.

Призрак направился было за ним, но что-то отвратительно вопящее и сверкающее обрушилось на него с неба, и, подхватив в когтистые лапы, оторвало от земли, поднимая всё выше.

— Стреляй!! — в оглушительном вопле Харлей слышал знакомые нотки, и выпустил по болтающемуся на высоте второго этажа призрака очередь из сгустков огня.

Призрак извивался в лапах гарпии, корчился, пытался достать её, но тщетно. Пандора изо всех сил драла тут же срастающееся тело когтями и ослепляла ударами крыльев, так, что призрак никак не мог попасть по ней.

Харлей никогда так внимательно не всматривался в боевую трансформу гарпий, но сейчас, когда инстинкты демона взяли своё, всё происходило, как в замедленной съёмке. Ещё секунду назад белая, фарфоровая кожа была покрыта сверкающей в ночных огнях металлической чешуёй, маховые перья заострились, словно мечи. Бывшая совсем недавно хрупкой девочкой-подростком, сейчас гарпия превратилась в смертоносное оружие, которому не мог навредить даже сам карающий призрак.

Она поднялась на высоту ещё одного этажа, но силы крылатой явно были на исходе.

Забыв о строгом наказе держаться на безопасном расстоянии, Харлей молнией метнулся к отвратительно воющему крылатому клубку и, призвав всю силу огненного демона, принялся поливать беснующегося призрака огнём.

Пару раз что-то просвистело над ухом и Харлей с запозданием понял, что чудом избежал укола смертоносного жала.

— Помоги... поднять... — прохрипела Пандора и демон тут же взмыл вверх и потянул за собой гарпию.

Никогда ему не приходилось поднимать над землёй оглушительно вопящих и сопротивляющихся изо всех сил призраков. Не покидало ощущение, что и сейчас ничего не выйдет. Проклятая Немезида, казалось, весила целую тонну и было непонятно, как гарпия вообще умудрилась оторвать её от земли.

— Держись за ноги, — крикнул он, переворачиваясь в воздухе, и, стоило гарпии вцепиться в него мёртвой хваткой, забил кожисто-огненными крыльями, прилагая титанические усилия.

— Чего ты добиваешься, — прохрипел он. — Она прыгает и не с такой высоты...

— Только если сгруппируется, — выдохнула гарпия и скомандовала: — Ещё!

«Ты издеваешься!» — хотел крикнуть Харлей, но не стал. Берёт силы.

Когда десятиэтажное здание, наконец, осталось внизу, гарпия разжала лапы, выпуская призрака и Харлея буквально подкинуло в небо. В тот же миг Пандора отпустила ноги демона, и ринулась вниз вслед за кувyrкающимся призраком, с воем стреляя по нему стальными, острыми, как мечи, перьями.

Призрак тошнотворно вопил, кувyrкаясь в воздухе. Но, похоже, гарпия была права: не успев сгруппироваться, он приложился о землю с таким оглушительным грохотом, что разбудил, должно быть, целый квартал. Проломив асфальт, так и замер покорёженной горкой, утратив, наконец, своё мерцание.

Ринувшийся вниз за гарпией Харлей успел подхватить её в последнюю секунду, за секунду до того, как она обрушилась бы рядом. И, судя по тому, что должно быть от переизбытка усилий боевая трансформация её как-то внезапно кончилась, успел вовремя.

Она слабо затрепыхалась в его руках подстреленной птицей и Харлей не сразу понял, что случилось, пока не заметил, что крылья её, минуту назад бывшие настоящими парусами, стали какими-то куцыми, ошипанными, на таких не то, что не улетишь далеко, и в воздухе не удержишься...

Прижимая хрупкую, затихшую фигурку к груди, Харлей сделал круг над местом побоища, и, убедившись, что карающий призрак не поднимается, полетел прочь.

Правда, надолго его не хватило: несмотря на залеченные, затянувшиеся раны, схватка с Немезидой вымотала и демон вынужден был спустя несколько кварталов спикировать на ближайшую крышу.

Положив гарпию на выступ посреди, Харлей склонился над ней.

Ещё бледнее обычного (хотя, казалось бы, куда ещё больше-то), с залегшими тенями под глазами, худенькая и хрупкая, почти прозрачная, гарпия была сейчас особенно похожа на подростка. Беспомощная, беззащитная, она была без сознания. Харлея вообще удивляло, что она до сих пор дышит. Даже он, высший демон, после смертельной схватки чувствовал себя пропущенным через мясорубку. А как должна чувствовать себя она?

Вглядываясь в бледное открытое лицо, в голубую жилку у виска, Харлей недоумевал, как у них вообще получилось. А то, что агент X-класса не отпускал привычных колкостей, делало её какой-то... притягательной, что ли.

Конечно, не совсем так. Просто раньше, когда она была в сознании, Харлей не решался рассматривать её в открытую, отводил взгляд под пристальным прищуром стальных глаз. И каждый раз ожидал едких замечаний. И, как показывают данные экспериментальных исследований, не зря ждал...

Сейчас же, когда одна из лун спустилась так низко, словно вообразила себя люстрой, а ночной Вилскувер утонул в море огней, демону, наконец, выдалась возможность рассмотреть пресловутый X-класс, как следует.

Несмотря на вымазанную во что-то чёрное щеку, выбившиеся из строгой причёски

спутанные пряди, лицо «агента По» было на удивление чистым и открытым. Какой-то вечно юной, ледяной красотой. Если бы не обтягивающие, как вторая кожа, чёрная куртка и брюки, её, лежащую на мягких распластанных крыльях можно было бы принять за Ледяную Королеву из Древних Песен.

Харлей вынужден был признаться себе, что все эти его нападки на её внешность не имели под собой никакого основания. Красота гарпии была редкой, исключительной. И, несмотря на свою холодность, какой-то завораживающей, магнетической, что ли.

Удивительнее всего, но красота такого типа отчего-то не располагала к бесстыжим картинкам в голове, скорее эту самую красоту можно было представить себе на сноуборде, несущейся со стремительной скоростью со снежной горки, или же парящей в прозрачно-пустом небе, и солнце подсвечивает кончики мягких на ощупь крыльев.

Только бы она пришла в себя!

Природная регенерация высших демонов позволяет им со спокойной совестью прогуливать занятия по целительной магии и сейчас Харлей как никогда жалел об этом.

— Эй, гарпия, — звал он, склоняясь над бледной фигуркой, — Агент... — тут ему пришло в голову что он ведь даже имени её не знает. А она чуть было не пожертвовала ради него жизнью... — Ты слышишь меня? Очнись...

И как назло никакой аптечки под рукой. А управлять волшебным дроном, как этот самый агент X, высший демон не умел.

— Эй, — вроде дыхание выровнялось...

Положив пальцы прямо на голубую жилку на шее, демон облегчённо выдохнул, нащупав пульс.

Веки гарпии дрогнули и демон отдернул руку, словно обжёгся.

— Оставь, Рум, — прошептала гарпия. — Больно...

В следующий миг она открыла глаза и уставилась на демона непонимающим взглядом. Харлей часто заморгал: таким чётким было собственное отражение в глазах девушки. Присмотревшись, инкуб понял, что это неспроста: глаза у неё вовсе не серые, как показалось ему сначала. Они зеркальные.

— Где мы? — хрипло прошептала гарпия.

— На крыше, — тихо ответил Харлей. — Мы справились с призраком, — и, помолчав, добавил: — Ты справилась. Спасибо.

Губы гарпии растянулись в ироничной улыбке.

— Харлей де Вуд умеет благодарить? — спросила она и закашлялась.

Оттолкнув руку демона, поднялась сама и принялась стучать кулачком по груди.

— Харлей де Вуд много чего ещё умеет, — пробормотал уязвлённый демон. — Слушай, я ведь и имени твоего не знаю...

— Я представилась.

— Агент По? Ты шутишь? Что это за имя такое — По? Или у вас всем агентам дают собачьи клички?

Пандора пожала плечами. Мол, имя, как имя.

— И всё-таки?

— Пандора, — нехотя сказала она.

— Ну вот и познакомились.

Гарпия от этих слов скривилась, словно вдруг заболел зуб и принялась ощупывать себя. Харлей же с изумлением уставился на аккуратные кожаные ботинки с наклёпками и шипами: размер ножки в таких не больше тридцать пятого, но куда, спрашивается, делись те самые когтистые лапы, которыми она схватила карающего призрака?

Она проследила его взгляд и дёрнула уголком рта.

— Экспериментальная разработка, — пояснила она. — Специально для трансформаций. Да ты на себя посмотри, неужели не заметил?

Харлей крикнул, оглядывая себя с удивлением: костюм на нём был абсолютно цел, несмотря на довольно-таки длительную трансформацию. Он, конечно, слышал о новейших разработках магической, огнеупорной ткани, но сам впервые такую видел.

— Я же не X-класс, — пробормотал он.

— Это точно, — хмыкнула гарпия.

— А что у тебя с крыльями? — не удержался Харлей, провёл рукой по неловко заломленному крылу. Тёплое и мягкое, почти лебединое.

Агент X-класса недовольно поджал губы.

— Ты метаем перья в боевой трансформе, — пояснила она. — Маховые у нас стальные.

— Это я заметил.

— Ерунда, скоро отрастут, — отмахнулась Пандора и выудила из кармана линкофон.

— Скоро?

— Скорее, чем ты думаешь, — огрызнулась она. — Да хватит уже меня терзать!

Чуть приподнявшись над крышей, она раздражённо хлопнула крыльями, складывая их поудобней. На мгновение по белоснежной коже пробежали стальные искры и Харлей отдёргнул пальцы, помня, в какую машину смерти превращается эта худенькая девчонка во время трансформации.

— Я рад, что всё разрешилось, — пробормотал Харлей. — Я сделаю тебе перевод. Сегодня ты заработала нехилую такую прибавку к зарплате.

Пандора часто заморгала, причём показалось, что зеркальные глаза гарпии полыхнули обидой и демон поспешно добавил:

— Я хотел сказать, премию.

Пандора же в который раз за ночь его удивила:

— Ты не мог бы помолчать? Мне нужно буквально пару минут, чтобы ознакомиться с инструкциями, — и она уткнулась в линкофон.

— Конечно, сладенькая, — буркнул демон, поднимаясь на ноги и направляясь к краю крыши.

Уже на самом краю оглянулся: сидит нахохленная, хмурится и при этом мотает головой, словно не верит в прочитанное. Даже захотелось спросить, что там ей пишут. Но изучив немного её вздорный нрав за эту ночь, сдержался. Всё равно не скажет. Да и он не мальчик, вытягивать из неё слово за словом. Он высший демон! И ему есть чем заняться помимо выяснений отношений с вредной крылатой. Да, конечно, она рисковала жизнью ради него, но в конце концов, такая у неё работа и не Харлей в этом виноват.

Он обязательно напишет благодарность в этот её Департамент X и за оплатой их бесценных услуг не постоит. Но куда важнее сейчас связаться с матерью, с братом... Кто-то, кто натравил на него призрака, провернул всё так, чтобы подставить Эрама. А что если и сам Эрам в опасности? В подставу от брата Харлей не поверил ни на секунду.

— Эй! Ты далеко собрался? — раздался сзади звонкий голос.

Харлей пожал плечами.

— Как получится.

— Это ты о чём? — сзади хлопало крыльями и по воздушной волне, облизавшей шею, Харлей понял, что Пандора у него за спиной.

Протянет руку назад — и коснётся хрупкой фигурки. Мысль об этом почему-то бросила в жар.

— Слушай, спасибо тебе, конечно, за Немезиду и всё остальное, но на этом свою миссию можешь считать выполненной. Призрак мёртв, а у меня дела, сладенькая. До следующего покушения.

— Харлей! — демон не ожидал, что гарпия схватит его за руку, как, впрочем, и того, что обратится к нему по имени.

Руку она тут же отняла, словно обожглась, но вот широко распахнутых глаз в сторону не отвела.

— Карающего призрака так просто не убить, — тихо сказала Пандора.

— Да ладно, сладеньк... тьфу, проклятье инкубов, я сам видел, как эта тварь двинула кони!

Гарпия покачала головой.

— Нет, Харлей, — сказала она. — Убить призрака может только Разлом. Точнее, забрать обратно. Вдалеке от Разлома его можно только поймать. Это работа Ловца. У меня же не было ловушки, специального артефакта.

— Видел я, что стало с твоим Ловцом, — пробурчал Харлей. — А вот ты молодец. Спасибо, что помогла, правда. Я... В общем, мне нужно спешить.

— Но ты не можешь никуда спешить! — впервые с момента знакомства Пандора выглядела обескураженной.

— Это ещё почему?

— Потому что, — она ткнула пальцем куда-то за спину. — У меня другие инструкции. Пока тебе угрожает опасность, я не могу тебя отпустить.

Харлей развернулся к ней всем корпусом. Такая она была маленькая, худенькая, встревоженная, что невольно захотелось успокоить. Волосы что ли, пригладить, щёку, ту, что в саже, вытереть.

— Детка, однажды всех приходится отпустить, — проникновенно сказал он. — Даже тех, что запали в сердце. Но мы ещё встретимся и тогда...

— Вот ты придурок, — оторопело вымолвила Пандора. — Ты головой, случаем, не ударился?

— Я — нет, — осклабился демон. — А вот ты могла бы, не подхвати я тебя в метре от земли. И, заметь, ни слова благодарности от тебя не дождался.

— Прекрати сейчас же этот цирк! — взвилась Пандора. — Сейчас же вернись и жди, пока я не получу новые инструкции, что с тобой делать. А до этого и не думай о том, чтобы свалить куда-то. Я, если что, за тебя головой отвечаю!

— Сладенькая, поверь, с высшим демоном можно сделать кучу приятностей, — осклабился инкуб. — И голова во всём в этом вообще может не участвовать.

Прежде, чем Пандора успела ответить, он приложил палец к её губам и вместо гневного возгласа услышал сдавленный писк.

— Я избавляю тебя от всех обязательств, кроха, — сказал он и подмигнул.

Она гневно отбросила его ладонь и прошипела:

— Ты не можешь избавить меня от обязательств, Харлей де Вуд! Я не работаю на тебя!

— Вот как? А на кого ж ты тогда работаешь?

— На Департамент!

— Ну так я избавляю от обязательств твой клятый Департамент! — раздражённо развёл руками демон.

Пандора замотала головой.

— Не можешь!

— Да ладно! Ещё как могу!

Харлей раздражённо щёлкнул пальцами прямо перед её носом и Пандора заморгала от неожиданности.

— Р-раз! И всё, никаких обязательств. Ты уволена, детка! — припечатал Харлей, чувствуя себя отчего-то распоследней сволочью. Отчего-то жалко её стало... и при этом отчаянно не хотелось оставлять её одну. Захотелось снова прикоснуться к мягким крыльям и почему-то к губам. Узнать, тёплые ли они на ощупь? Податливые ли?

Похоже, маленькая гарпия права. Он и вправду головой двинулся. Но об этом он подумает завтра. Но до завтра ещё дожить надо.

Не говоря больше ни слова, он снова развернулся спиной и зажмурился на миг, концентрируясь, чтобы принять боевую трансформу.

Как раз в этот миг что-то холодное и острое вошло в шею и под кожей зашипало. Открыть глаза уже не получилось. Тело налилось свинцом и демон неловко осел на прорезиненное покрытие.

— Уволит он меня, как же, — раздалось издалека. — Не ты нанимал, не тебе и увольнять!

Глава 5

Сначала вернулось самоосознание. Харлей тут же заключил, что он существует. Непонятно только, жив он или нет, но всё же существует. Правда, тело не ощущалось от слова совсем и демон сделал следующий вывод: пожалуй, он всё-таки умер.

Раз я мёртв и мой разум плавает в интервале перерождения бардо, скоро эта темнота распадётся на цвета и нужно следовать за каким-то одним из них, вспомнил Харлей. Не то красным, не то белым... Если последую не за тем цветом, утянет в нижние уровни мироздания, а то и в Бездну. И привет, и с концами.

И как тогда отомстить той нахалке, что уколошила его?

О, он хорошо её запомнил! Он пронесёт в памяти её лицо хоть сквозь тысячи жизней и однажды придёт за ней, и последнее, что она увидит, будет его победная улыбка, в то время, как руки сдавят её нежное горло!

Подумав так, демон начал буквально закипать от злости. Как назло, в темноте перед мысленным взором возникло лицо гарпии. Юное, открытое... насквозь лживое. Вот значит, как. Спасла от призрака, чтобы убить самой. Тварь! Попадись она ему теперь!

Демона так и подкинуло в этом пустом пространстве, при этом что-то больно врезалось в руки и ноги.

Стоп. Руки? Ноги? Злость?!

Да не должно быть никакой злости! Нет тела, а значит и гормоны выделять нечему. От него должна остаться лишь чистая мысль. Мысль о мести, конечно.

Как не должно быть вовсе никаких ощущений ни в ногах, ни в руках. Или это что-то

вроде фантомной боли? Памяти об утраченном теле?

Не так Харлей представлял смерть, совсем не так.

Рассвирепев окончательно, демон открыл глаза и в ту же секунду понял, что вовсе не умер.

Не бывает на том свете таких низких обшарпанных потолков, прямо как в номере дешёвого мотеля. И запаха серы, такого гадкого и въедливого... Хотя запах серы на том свете определённо должен быть. Такой, как, скажем, в Огненных Землях. И чтобы пепел витал над чёрной, в огненных трещинах, землёй...

Поняв, что проснулся не окончательно и сон хочет заграбастать его в свои объятия обратно, Харлей принялся трясти головой, но, увы, выходило на хилую троечку.

Тело было (было!) каким-то ватным, онемевшим, непослушным.

Всё, чего Харлей смог добиться — это повернуть голову вбок.

И в тот же миг волна злости накрыла с новой силой!

Потому что та самая гарпия, злость на которую только что грозилась последовать с Харлеем в следующее перерождение, была здесь! Буквально в метре от него, она сидела за письменным столом с самым сосредоточенным видом.

Она сидела вполоборота к демону. Морща лоб, раскладывала что-то на столе. Звякнуло металлическое и к злости высшего демона добавилась нотка жути. Что она делает? Не собирается же она пытать его? Хотя от этой можно ожидать чего угодно. Харлей видел её истинное лицо. Настоящий монстр с ликом мадонны.

— Очнулся? — спросила гарпия будничным тоном, не поворачивая головы.

— Ты ненормальная?! — прохрипел Харлей и закашлялся. Тело всё ещё не слушалось, кашель больше напоминал прерывистый хрип. — Какого хрена?!

— У меня приказ, — последовал невозмутимый ответ.

— Дура драная! Ты ж убила призрака! Похищать зачем?

Пандора фыркнула.

— Посмотрите на него, похитили принцессу! С целью лишить невинности, не иначе.

— Этот поезд давно ушёл, детка, — Харлей цинично осклабился.

— Нашёл, чем гордиться, — дёрнула плечом Пандора и добавила: — И кто ещё из нас придурок, кстати.

— Если придурок значит, «при дуре», естественно, я, — съязвил демон.

— Называй как угодно, — гарпия снова зазвенела чем-то металлическим. — Но если такой умный, что же память у тебя такая дырявая?

— Ты о чём?

— Я же говорила, убить карающего призрака невозможно, — тихо ответила она. — И, как бы тебе ни хотелось в это верить, нам это не удалось.

— Сладенькая, — хрипло проговорил Харлей. — Ты с чего решила, что я должен верить твоим словам?!

— А почему нет? — гарпия, наконец, обернулась к нему и демон заметил глубокие тени, пролегшие под глазами, заострённые черты, словно не ела и не пила неделю, чуть не вековую усталость в глазах. Видно было, что она наспех причесалась, но даже сажу со щеки толком не оттерла. Сколько же Харлей валялся в отключке? Наверное, недолго. Почему же тело тогда такое странное, словно неживое? Ах да, она же что-то ему уколола.

Случилось небольшое чудо: демону удалось снова повернуть голову и даже приподнять её, что позволило лучше ознакомиться с обстановкой.

Он лежал на низкой старомодной койке, на сомнительной свежести смятом белье. Руки и ноги стягивают верёвки, концы тянутся к металлическим спинкам кровати.

Ситуация, несмотря даже на то, что одежда на нём никуда не делась, пикантная. В другое время он бы даже посмеялся. Если бы, конечно, это он сейчас восседал на колченогой деревянной табуретке, как на троне. А на этой милой бабулиной кровати лежала... да хоть бы и эта наглая крылатая... Хотя это он перегнул. Спать с белобрысой предательницей он не стал бы и под дулом пистолета! И вообще, она не в его вкусе.

— Действительно, — прохрипел демон, продолжая оглядывать комнату. Ничего особенного. Бедный, даже скудный интерьер. Напоминает номер в дешёвой гостинице или домик бедняка-ремесленника. — Вот и я думаю, сладенькая. С чего бы мне тебе неверить?

Гарпия хмыкнула, оценила сарказм. И спокойно отвернулась снова. Правда, на этот раз ненадолго.

Когда она сняла со стола поднос и устроила его на краю койки, на которой лежал Харлей, а сама опустилась прямо на пол, ощупывая изгиб внутренней стороны локтя с самым серьёзным видом, Харлей зарычал от бессилия и злобы.

Ему хватило беглого взгляда на поднос, чтобы заметить стилограф — специальное письменное приспособление для заключения кровных контрактов. Такие любят использовать сами инкубы, когда покупают себе конкубин. Вот только на этот раз кровный контракт собирались заключать похоже с ним. С н и м.

С Харлеем де Вудом, высшим демоном! И, судя по разовому амулету подчинения, между прочим, такие запрещены законом, речь о кровном контракте не идёт. Продажная гарпия, похоже, собиралась сделать привязку. Привязку на крови! Привязать его, Харлея де Вуда, высшего демона!!!

— Ты что творишь?!

— У меня приказ, — упрямо ответила она.

— От Артура?

— От какого ещё Артура? Мне твою дурную голову беречь надо. Я за неё своей умной отвечаю.

— Кровную привязку тебе тоже Артур приказал сделать?

— Говорю же, понятия не имею, кто такой Артур. Но нет. Никто не приказывал. Департамент лишь распорядился не отходить от тебя ни на шаг. А что до привязки... Это мой метод. Ты слишком тяжёлый, чтобы таскать тебя спящего, поэтому пойдёшь за мной сам, как телок на верёвочке.

Говоря это, она подняла стилограф, щёлкнула по нему, как по градуснику, а потом с невозмутимым видом приложила к сгибу своего локтя. Раздался щелчок и стилограф постепенно окрасился красным. Пандора подождала ещё пару секунд, а потом протёрла спиртом изгиб локтя Харлея.

— Не смей! Не смей!! — страшно прорычал демон, но Пандора была не из пугливых.

Харлей призвал всю свою волю, всю мощь, чтобы порвать проклятые веревки, а затем разнести здесь всё ко всем чертям! И в первую очередь свернуть кое-кому шею!

Но в слабом подрагивании рук и ног, в которые тут же впивались верёвки, было некое изощрённое издевательство. Он, высший демон, самое сильное, самое могущественное существо в мире, никогда ещё не был таким раздавленным и таким беспомощным. Побеждённым. И кем? Какой-то белобрысой пигалицей!

— Подумай хорошенько! — прорычал демон, делая отчаянную попытку воззвать к разуму

гарпии. — Если нас свяжет кровь, я ведь не посмотрю на твой хваленый X-класс, нагну и поволоку за собой, хоть бы и на потрапушки в весёлый дом. Ты уверена, что хочешь этого?

Гарпия равнодушно пожала плечами.

— Сначала нагни, — сказала она.

— Только развяжи меня, и, клянусь, ты сильно пожалеешь!

— Я уже жалею, что вляпалась в это дерьмо по уши.

С этими словами она прижала стилограф к изгибу локтя демона и щёлкнула колпачком. Острое и холодное вонзилось в вену, а затем по телу быстро покатались волны жара.

Глава 6

Харлей дёргался, как припадочный, бешено вращал глазами и клялся свернуть гарпии шею собственными руками. Но когда она с тем же невозмутимым видом активировала амулет подчинения и небольшой столп голубоватого света на её ладони начал расширяться, а потом потянулся к Харлею десятками лучей, словно принимавался, демон завопил в голос. Столп мерцания среагировал тут же: разросся и перепрыгнул на Харлея, поглощая его целиком. Спустя ещё пару секунд в голубоватом мерцании поплыли алые искры. А потом свечение сошло на нет, исчезло, словно привиделось Харлею.

Всё, понял демон. Привязка завершена. Теперь он не сможет отойти от белобрысой занозы и на двадцать шагов. В буквальном смысле не сможет. Пока ей (именно ей!) не вздумается провести обратный ритуал.

— Ты попала, — зло и обессиленно прошептал он.

— Да ты жи́лы-то на горле не дуй, — миролюбиво посоветовала гарпия. — А то ведь так до отвязки не доживёшь. Да-да, до отвязки, ты не ослышался. Как только разберусь со всем этим гасэ, выпущу тебя, птица говорун, на волю. Нужен ты мне больно!

Харлей посчитал ниже своего достоинства что-то отвечать заразе. Ничего, это клятвое оцепенение когда-нибудь спадёт. Она сама сказала, что таскать его тяжело. Вот тогда они и потолкуют. Он устроит белобрысой выскочке такую выволочку, что на всю жизнь запомнит!

Гарпия же и ухом не вела. Словно и не замечала бешенства высшего демона.

— Скоро нам принесут завтрак, — сказала она, поднимаясь. — Ты как раз к этому времени перетрёшь веревки. Не скучай и оставь мне хоть что-то!

С этими словами она скрылась за невысокой дверью.

Какое-то время Харлей развлекал себя мыслями о том, что сделает с гарпией, когда, наконец, разорвёт треклятые верёвки.

Но почему-то все мечты о мести неизменно обретали не вполне здоровый оттенок.

Ведь это не слишком-то здоро́во, когда вместо того, чтобы мечтать сомкнуть пальцы на горле предательницы чуть посильнее, ты мысленно вливаешься поцелуем в её губы, потому что так и не успел узнать, какие они на вкус.

Серьёзно, Харлей?! Проклятье инкубов, тебя только это сейчас волнует?

Проклятая девка вырубил тебя, приволокла в какую-то троллю задницу, связала, а затем использовала на тебе запрещённый артефакт, обманом провела кровную привязку, по сути, лишив тебя того, чем ты дорожишь больше жизни — свободы! А ты вместо того, чтобы представлять себе, как её тело обмякнет в твоих руках, думаешь о том, как... Хм, об этом самом и думаешь, вот только белобрысая нахалка в твоих мыслях живее всех живых!

К счастью, тело начало покалывать и непристойные (и довольно унижительные, если

учитывать настоящее положение вещей) картинки отошли на второй план. Внутри, наконец, завозился огненный демон, ослабший от голода и злой, как сто тэнгериев в бою.

Стиснув зубы и не обращая внимания на хлынувший по венам жидкий огонь, как бывает, когда отсидишь руку или ногу, только благодаря кое-чьим ухищрениям Харлей умудрился «отлежать» всего себя, демон потянулся до хруста в костях, натягивая верёвки. Ещё немного — и они лопнут!

Чувствуя себя последним болваном, Харлей хмыкнул. Догадался бы «разбудить» демона раньше — и уже сжёг бы клятые верёвки к чертям собачьим!

Сказано — сделано.

Спустя десять секунд инкуб уже сидел на кровати с обугленными ошмётками на руках и ногах и растирал затёкшие конечности.

— Ну всё, теперь держись, — процедил он сквозь зубы, и, подойдя к закрытой двери, вынес её ударом ноги.

В лицо ударило облако пара и тонкий аромат ирисов.

Под падающим из-под потолка потоком воды стояла Пандора. Окутанная клубами пара, как Изначальная Богиня морской пеной. Окутанная только лишь клубами пара...

Харлей часто заморгал: по глазам саданул такой яркий свет, что на какое-то время демон ослеп. Странный эффект почти тут же сошёл на нет, но не совсем. Он словно перетёк из пространства в ослепительный кокон, окутывающий обнажённую крылатую фигурку. Смотреть на неё по какой-то причине было больно и в голове у высшего демона пронеслась какая-то несуразица об ослепительной красоте. Спустя мгновение Харлей сжал зубы так, что ещё немного — раскрошатся.

Причём тут ослепительная красота?!

У девчонки аура такая. Белая, как снег. Бьющая светом и мерцающая, как незатронутый сугроб в солнечный день.

Почему он не замечал этого раньше? Хотя... А когда у него была возможность присмотреться к ней получше? Всё недолгое время их знакомства у Харлея была несколько иная задача: выжить. Плюс вся эта беготня от психованного призрака, плюс увечья, полученные от этого самого призрака и крайняя степень истощения демонической формы... Логично, что теперь, когда он, пусть и не по своей воле, выпался, и внутренний демон приходит в себя, истинное зрение, которое позволяет видеть ауры, берет верх над обычным.

Маленькая и хрупкая (все гарпии отличаются хлипкостью сложения, это вам не фурии), зарозовевшая от горячей воды, с изумлённо приоткрытым ртом под водяной плёнкой, облепившей лицо. С плавными и соблазнительными изгибами, которые и раньше проглядывались под этой её кожаной сбруей... Намётанный глаз инкуба сразу подметил изящество и какое-то благородство, что ли, её сложения... но реальность...

Она превзошла все ожидания.

Аккуратная девичья грудь с маленькими бледно-розовыми сосками, нежная линия впалого живота, умопомрачительный изгиб талии, переходящий в приятно округлые бёдра, длинные, особенно для её роста, очень длинные стройные ноги с острыми коленями и изумительной красоты щиколотками.

Нет, пожалуй, он всё же ослеп ненадолго, потому что помимо клубов пара, сейчас спешно покидающих душевую в вынесенную им же самим дверь, по белоснежно-розовой коже скользят клочья пены. Она и источает, должно быть, врезающийся в ноздри аромат ирисов.

Внутренний демон зарычал, торопливо поглощая взрывную, пьянящую смесь эмоций гарпии: был здесь и сводящий с ума стыд, и хмельная нотка обескураживающего изумления, и дикая, исступленная ярость... Харлей словно в пропасть обрушился,

такими восхитительными были ощущения внутреннего чудовища.

Почему он раньше не ощущал её эмоций? Даже решил, кажется, что она и вовсе их не испытывает... Нет, дело в другом. Они всё время здесь были, несмотря на ледяную красоту стоящая перед ним обнажённая девчонка полна жизни. Просто... Просто эмоции её разительно отличались от тех, к которым привык демон.

Они были лёгкими, воздушными и даже потрескивали и кусались морозцем, как и её красота. Не было в них ни привычной слащавой навязчивости, ни ярко выраженной животной похоти, которую источают, как правило, человечки, находясь рядом с демоном вождения.

Вкус эмоций Пандоры был как глоток свежего, трескучего морозного воздуха, чистого и хрустального, какой бывает только высоко в горах. И было в них что-то, что заставило внутреннего демона и думать забыть о недавней ярости, припадая ко вкусной, живительной энергии...

Помотав головой, словно контуженный, Харлей усилием воли оторвал взгляд от стройных ножек, маленьких аккуратных холмиков груди и всего, что между ними и вернулся к лицу Пандоры.

И тут же вздрогнул, таким холодом, такой злостью повеяло из зеркалец-глаз. Собственное отражение в них потянулось алой дымкой. Только сейчас Харлей вспомнил, что вообще-то шёл сюда с целью преподать ледяной нахалке урок!

Она опередила его.

Пока Харлей пялился на неё, как зевака на диковинку, развернулась и так лягнула ногой в живот, что демон оторвался от пола и отлетел к стене за ним. Охнув, всё же устоял на ногах. Но в следующую секунду из душевой вылетел разгневанный, в пене, вихрь и, ругаясь, на чём свет стоит, принялся наносить инкубу удар за ударом.

Харлею ничего не оставалось, как защищаться.

Отражая удары взбесившейся гарпии, Харлей чувствовал себя донельзя глупо.

Он, конечно, собирался преподать ей урок. Но ведь не тогда, когда она голая!

Голых женщин нужно наказывать по-другому!

Более изысканным, и, чего уж там, приятным обоим способом.

— Кретин! Избалованный ублюдок! Сволочь!

— Дура! Истеричка! Предательница!

Казалось, сама собой обрушилась люстра.

И без того ветхий шкаф просто сложился карточным домиком.

Когда Пандора, взвизгнув, повалилась спиной на письменный стол, он как-то сам собой распался на две половинки.

Схватка демона и гарпии грохотала так, что слышно было, должно быть, на всех шести лунах.

— Как ты посмел!

— Посмел что?! Развязаться?

Харлей не успел сомкнуть руки на незащитном горле. Удар ногой в челюсть отбросил его назад. Прямо в полёте демон успел перехватить лежащую ногу, и, прокрутив крылатой фигуркой дугу в воздухе, с силой обрушил её на кровать.

Хотел, как следует, садануть об пол, но в последний момент почему-то передумал.

— Свинья! Свинья противная!

— Это я-то свинья?!

— А то кто! Ты! Ты пялился на меня! Ты и сейчас пялишься!

Харлей замер, глядя на неё, лежащую на кровати. Мокрые локоны разметались по обнажённым плечам, кожа покрылась мурашками, соски заострились.

— Ну извини, детка.

— Ты ещё имеешь наглость извиняться? Думаешь, твоего «извини» за такое свинство достаточно?!

Харлей поднял руки.

— Когда я не прав — я не прав, сладенькая. Сиськи у тебя всё-таки есть.

— Ах ты!..

Взвизгнув, гарпия слетела с кровати и головой врезалась прямо в живот демона.

Следом он споткнулся об обломки стола и ощутимо приложился спиной об пол.

Гарпия взгромоздилась на него верхом, блокируя ногами руки и принялась отвешивать пощёчину за пощёчиной.

Если бы Харлей только принял демоническую форму, тут же разорвал бы нахалку на тряпочки.

Но внутренний демон был очень занят: он жадно и торопливо глотал клочья ярости и возмущения, которыми так щедро изобиловала гарпия. И то ли с голодухи, то ли ещё по какой-то странной необъяснимой причине никогда ещё ему не было так вкусно.

Перехватив, наконец, руки гарпии, Харлей понял, что и без трансформы уделал бы маленькую задиру в два счёта. Только вот почему-то не делал этого. Конечно, пару раз отвёл душу (и это было незабываемо! м-м-м...), но всё же довольно сдержанно...

Но ведь и она не покрывалась стальной чешуёй, не оглушала пронзительным криком, не драла когтями и не резала стальными перьями.

Значит, и она дралась с ним не в полную силу, не очень-то всерьёз. Правда, выходило всё же ощутимо. Рука у нахалки, как говорится, была тяжёлая.

Со стороны двери раздалось деликатное покашливание.

Не той, что вела в душевую, а от той, что распахнулась в комнату.

В проёме стоял оборотень преклонных лет с подносом в руках. Запах серы почему-то усилился, но в нём явственно проступали ароматы съестного.

Глава 7

Оборотень с сожалением смотрел на лежащего посреди разгромленной комнаты демона и на сидящую на нём обнажённую гарпию.

Взвизгнув, словно только что очнулась, Пандора стыдливо прикрылась крыльями.

Оборотень тяжело вздохнул и сказал укоризненно:

— Вы бы предупредили, что молодожёны. Для парочек у нас номера повышенного комфорта, — и, подумав, добавил: — И прочности.

Бормоча что-то о том, что ремонт встанет ему в копеечку, а страховщики даже не почешутся, оборотень с невозмутимым видом перешагнул через ноги Харлея и поставил поднос на единственный и, пожалуй, чудом уцелевший предмет мебели в комнате, а именно, на кровать.

Затем со скорбно поджатыми губами направился к выходу. Уже в дверях развернулся и

строго сообщил:

— Имейте ввиду, я поставлю это в счёт. И моральный ущерб тоже, — добавил он совсем тоскливо и посмотрел при этом почему-то на кутающуюся в крылья Пандору.

— Мы не... Он не... Это не так!

Пандора часто заморгала, а потом перевела взгляд с захлопнувшейся двери на Харлея.

Демон осклабился.

— Детка, если ты не прекратишь ёрзать, то на мне, пожалуй, слишком много одежды.

Он ожидал новой пощёчины, даже приготовился перехватить её руку, но гарпия почему-то покраснела, и, по-прежнему кутаясь в крылья, неловко поднялась на ноги.

Прошипев какое-то ругательство под нос, она скрылась в душевой.

Вот только дверь за собой захлопнуть не могла по той причине, что дверь эта сиротливо и робко замерла на боку, у косяка, вынесенная десять минут назад ударом ноги демона.

— Эй! — раздалось из проёма. — Демон! Инкуб!

— У меня имя есть, — отозвался Харлей, потирая ушибленные места.

Ароматы жареного мяса, тушёных овощей, хлеба щекотали ноздри, наполняли рот слюной. Ради того, чтобы утолить зверский голод, можно, пожалуй, забыть на время о том, что увидел и очень даже хорошо разглядел в душе... на кровати... на полу... Как и об этом нестерпимом распирающем в штанах

Руки сами собой потянулись к крышкам на блюдах, и, стоило их приоткрыть, запах стал настолько одуряющий, что принявшийся поглощать с рычанием всё, что помещалось сначала в ладони, а затем в рот Харлей пришел в себя только от очередного оклика:

— Харлей де Вуд! Сейчас же почини эту проклятую дверь! Мне её не поднять...

— Ага, — с набитым ртом ответил демон и, поднатужившись, откусил от ещё одного бутерброда половину. — Спешу и падаю, сладенькая.

Прожевав, он добавил под нос:

— Призрака она поднять может, да, а дверь слабо...

Но думать об этом было некогда: никогда Харлей ещё не был так увлечён едой. Когда первый голод был утолён, а на подносе, помимо пары фруктов в форме морских звезд и дрожащего разноцветного кубинка желе остался всего один сэндвич с аппетитно выглядывающим куском ветчины и листом салата, демон устыдился. Он и думать забыл о гарпии.

Но когда за спиной раздалась лёгкая торопливая поступь, сграбастал последний бутерброд, распахнув одновременно с этим рот пошире.

— Ах ты! — только и успела пискнуть гарпия, выхватывая бутерброд из пальцев Харлея.

Демон с трудом сдержал улыбку. Возмущение пигалицы было очень уж забавным.

Но, завладев сэндвичем, крылатая повела себя странно: разломила его на две половинки, вытряхивая на тарелку розовые, лоснящиеся от жира куски ветчины, а затем сложила обратно и принялась торопливо поглощать, жмурясь от удовольствия.

— Так ты у нас ещё и вегетарианка, детка? — поднял бровь Харлей. — Я всегда знал, что вы, «зелёные», отличаетесь особой агрессивностью. А ещё вашему мозгу видимо белка не хватает и потому он периодически сбоит...

— После мяса летать тяжело, — неожиданно спокойно ответила гарпия.

— Поздно, — перебил её демон. — Я уже всё про тебя понял. Ты так жаждешь

запретного плода, что на честных демонов кидаешься. Оно и понятно...

— Ты когда-нибудь затыкаешься? — тон гарпии был вполне миролюбивым, если бы, конечно, не откровенная грубость сказанного.

— Я предпочитаю затыкать. А чем и что, пофантазируй как-нибудь в душе. Тебе должно понравиться.

— Чёрт, — сказала Пандора, хмуря лоб. Не знакомая с правилами приличия гарпия листала во время еды голографический экран линкофона. Хотя какие уж тут правила приличия, когда они сидят на полу на гряде хлама перед расстеленной кроватью вместо стола...

— Что, уже? — деланно изумился демон. — Вот это ты быстрая... Вот оно, значит, почему дверь просила на место приладить. Но, знаешь, видеть мастурбирующую женщину мне не в новинку. Я, к твоему сведению, видел не только мастурбирующих женщин, но и женщин с начисто...

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — в восклицании гарпии помимо злости звучали жалобные нотки, и внутренний демон Харлея громко рыкнул от приятной неожиданности: беспомощность гарпии оказалась с приятной кислинкой на вкус: как мандариновое мороженое-щербет.

— Что тебе пишут? В ордене за кровную привязку отказали? Небось, пообещали ещё и по заднице надавать за самоуправство? Так скажи им, я с радостью. Только пошло это допью, которое по недоразумению они называли кофе. Это их, верно, кто-то обманул...

Пандора уставилась на него широко распахнутыми зеркальцами глаз и демон осёкся на полуслове.

— Всё так печально?

Пандора часто заморгала, а источаемый ею шлейф беспомощности усилился, на радость внутреннему демону. Ну, хоть одному из них достался десерт...

— Мои счета, — пробормотала Пандора. — Их почему-то заблокировали... Не только тот, на котором средства для операции от Департамента, но и мой, личный... Они отвечают, что разбираются с бухгалтерией...

— А не надо было швыряться моим линкофоном, — хмыкнул Харлей. — Глядишь, и не попали бы в рабство к этому коту облезлому, я имею ввиду хозяина этого чудного заведения. Ладно, не дрейфь. Доберусь до ближайшего отделения банка и, так и быть, выкуплю тебя. А ты здесь пока молоточком постучишь и посуду помоешь. Глядишь, и подберешь. Труд, говорят, облагораживают.

Вместо едкого, висящего на языке ответа Пандора закусил губу. А к восхитительному аромату беспомощности добавилась терпкая, пикантная нотка страха.

Чтобы эта нахалка испугалась его угрозы? Да она на Немезиду пошла с голыми руками, точнее, ногами, чёрт, лапами... Так что за хрень сейчас с ней творится?

— Что ещё, сладенькая?

Вместо ответа Пандора протянула ему панель.

Увидев собственное подвижное фото на фоне побоища, Харлей сперва не поверил своим глазам, а затем вгляделся повнимательнее в заголовок.

Чудовищная резня на свадьбе наследника унобтаниевомагната!

Взбесившийся демон уничтожил охрану и половину приглашённых.

Число жертв и потерпевших превысило сотню и продолжает расти. Харлей де Вуд — главный подозреваемый в покушении на собственного отца, Шерлеза де Вуда, главы де Вуд Корпорэйтед. В настоящий момент глава унобтаниевой компании находится в реанимации и не может дать показаний. Но все чудомцелевшие очевидцы указывают на единственного наследника де Вуда.

Согласно последним полученным сведениям, Харлей действовал не один.

В паре с сообщницей: Пандорой Хантер.

Спасаясь бегством с места злодеяния, преступники зверски убили ещё нескольких мирных граждан (картинка сосвоенными в луже крови телами из злополучного кафе).

За поимку опасных, и, похоже, готовых на всё преступников назначена награда.

От количества нулей даже у ни в чём не знающего отказа с детства демона закружилась голова.

За головы преступников гонорар чуть скромнее (глядя на эту цифру, Харлей нервно сглотнул).

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ! ПРЕСТУПНИКИ ВООРУЖЕНЫ И ОЧЕНЬ ОПАСНЫ!

На их поимку брошены лучшие силы Слитсберга.

Ребята! Не стоит геройствовать! Бейте сразу и на поражение!

Давите гадов!!!

— Эт, — вырвалось у Харлея. — Эт-то что?..

— Я не знаю, — бледными губами прошептала гарпия.

— А кто знает?! Что там тебе пишут из твоего сраного Департамента?!

Пандора часто заморгала.

— Ничего уже не пишут... что-то со связью.

Харлей нервно побарабанил пальцами по опустевшей, в крошках, тарелке.

— Так, без паники, детка, — хмуро проговорил он. — Что мы имеем? Отсутствие связи, бредовые обвинения и обещание охрененной награды за наши головы. Я что-то забыл? А, ещё, похоже, всех федералов Слитсберга на хвосте.

— Ты забыл про призрака, — помертвевшими губами произнесла Пандора.

— Про кого? — Харлей даже икнул.

— Про Немезиду.

— Не понял...

— Призрак не убит, Харлей. Карающего призрака нельзя убить. Он самоуничтожается сразу после смерти того, на кого его натравили. Это магия крови.

— Магия крови?! — Харлей сильно жалел, что не уделял должного внимания всем этим чёрным штукам в академии. Элементалист, покровитель стихии огня, а по совместительству младший партнёр де Вуд Корпорейтед... Как-то не до теории было.

— Да, — тихо сказала Пандора и принялась сбивчиво объяснять принцип натравливания Немезиды. По её словам, выходило, что для того, чтобы связать карающий призрак и преследуемого, требовалась не просто кровь жертвы: привязка происходит на более глубоком уровне, через ДНК и энергетическую составляющую ауры объекта. К слову, то, что Пандора самоуправно провела их с Харлеем кровную привязку, добавило призраку ещё одну жертву...

— Да ладно, — Харлей редко не находил, что сказать. Но сейчас был именно такой случай.

Демон помотал головой, словно очень хотел проснуться.

— А где твой брат, Харлей? — почти шёпотом спросила Пандора. — Эрам... де Вуд?

— В Кемете, — на автомате ответил демон. — В Чёрной Земле. А почему ты...

— Ты уверен?

— Ну... да. А что...

— У близнецов идентичное ДНК, — проговорила Пандора. — И энергетическое строение ауры. Я же говорю, без этого Немезиду не натравить.

— И причём тут Эрам?

— Он же зол на вашего отца, или я что-то путаю...

— Не путаешь.

Харлей помолчал, собираясь с мыслями. Обрушившаяся на него лавина информации была такой сокрушающей, что он недоумевал, как вообще способен ещё соображать.

— И что, карающий призрак и правда умирает только тогда, когда умирает тот, на кого натравили? — пробормотал он задумчиво.

Пандора кивнула

— Его нельзя уничтожить, — сказала она серьёзно. — Только поймать, а затем вернуть Разлому.

— И что ты предлагаешь? — уже без иронии спросил демон.

— Нам нужен артефакт для поимки. Он должен был быть у Ловца, которого отправил за тобой Департамент.

Она осеклась. Отправил ли? Что значит эта прерванная связь и блокировка её счетов?

— Видел я того Ловца, — буркнул Харлей. — Артефакт этот, должно быть, перед смертью Немезида затолкала ему в...

Демон осёкся, вспомнив наставления Марго де Вуд: о мёртвых либо хорошо, либо ничего.

— А где мы найдём ещё один? Я имею ввиду артефакт, а не Ловца. Ловцов с меня, пожалуй, хватит.

— У Разлома, — подняла голову гарпия. — Мы в Ламии.

— Ч т о?!!

Спотыкаясь, Харлей приблизился к задёрнутому шторой окну, а когда отдёрнул занавеску, с языка его сорвалось длинное, многоэтажное и непечатное ругательство.

Он обернулся к Пандоре и уставился на неё так, словно впервые видит.

— А какого хрена мы здесь делаем, сладенькая?!

— Приказ Департамента, — помертвевшими губами ответила гарпия.

Глава 8

Так давно, что не помнят даже бессмертные, ещё даже до Зари Времён миров было целых семь и соединялись они между собой пространственными вратами, нанизанные на поток чистой магии, как бусины на нитку.

Родственные расы располагали целыми мирами. Небольшими, но зато отдельными и вполне пригодными для сытой жизни.

Жить бы да радоваться... Так нет, альвы вечно делили сокровища наземного и подземного мира с гномами, оборотни только и делали, что воевали за территорию, водный мир нагов, ундин и горгон закипал от сражений и битв, гарпии бились с фуриями, а войны демонов были так ужасны, что даже раскололи собственный мир

пополам, на тёмную и светлую половину. Джинны, ракшасы и тэнгерии, которые итак не могли поладить между собой, даром, что тёмные, изо всех своих тёмных сил противостояли светлым: нефилимам, серафимам, херувимам.

Одни только люди, низшая раса, лишённая чутья оборотней, острого ума нагов, нахрапистости джинов и силы высших демонов плодились и размножались в относительном мире.

Люди, человечки населяли все семь миров. Конечно, ни в одном они не были господами и старались держаться подальше от этих самых господ. Слабые, практически беззащитные, униженные и понукаемые, они желали одного: выживать любой ценой. И в человеческих диаспорах, независимо от мира, процветали ложь, коварство, интриги и предательство.

Но хуже всего стало, когда первые смельчаки открыли пространственные врата и наведались к соседям...

Все семь миров содрогнулись от страшных, беспощадных войн и кровопролитий.

Каждый хотел завоевать мир соседей и превратить его в собственные колонии.

Перевес, ожидаемо, был на стороне демонов и более сильных рас.

Терпевшие поражение за поражением скрывались под землей, раз за разом проникая всё глубже и разгадывая тайны её недр. Одержимые идеей свободы и справедливости, двенадцать смельчаков прошли все обитаемые миры насквозь и в самом нижнем обнаружили Печать Немезиды.

Тот, кто сорвёт печать, мог рассчитывать на исполнение самого заветного желания. Тогда двенадцать соединили свои руки и сорвали печать.

Срывая, жаждали одного: мести.

И жажда мести изменила порядок мироздания навеки.

Наружу хлынул хаос.

Одержимые кровью, карающие призраки в одночасье стали господами всех семи миров.

Люди и нелюди гибли целыми народами.

Оживлённые Печатью Немезиды, карающие призраки превращали ожерелье из семи драгоценных бусин в залитое кровью пепелище.

Тогда Изначальная Богиня ценой своей жизни открыла портал, который поглотил полчища карающих призраков.

Сметающая всё на своём пути кровавая свора пронеслась по всем семи мирам насквозь, прежде, чем навеки скрыться в Бездне.

Но пространственные врата, соединяющие все семь миров, не выдержали и миры схлопнулись, как карточная гусеница. Обретя этим единство.

Последним подарком Богини неразумным детям стал единый мир, где, разбросанные по разным материкам и архипелагам, враждующие расы обрели дом. Дом, в котором им предстояло учиться жить в мире.

В память о семи мирах на материках остались Разломы.

Они опоясывают планету, словно кольцом, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Будто какому-то космическому великану вздумалось прошить огромный мяч аккуратными стежками, вышивая на нём ещё один экватор. Вертикальный.

Эти самые «стежки», или Разломы, соединяют образовавшийся мир не только с тысячей параллельных, но и с самой Бездной.

Жуткие твари: арахниды, гримтурсы, големы, иллитиды, ламии какое-то время пытались

наводнить новый мир, завоевать его и стать в нём хозяевами. Им почти удалось это... но не до конца.

Расы, стоявшие раньше друг против друга, стали объединяться. Им приходилось это делать, как только понимали, что в одиночку против порождений Хаоса не выстоять. Даже самые сильные из них вынуждены были это признать. Оказалось, что даже самая осязаемая сила таит в себе слабости.

Так, например, демоны, которые, если бы не Разломы, несомненно стали бы господами нового мира, притягивали к себе порождения Хаоса, словно магнитом. И даже если ты такой весь из себя сильный и могущественный — какой в этом толк, если на тебя несутся полчища отвратительно вопящих баньши, жаждущих одного: уничтожить тебя, разорвать на части? Как справиться без поддержки «авиации» — гарпий и фурий? Крылатые расы отличные бойцы, но они не обладают магией, соответственно и не являются вожаками наживкой для созданий из Бездны.

А как обороняться от морских чудовищ без помощи нагов, ундинов и горгонов?

Подземелья никто не знает лучше гномов и нет лучших стратегов, чем альфы.

Оборотни сильны и нахраписты, люди — хитры и изворотливы.

Это была тяжелая и кровопролитная война, но, объединившись, расам удалось отстоять новый мир, доставшийся таким трудом и невосполнимой жертвой Изначальной Богини.

Вокруг каждого из семи Разломов строились гигантские колоннады, в которых и день и ночь предстояло охранять покой жителей нового мира Альянсам Двенадцати. В эти Альянсы входили самые сильные маги, бойцы, стратеги нового мира. Рвущиеся из Разломов порождения Бездны и Хаоса удавалось сдержать только путём объединения силы и магии.

В создаваемых государствах власть переходила к Сенату, состоящему из двенадцати сильнейших и влиятельных представителей рас.

Так расы вынуждено делали первые шаги к сотрудничеству.

Не всегда и не всё шло гладко, но постепенно у каждого Разлома основывался Альянс Двенадцати.

По древней традиции Хранители объединяли силы, удерживая Хаос, не давая ему прорваться наружу. Сил двенадцати еле-еле хватало на поддержание баланса, но большее число Хранителей ни один Разлом возле себя не терпел. Стоило Хранителям пополнить свои ряды, как «лишние» исчезали.

А у Разлома сами-с собой образовывались городки и поселения.

Ведь Хранителям нужно было чем-то питаться, что-то носить, нужно было место, где можно отдохнуть после смены и восстановить силы. Строители, торговцы, поставщики тянулись в такие городки, способствуя их разрастанию.

Правда, большинством (если не всеми) руководила не столько забота о благополучии Хранителей, готовых в любую минуту повторить жертву Изначальной Богини, сколько... деньги. И довольно неплохие деньги. Сюда приезжали на заработки, на время. И, если удавалось выжить за срок действия контракта, обратно, к своим семьям, возвращались довольно обеспеченными людьми.

Людьми — потому что основное население «околоразломных городков» составляли обычно люди. То есть те, чья магия и сила не провоцировали лишнего Разлома.

*

Один из таких Разломов и находился далеко за пределами государства Слитсберг, на границе материка и океана. Расположенный в жерле вулкана, он искрил остаточной магией днём и раскрашивал небо вспышками разноцветных огней по ночам.

Городок, образовавшийся вокруг Приюта Двенадцати, печально назывался Ламия.

Населяли его в основном люди и оборотни.

Демонов здесь не любили (и вполне заслуженно).

Сила и магия высшей расы будоражила Разлом, и, хоть основную мощь Хаоса Хранителям удавалось удерживать внутри, нет-нет, да наружу проникали порождения Бездны, ламии, вытягивающие из своих жертв жизненные силы.

К слову, из Разломов, расположенных на воде, вылезали твари, одним дыханием осушающие несчастных, встречающихся им на пути, из тех, что высоко в горах — лезли те, кто в секунды лишал окружающих воздуха. По количеству бывших миров Разломов было семь, и каждый из них таил свои «сюрпризы» для нового мира.

Всё это рассказала Харлею Пандора, пока высший демон и гарпия решали, как быть с обрुшившейся на их головы действительностью.

На ехидное замечание Харлея, что, мол, очень умно привозить того, за кого отвечаешь головой в место, максимально для него опасное, гарпия передёрнула плечами.

— Приказ вполне логичен, — возразила она.

— Л? Логика? Что-то новое, — протянул демон. — Впервые от тебя такое слышу.

— Вообще-то логика есть! — обозлилась гарпия. — Те, кто натравил на тебя Немезиду вряд ли полагают, что высший демон собственноручно полезет к Разлому, из которого в ответ на его присутствие может вылезти что-то похуже.

Инкуб даже поперхнулся остатками кофе.

— Похуже?! — спросил он, поднимая одну бровь.

Гарпия развела руками.

— Чем сильнее демон, тем больше его присутствие влияет на Разлом. Ведь если бы не демоны, Печать Немезиды так и осталась бы нетронутой.

— Ага, конечно, — вальяжно протянул инкуб. — Вали всё на демонов.

— Это не я валю, между прочим.

— А что, здесь ещё кто-то есть? — Харлей обернулся по сторонам. — Может, какой-нибудь тролль залез под кровать? Если это так и тролль всё-таки здесь, то он много больше размеров этого гостеприимного жилища, скорее, это оно находится у него в заднице! Сама говорила, Печать, в которую я по каким-то причинам должен поверить, сорвали некие двенадцать, и ни слова о том, что это были демоны!

— А разве не демоны виноваты в том, что эти самые двенадцать вынуждены были искать справедливость у сил, превышающих силы твоих собратьев? А ты смотришь на меня так, словно это я во всём виновата!

— Конечно, не ты, сладенькая. Ты всего лишь хочешь, чтобы я поверил в какие-то нанизанные на нитку бусы. Следующее, в чём ты попытаешься меня убедить, так это в том, что небо твёрдое, а звёзды прибиты к нему.

— С тобой совершенно невозможно серьёзно разговаривать! А легенду о великой жертве Изначальной Богини стыдно не знать! На Тхон-Тао с тобой и говорить бы никто не стал!

Инкуб отмахнулся.

— Если ты действительно хочешь поговорить серьёзно, нужно думать, как выбраться отсюда, укокошить психованного призрака и понять, кто меня подставил.

— Как раз-таки это не сложно! — выпалила гарпия.

Мысли её гудели растревоженным ульем. И, что хуже, норовили вот-вот разлететься. Ей,

созданию воздушной стихии, сестре самого ветра, приходилось прикладывать титанические усилия, чтобы удержать в одночасье всё свалившееся на них обоих в голове, и не просто удержать, но и привычно разложить по полочкам, сделать понятным, а, значит, безопасным. «Предупреждён — значит, вооружён», — говорят на островах Тхон-Тао, чьё население издревле славится своей мудростью и любовью к гармонии.

Пандора очень старалась стать такой, как монахи-бойцы на островах. Внешне, ей, пожалуй, это удалось.

Холодная, бесстрастная, рассудительная... снаружи...

Но изнутри в ней то и дело поднимала голову девочка-подкидыш, птенец гарпии, чудом оказавшийся в Тхон-Тао среди оборотней-кицунэ. Хрупкая, несчастная, болезненная.

После увиденного в новостях Пандора отчаянно боролась с паникой, которая никак не желала отступать, и мысли от этого путались, что, конечно, не придавало уверенности в себе.

Пандоре было страшно, очень страшно. Так, как не было ещё, пожалуй, никогда.

Даже тогда, когда вышла против известного бойца на турнире, даже в академии, когда на учения их забрасывали в смертоносную пустыню или на парящие горы, населённые злобными, опасными тварями, даже в том злосчастном бассейне, где на неё нападали свои же, курсанты, с целью заставить гордячку и выскочку «быть поговорчивей». Когда вода окрасилась в алый, потяжелевшие крылья тянули на дно и Пандора решила, что останется в этом аду навеки, она и то так не боялась. Правда, тогда на помощь пришли Берг и Рум, но всё равно Пандора не могла потом разговаривать месяц.

Но всё же тогда, в самых чудовищных сюрпризах судьбы за её спиной словно стоял кто-то невидимый и огромный. Её мечта. Её цель. Заветное желание маленькой крылатой девочки. Стать лучшим бойцом. Лучшим агентом Департамента. X-классом.

А сейчас, когда связь с шефом прервалась, счета оказались заморожены, и она из элитного агента стала разыскиваемой преступницей, за чью голову назначена такая награда, что ей и за триста лет не заработать... Пандора была растеряна и обескуражена. И сама удивлялась, как до сих пор удаётся сохранить рассудок.

— Если ты ещё раз заговоришь про Эрама... — прервал её размышления демон, безошибочно распознавший её намёк. Пандора ухватилась за его слова, как утопающий за соломинку. Обо всём остальном она подумает позже. А сейчас... Сейчас следовало разъяснить свалившемуся ей на голову и втравившему во весь этот кошмар демону свои подозрения.

— У вас с братом такая трогательная связь, — сказал она, склонив голову набок и прищурившись.

— Это ты к чему? — нахмурился инкуб.

— А кто унаследует унобтаниевые рудники вашего отца, если ты отправишься в Бездну? Или хотя бы лишишься права наследования? Убийца ведь не наследует имущество жертвы?

Харлей сглотнул. Об этом он думал. Ну как, думал. Гнал эти мысли прочь. А Пандора их озвучила.

— Я не убийца, — процедил он. — Моего отца пытался убить призрак.

— А это неважно. Тот, кто прислал тебе в качестве свадебного подарка эту стриптизёршу, своего добился. Уже.

— Если даже предположить, проклятье инкубов! Я и предположить такое не могу! Это хрень собачья! Так вот, если это Эрам, то он бы... он бы...

— Что? — с нажимом спросила Пандора. — Отозвал бы призрака? Типа дело сделано? Только вот ведь незадача: отозвать Немезиду невозможно. Карающий призрак умирает только тогда, когда умирает его жертва. И ты правда считаешь, что тебе безопасней

было бы находиться в Слитсберге?

Гарпия фыркнула и наморщила нос.

— Тебя послушать, я и так, и так обречён, детка, — протянул инкуб. — Там за мной гоняется Немезида, здесь из Разлома может быть уже вылезла пакость похуже. Кстати, как мы сюда попали?

— На твоём грифоне, — пожала плечами Пандора.

— На моём мобиле?! — демон выглядел откровенно опешившим.

— Ага, — подтвердила гарпия.

— Но как ты доволокла меня до машины?

Зеркальца глаз Пандоры сверкнули от гордости.

— Думала, будет сложнее, — призналась она. — Но потеть не пришлось. Я просто подогнала мобиль к той самой крыше, ну, ты помнишь... перекатила тебя к краю и...

— И?!

— И положились на инерцию.

— Ты сдурела! Я был в отключке! Я же мог расшибиться! Что ты за человек-то такой!

— Я не человек.

— Это уж точно!

— Ладно, ты можешь оставаться в этом чудном месте, а мне, пожалуй, пора.

— Ты забыл про кровную привязку, — ненавязчиво напомнила гарпия.

Инкуб выругался. В свете обвинений в покушении на отца и убийстве нескольких десятков демонов, оборотней, людей про наглое самоуправство гарпии он и вправду забыл.

— Значит, мотаем отсюда вместе.

— Нет.

Первым порывом было — схватить нахапку... А там... Там бы он тоже положился на инерцию. Но разнесённая в хлам комната сама по себе была красноречивым напоминанием об его недавней попытке.

— Что ты предлагаешь?

— Мне надо к Разлому. Поговорить с Двенадцатью. Нам нужен артефакт для деактивации Немезиды. Обычно такие дают только Ловцам, но надеюсь их убедить. А ты сиди здесь и жди, пока вернусь. Местное население не очень-то любит демонов. Так что тебе лучше не дёргать тигра за усы.

— Напомни, сладенькая, на каком расстоянии мы должны находиться друг от друга, чтобы не загнуться от твоего чудного новшества, привнесённого в нашу жизнь?

Пандора закусила губу и часто заморгала.

Чёрт! Никогда ещё за её голову не назначали награду, никогда не подозревали в целой серии убийств... От такого немудрено и мозгами двинуться на какое-то время. Точно, привязка. Значит, демону предстоит идти с ней к Разлому.

Вопрос в том, как им выйти отсюда и чем оплатить учинённый погром, если её счета заморозили, а к счетам демона у них попросту нет доступа? Хотя, что-то подсказывало Пандоре, там та же ситуация. Если не хуже.

— Будь ты чуть более сговорчивым, мне не пришлось бы идти на крайние меры, —

буркнула она. Собственно, ей нечего было добавить. Признать, что сглупила, не хотелось. Но это было ещё до оборванной связи, блокировки счетов и словно обухом бьющих по голове, новостей...

— Знаешь, детка, оно может, у вас, гарпий, так принято, валить всё с больной головы на здоровую, — протянул демон. Пандора вспыхнула, но смолчала. — Но я в эту передрыгу угодил отнюдь не по своей воле.

— Можно подумать, я напрашивалась! — взвилась гарпия.

Демон предупреждающе поднял палец, мол, я не договорил, и Пандора замолчала, поджав губы. В голове у неё по-прежнему царил смятение. Хорошо продуманный план без поддержки Департамента трещал по швам. Идеальный исполнитель — она впервые в жизни осталась без инструкций и от этого было мутно, прямо до тошноты. Так что ради разнообразия можно и помолчать.

— Вот именно, — неожиданно согласился с ней инкуб и Пандора заморгала ещё чаще.

— То есть, — начала она.

— Знаешь, сладенькая, я не знаю, как сам поступил бы на твоём месте. Я о том, что если бы мне нужно было прикрывать чью-то вертлявую задницу, может, тоже не погнушался бы запрещёнными приёмами. Правда у высших демонов они несколько иные...

— То есть ты согласен, что задница у тебя вертлявая? — не выдержала Пандора.

Демон подавил рычание и продолжил:

— Я согласен с тем, что если мы оказались втянутыми в это дерьмо по уши, вместе, то вместе нам из него и выбираться. Погнали к твоему Разлому! И, если удастся-таки заполучить артефакт и угандонить бешеную бабу, что гоняется за мной, это будет приятным бонусом. А потом подумаем, как разобраться со всей этой шумихой. И связь сейчас была бы кстати. Уверен, Артур уже в курсе наших проблем. А он обязательно посоветует что-нибудь дельное.

Гарпия вздохнула.

— Повторяю, я понятия не имею, кто такой Артур. Но не в курсе наших проблем разве что слепоглухонемой отшельник, сидящий на вершине горы Луао.

— Артур Ксавье, — пояснил демон и гарпия присвистнула, услышав имя сыщика-легенды. Он, конечно, не X-класс, но в своей сфере, Ксавье, пожалуй, и покруче будет.

— Насколько я понял Артура, твой шеф что-то там ему задолжал, — наслаждаясь замешательством гарпии, протянул демон. — Вот он и требовал должок, попросив прикрыть мне спину. Что эту самую спину прикрывать пришлют девчонку с поганим характером, я и предположить не мог.

— Я — X-класс! — прошипела гарпия.

— Вижу, какой ты класс.

— Слушай, — Пандора нетерпеливо дёрнула инкуба за рукав и тут же отдёрнула руку, словно током прошибло. — А если шеф должен что-то этому твоему Ксавье, то ведь он мог и... нет, чепуха какая-то. Нелепица.

— Что, сладенькая? — промурлыкал демон. — Полагаешь, что твой всемогущий шеф мог расплатиться с Ксавье одной маленькой гарпией? То есть, прости, детка, агентом X-класса?

Прежде, чем Пандора успела ответить, демон продолжил удивлять:

— А знаешь, скрыться в Ламии не такая плохая идея. Учитывая, что Слитсберг на ушах стоит. Уж здесь искать высшего демона никому в голову не придёт. Одно напрягает, что твой Департамент в курсе нашего местонахождения.

— Департамент-то тут причём? — изумилась Пандора.

— Вообще ни причём, сладенькая. — Кроме того, что закинул нас к троллю в задницу, а потом обрубил связь и заблокировал твои счета. Как рассчитываться за твой темперамент будем, придумала уже?

— Мой темперамент?! Да мы же... вместе... Ну, тут. Ломали, я имею ввиду...

— Ну нет, сладенькая. Если бы мы, как ты говоришь, вместе, я бы даже не подумал намекать тебе на некоторую причастность. Оплатил бы ущерб, как полагается джентльмену.

— То есть это джентльмен-джентльменом вломился в душ и пиялся на меня, как похотливое животное?

Глаза инкуба сверкнули фиолетовым светом, а полные губы растянулись в улыбке. Взгляд при этом скользнул по фигурке гарпии и Пандора, хоть и была одетой, зачем-то прикрылась крыльями, как тогда, когда сидела на нём сверху.

— Сладенькая, а ты вообще знаешь, как ведут себя похотливые животные? — хрипло протянул демон.

Пандора расправила крылья и вновь сложила их за спиной, чувствуя себя глупо.

— Я была одной девчонкой на курсе. В академии, — зачем-то призналась она, о чём тут же пожалела. Она ожидала от демона насмешек и сальных шуточек в его духе, но в глазах инкуба мелькнуло что-то похожее сочувствие. Сочувствие? От демона? Немыслимо!

— И, кстати, будь ты хоть трижды джентльменом, ничего бы у тебя не вышло, — буркнула она, нахохлившись. — Платить-то тебе нечем, — и мстительно добавила: — Кроме натуры.

Инкуб расхохотался.

— Если мы за натуры заговорили, сладенькая, то твоя этому выжиге-лису больше по душе пришлась. Поверь, мужики эту фишку секут.

Пандора сглотнула. Не хочет же он сказать, что раз она виновата, ей и расплачиваться с хозяином гостиницы?!

— Харлей, — протянула она.

— Спокойно, сладенькая. Всё решим. Но постепенно, ладно? Значит, ты сидишь, как мышка и ждёшь меня. Тебе нравятся ролевые игры? По глазам вижу, что нравятся. А значит, сегодня ты — паинька. Жди меня, и я вернусь. А там вместе к Разлому пойдём. Я всего раз встречался с Хранителями и это был незабываемый опыт...

С этими словами инкуб поднялся с пола и потянулся.

Пандора посмотрела на него, огромного и (чего там, чертовски привлекательного). Поскольку она оставалась сидеть на полу, инкуб казался и вовсе гигантом.

— А ты куда?

— Туда же, где ты была утром, сладенькая. Я весь провонял местным колоритом. Надо привести себя в порядок, прежде, чем валить отсюда.

С этими словами инкуб гордо прошествовал в душ и Пандора невольно сглотнула, когда уже в проёме тот развернулся и бросил на постель пиджак.

Демон заметил её взгляд. Улыбнулся и недвусмысленно подмигнул.

— Нравится, сладенькая? Ладно, можешь потереть мне спинку, только давай побыстрому, у нас впереди столько дел.

Вспыхнув до самых корней волос, Пандора отвернулась. Всегда острая на язык, она замешкалась с язвительным ответом. А когда обернулась, готовая ответить и довольно грубо, часто заморгала и покраснела ещё больше, хотя больше, казалось, было просто

некуда.

Приладить дверь на место бесстыжий демон и не подумал.

Глава 9

Почтенный оборотень-лис неодобрительно нахмурился, когда буйная парочка спустились по лестнице, целуясь так жарко, что разве что чудом не скатились вниз. И то только потому, что где-то на середине демон подхватил свою спутницу под бёдра и спускался с ней, обвившей его торс ногами, на руках.

Целоваться — придумал, конечно, демон. Пояснив, что тем, кто объявлен в розыск, пальцами щёлкать, как на аукционе не к лицу и светиться лишний раз не по чину. Как Пандора ни была возмущена, пришлось согласиться.

— А то не получится, — уверял демон.

Что именно не получится, вредный инкуб не объяснял.

Пандора уверяла себя, что так нужно и вообще это всё для дела... Была, так сказать, готова. Но всё же оказалось, к такому совершенно невозможно подготовиться.

Стоило им выйти на лестницу, демон привлек её к себе, обдавая жаром своего тела и поцеловал. Его губы были горячими и требовательными. Целовал он умело, пожалуй, чересчур умело.

Поцелуи инкуба не шли ни в какое сравнение с поцелуями Рума.

Друг и коллега, когда она, наконец, позволила ему поцеловать себя, впился в её рот, словно если не решится сейчас — передумает. После поцелуев Рума в воздухе всегда висела неловкость.

Инкуб же целовал неспешно и вместе с тем горячо, очень горячо. Его руки нежно и настойчиво гладили её тело. И хоть «о руках» они не договаривались, а если бы кто-то и решил «обговорить заранее», Пандора пообещала бы «этому кому-то» эти самые руки отрезать!

Но кожа горела под умелыми касаниями, дыхание спирало, сердце строчило пулемётной очередью. Растекающиеся по телу и берущие в плен разум ощущения были так восхитительны, что Пандора, даже если бы вдруг решила, не смогла бы остановить инкуба.

Рассудок пробовал пищать что-то на предмет того, что Харлей — демон вождения, инкуб, а Пандора ненавидит демонов больше всего на свете... но рассудку пришлось капитулировать. Жаркие, чувственные, безумные в своей восхитительности волны захлестнули с головой, заслоняя от Пандоры мир со всеми его нелепыми обвинениями, подозрениями и преследованиями.

Она сама не заметила, как демон подхватил её на руки, пришла в себя, только когда её осторожно поставили на непослушные ноги и придерживали за плечи, чтобы не упала.

— Минуту, детка, — промурлыкал инкуб и щёлкнул её по носу.

— Ч-то? — Пандора часто моргала, глядя на него.

— Говорю, подожди снаружи, пока я рассчитаюсь с нашим гостеприимным хозяином, — терпеливо проговорил демон.

С планом Харлея изображать молодых людей, раз уж их за них приняли Пандора согласилась, а вот на улицу не пошла. Хоть связь с шефом по каким-то причинам прервалась, обязательств защищать демона никто с неё не слагал, соответственно выпускать его из поля зрения Пандора не собиралась. Ну и потом, интересно же, как он собирается уладить эту заварушку с погромом.

Вспомнив, что именно предшествовало этому самому погрому, а также их схватку и то, как она закончилась, Пандора покраснела. Хотя этому ещё и способствовала, надо

думать, близость инкуба.

— Прошу прощения, — демон улыбнулся хозяину за стойкой вежливой, отстранённой улыбкой, словно они беседовали на светском рауте под прицелом десятков зумов. — Мы с супругой несколько увлеклись.

Оборотень поджал губы и смерил инкуба взглядом.

— Валил бы ты отсюда, сынок, — сказал он с неприязнью. — Только демонов нам здесь не хватало.

Харлей примирительно поднял ладонь.

— Уже свалил. Только рассчитаюсь за причинённые неудобства.

Лис скрестил руки на груди и хмыкнул.

— Ну что ж, давай, — протянул он, буквально прожигая инкуба взглядом. При этом смотрел так, как будто чего-то ждал. — Рассчитывайся.

«Он знает! — пронеслось в голове у Пандоры. — Он узнал нас из новостей! К чему ему эти крохи, или, что более вероятнее, обещания, которыми собирается накормить его демон. За наши головы лис получит гораздо больше... Что же делать?!»

Театральным жестом инкуб извлек карточку из нагрудного кармана. Электронный ключ от «грифона». Пандора вытаращилась на демона во все глаза. Инкуб собирается оплатить бардак в занюханной гостинице мобилем?!

— «Грифон», — протянул лис, разглядывая ключ на свет. — Неплохой мобиль.

— Неплохой, — подтвердил Харлей. — Одной покрывки с него хватит, чтобы сделать здесь человеческий ремонт.

— Что ж не платишь покрывкой, раз так в себе уверен? — ухмыльнулся лис. — Или машина слишком приметная?

— А что же ты не сдал нас сразу, как увидел новости? — парировал Харлей, отчего в горле у Пандоры стал ком. Что он делает?!

— А оно мне надо? — осклабился оборотень.

— Если уж ты такой бессребреник, что же вцепился обеими руками в ключ от «грифона»? — ухмыльнулся демон. — То-то же. Деньги все любят.

— Это правда, деньги лишними не бывают, — подтвердил лис. — Но только на кой ляд они мне в Бездне?

Подмигнув Пандоре, продолжил:

— Сдать вас федералам — это значит задержать до их прихода, — пояснил оборотень.

— А это не так-то просто, — ухмыльнулся демон.

— Просто — непросто — другой разговор, — перебил оборотень. — А вот когда на демона тут как мухи, ладно, на мёд, слетятся ламии, от меня самого хорошо если кочерыжка останется.

— А как насчёт того, чтобы отрезать нам головы и засолить их до приезда федералов? — с азартом спросил демон, а Пандора чуть не застонала вслух.

— Этот вариант получше, — согласился лис. — Только знаешь, почему, если здесь вдруг окочурится высший, его сжигают, а пепел скармливают хищной росянке?

— Догадываюсь.

— Правильно догадываешься. Чтоб и духу его здесь не было. Так что советую по-хорошему: валите отсюда. Остальные ребята у нас не такие рассудительные, как я.

Деньги государственные здесь никому не всрались, своих девать некуда. А помирать никто не хочет. Так что, если в ваш план не входит стать отходами жизнедеятельности плотоядных цветов, сдриснете мигом, как сопли в платочек.

— Мы бы сдриснули, — Харлей оглянулся на гарпию и по-мальчишески ей подмигнул. — Да вот сдачу ждём.

— Какую сдачу?

— Ты охренел, старый выжига? Или твоя облезлая мебель стоит, как и мой «грифон»?

— Нет, конечно. Только что-то мне подсказывает, тебе сейчас не до торга.

Харлей поджал губы и прищурился. Если надо по-быстрому «угговорить» низших, лучше боевой трансформы ничего не придумать. Посмотрел бы он на этого выжигу, представ перед ним огненным чудовищем... Но Пандора строжайше предупредила: никаких оборотов, никакой магии... И это бесило!

— Я бы не советовал тебе наглотать лис, — прорычал демон.

Оборотень оскалился.

— Так и я не помню, чтобы советовал тебе такое, демон.

Когда Пандора думала, что игра в гляделки ни к чему не приведёт, лис раздражённо хлопнул по плоскому ящичку под рукой. Крышка отъехала в сторону и оборотень посмотрел на содержимое с сожалением. Вновь покосился на ключ от грифона, вздохнул, и, наконец, проворчал.

— Забирай недельную выручку, демон, и вали уже.

— Это другой разговор, — осклабился Харлей.

*

Двери распахнулись наружу и в лицо демону ударил полуденный знойный, а запах серы усилился. Ах да, этот Разлом находится в жерле вулкана. Или это из самого Разлома так несёт?

Проходя мимо «грифона» Харлей похлопал чёрный джип по капоту, словно лошадь по крупу.

— Прости, друг, — пробормотал он. — Я не мог иначе. Летать тебе теперь под задницей старого лиса...

— Можно подумать, — фыркнула Пандора и когда демон обернулся, пояснила: — Продаст он его, как пить дать. Он же в курсе, что мы в розыске.

Харлей хмыкнул. Если бы не припекло — ни за что не расстался бы с мобилем, сконструированным по его чертежу и техзаданию в экспериментальной лаборатории.

Но сетовать об утрате машины при даме... это дурной тон. Тем более дама попалась Харлею — палец в рот не клади.

Он украдкой бросил взгляд на спутницу.

Пандора, казалось, уже забыла о «грифоне» и даже не поблагодарила, нахалка, за то, что он её выручил. Она с интересом вертела головой, глаза по сторонам. В зеркальцах глаз плясали витрины и вывески. Видно было, что городишко строился на скорую руку, редко встречались дома выше двух этажей.

Но дома были чистенькие, аккуратные, сверкающие слюдяной крошкой рам и черепицы, а летающий в воздухе пепел можно было принять за снежные хлопья, отчего возникало странное детское ощущение ожидания чуда на Новый Круг. В совокупности с запахом серы и мрачными лицами прохожих выглядело всё это как-то зловеще. Но вообще

демону здесь необъяснимо нравилось: эдакий Парадиз из исторического фильма про первых переселенцев на необжитый материк.

Если бы не настороженные и не откровенно враждебные взгляды, которыми их провожали редкие прохожие, можно было представить, что они колесят по миру, как оборотни-хиппи. Или, скажем, как Эрам с Мишель.

Стоило улыбчивому лицу жены брата появиться перед мысленным взглядом, что-то сжалось в районе груди и медленно поползло в живот.

Мышцы пресса привычно напряглись, словно готовясь принять удар под дых, а лицо на миг исказило судорогой.

Казалось бы, за такое время пора и привыкнуть к острой, отвратительно гложащей, словно жрущей изнутри боли... И хуже даже, чем эта боль было её ожидание. Понимание, что сейчас кольнёт...

Но последующего обычно в таких случаях укола в сердце не произошло и Харлей даже помотал головой, словно только проснулся от долгого сна или глубоко задумался.

Рыжеволосая Мишель... Обольстительный, магнетически притягательный суккуб с поразительно вкусными эмоциями. Смешливая, солнечная...

Интересно, Пандора вообще умеет улыбаться?

Подумав так, Харлей часто заморгал и даже сглотнул.

Ни разу ещё с момента встречи с Мишель другая женщина не навевалась в его мысли. В его грёзы.

Это было её царство.

Царство Мишель.

Оплот обольстительного рыжеволосого суккуба.

Она сияла, переливалась, царила в эфемерном мире грёз, искрила своей разноцветной, радужной аурой.

Харлей даже стал разграничивать такие понятия, как думать о женщине, и иметь женщину. О тех, кого имел инкуб обычно не думал.

Это было как чихнуть или перекусить (сытно или нет — это уж как повезёт). Банальное удовлетворение потребностей. И зачем об этом думать? Это как грезить о ростбифе.

Но вот в его запретных мыслях, в мечтаниях, своей наивностью похожих на детские, в которых демон никогда и никому не признался бы, всё было по-другому. Иначе. Он даже называл про себя их «мир Мишель». Мир, где она принадлежала ему. Ему одному. Он бы тоже, как брат, ни за что не отпустил рыжеволосую девочку...

И сейчас, когда в «царство Мишель» пожаловала сердитая маленькая гарпия, Харлей был мягко говоря, обескуражен.

Любимые аллюзии и аллегории, которые, казалось, были верхом поэтичности и утончённости, внезапно показались глупыми и какими-то детскими, нелепыми.

Словно ровное, с морозцем, свечение, исходящее от белоснежной ауры гарпии, обдало холодом его мысли изнутри, отрезвило, охолонуло и принялось незаметно наводить порядок в его собственной голове.

Он невольно покосился на гарпию, шагающую рядом.

С виду — девчонка как девчонка, только с крыльями. Но они сложены за спиной и даже тени на дорогу не отбрасывают. Хотя насчёт обычной он зря.

Маленькая Ледяная Королева. Саркастичная, язвительная, и, похоже, ненавидит демонов.

Почему он так решил?

Да он и сам не знал. Как-то такое считается на энергетическом уровне. Но в этой неприязни нет и капли того раболепия, которое вызывает высшая раса у, скажем, людей или низших нагов. Когда тебе, ненавидя, завидуют...

Нет, неприязнь Пандоры была холодной, неопровержимой и очень личной. Было в ней что-то сродни одержимости.

Как она скривилась, когда он предложил план с поцелуем? (между прочим, гениальный план, а что старый лис успел посмотреть новости, так в том не его, Харлея, вина)

Любая другая на её месте давно из штанов бы выпрыгнула. Шутка ли, сам демон вождения рядом... А эта нос воротит.

Харлей вынужден был признать, что такое отношение его зацепило.

Ещё ни одна женщина не отказывала ему.

Кроме Мишель.

Но у неё была серьёзная на то причина.

И имя той причине — Эрам де Вуд, что по совместительству его братец.

Правда, когда как-то раз когда они с Мишель оказались в одной постели (под рёбрами, кстати, остался памятный шрам от Эрама), демоница на него реагировала и ещё как! И зря брат тогда мозгами двинулся, когда их застал. Всё было по-детски невинно и до главного блюда они так и не дошли...

Но какой же всё-таки Пандора оказалась замечательной актрисой!

Будь его, Харлея, воля, он бы прямо сейчас номинировал вредную, но, без сомнения талантливую гарпию на Золотую Планету! Да что там Планета, чушь. Как минимум, Аускар!

Харлей сам почти поверил в то, что её страсть, её пылкость была настоящей!

— Ладно, если так надо для дела, — процедила она, морщась, словно ей предстояло целовать лягушку.

Это уязвило и разозлило одновременно.

Наверное, поэтому демон вложил в этот поцелуй всё своё мастерство, весь свой опыт. Смотри, детка, как умеют инкубы и потом не хнычь, что отказала себе в сладком...

Но она ответила на поцелуй с таким жаром, какого он от этой белобрысой ледышки и не ждал!!

Обмякла в его руках, как плодородная завоёванная земля, что сдаётся на милость победителя. Как дрожали её губы, как сбивалось дыхание! Целовала его так, словно ждала этого поцелуя всю жизнь, трепетала всем телом! Превратившись из сурового крылатого воина в нежную, пылкую гурию!

А как она застонала, когда он подхватил её под бёдра! Мягкие крылья защекотали тыльные стороны его ладоней, согревая и будоража... А она тут же обвила его ногами, словно заявляя свои права на него! Заёрзала, ему не показалось, заёрзала в его руках, будто ей также, как ему, мешала разделяющая их одежда!

Он словно с головой нырнул в прорубь, но вместо обжигающего холода угодил в ледяное пламя. Оно пронзило до костей, прожгло насквозь, проникло в самые тайные уголки души... И что-то нарушило в привычном мироздании. Что-то изменило. Только что?

Харлею точно было в тот момент не до размышлений.

А потом он поставил её, вздрагивающую от его прикосновений, на ноги. В последний раз провёл ладонью по мягким, словно лебединым, перьям. И когда посмотрел в её

расширившиеся зеркальца глаз, бросил взгляд на припухшие губы... почти поверил в её игру. Почти.

— Нам следует прибавить шаг, — звонкий голос Пандоры прошёл пространство ледяными иглами, извлекая демона из мира грёз и возвращая в реальный мир. Машинально или специально она дёрнула его за рукав и инкуб отчётливо уловил беспокойство спутницы. — Не нравится мне, как на нас смотрят, — добавила она озабоченно.

Инкуб оглянулся.

На другой стороне узкой улочки, сложив на груди руки, стояло двое волков.

Эти двое провожали их с Пандорой взглядами, полными ненависти. Вид у оборотней, надо сказать, был устрашающим. Не для высшего демона, но всё же. В плечах косая сажень, небритые квадратные подбородки, недобрый прищур желтых глаз. Одним словом, работяги. Раньше бы Харлей таких и не заметил. Он готов был поспорить, что гарпия тоже. Просто взгляд у этих волков был слишком уж наглым. В отличие от тех, кто встречался им по пути, кто смотрел настороженно, с неприязнью, эти оборотни как будто готовились к атаке.

А ещё их самоуверенность выдавала в них вожаков. Харлей знал: атакуют вожаки, подключатся остальные.

И даже пистолет в кармане брюк и веера стилетов в каждом из рукавов и под штаниной, которые отжалела ему гарпия, против целого городка, ополчённого против них, вряд ли помогут. Да и народ тут бывалый. Кто живёт у Разлома насмотрелся на гадость похуже, нежели демон в боевой трансформе...

Правда, Пандора взяла с него честное слово (на требование поклясться Харлей просто расхохотался ей в лицо и напомнил, что они не в детском саду, чем знатно её разозлил), что демон возьмётся за оружие только для самообороны. И хорошо бы, если бы от ламий...

Попробовали бы эти волচারы посмотреть так на него в Слитсберге!

— Проваливайте! — крикнул им один из мужчин, а второй, ухмыляясь, провёл большим пальцем по своей шее. — Минута у вас, чтобы исчезнуть.

Движения демона стали плавными, чуть замедлились, словно он двигался под водой. Но любого бойца эта самая плавность сразу насторожила бы. Своей отточенностью, готовностью отразить атаку или даже атаковать самому.

Внутри демона словно сжалась пружина. Он подобрался, собираясь биться. Защищать себя и свою спутницу. Да, он не может принять боевую трансформу, но высший демон на многое способен и без неё.

— Харлей, пойдём, — тихо позвала Пандора.

Мягко и вместе с тем решительно она взяла его под руку, не давая двинуться вперёд. Харлей успел убедиться, что силы этим хлипким на вид ручкам не занимать. И всё же если бы захотел высвободиться, ни одна гарпия не остановила бы. Но он медлил.

Гарпия явно не хотела привлекать внимание.

И беспокойство, сквозившее в её голосе, не было наигранным. Чуткий к эмоциям, инкуб был в этом уверен. И это чертовски, просто до красных глаз, уязвило! Она с ним, с высшим демоном! А значит, нечего бояться каких-то паршивых псин! Ему вдруг захотелось как-то успокоить её, дать почувствовать его защиту...

Вальяжным движением Харлей положил руку на плечо, обтянутое чёрной кожей.

— Не бойся, сладенькая, я, твой герой, с тобой.

Пандора возмущённо фыркнула и повела плечом, а когда так просто сбросить руку демона не получилось, провела какой-то хитрый приём и Харлей выругался сквозь зубы.

И сквозь ощутимо слышимый хруст.

— Эй, детка, у меня пальцы вообще-то не лишние! — возмущению демона не было предела. Он даже о псовых забыл.

— Ну так если не лишние, не суй их куда не просили!

— Уверяю тебя, я ещё никуда их не совал. А если бы мне вздумалось всунуть, готов поспорить на что угодно, тебе бы понравилось.

— На мозг свой поспорь, придурок, — фыркнула Пандора. — Ты всё равно им не пользуешься. Даже не заметишь, если кто-то изымет. Эти шакалы, например.

— Шакалы? — надо отдать должное высшему демону, в псовых он разбирался плохо.

— Сакалы, — передразнив его, ответила гарпия. — Шаг, говорю, прибавь. От этих всего можно ожидать. Собаки бешеные.

Харлей уже собирался прибавить шаг (спорящий с женщиной сокращает своё долголетие, тем более что, опять-таки, с гарпией это ни к чему не приведёт), как вдруг застыл, как вкопанный, напротив витрины с наушником с микрофоном на жёлтом фоне.

Вообще ничего странного. В условиях близости Разломов даже ультрасовременная спутниковая связь периодически сбоит. Приходится спасаться старинными методами: магическими кристаллами размером с голову. Такие с собой не натааскаешься, а вот когда они стоят на месте, очень удобно.

— погоди! — сказал Харлей. — Переговорный пункт. Надо всё-таки попробовать связаться с Артуром.

Пандора сердито засопела.

— А ты не думаешь, что его ведут? И на нас выйдут раньше времени?

— Не таков Артур, чтобы дать себя вести, сладенькая, — заверил Харлей и гарпия привычно поморщилась на «сладенькую». — Да и мы здесь надолго не задержимся.

Ободряюще подмигнув Пандоре, демон решительно направился в переговорный пункт.

Скривившись, словно откусила лимон, Пандора последовала за демоном. Уж что-что, а перспектива торчать на улице под пристальными взглядами оборотней её не привлекала.

Глава 10

Нет, демон не рассчитывал, что в этой захудалой (по меркам Вилскувера, да и не только) лавке ему будут рады.

Но и того, что толстая краснолицая человеческая женщина взвизгнет «Прочь отсюда! Брысь!» стоит ему только переступить порог, точно не ожидал.

— Такое ощущение, что я приехал на этот курорт, чтобы проработать свое ЧСВ, — пробормотал демон, и, обольстительно улыбнувшись, проникновенно проговорил: — Нам бы воспользоваться вашей чудной кабинкой, душенька.

— Я не душенька! — тут же взвилась вредная баба.

Харлей посмотрел укоризненно, но не на неё, а на гарпию, и ещё головой дёрнул в сторону тётки, мол, узнаёшь себя, сладенькая?

Скрипнув зубами, Пандора приблизилась к стойке и, заглянув женщине в глаза, процедила:

— В ваших интересах дать нам воспользоваться связью. Поверьте моему опыту, он не отвяжется.

То ли решительный тон Пандоры, то ли гипнотизирующие зеркала её глаз, то ли высший демон, улыбающийся так старательно, что от этой улыбки мурашки по коже, —

неизвестно, что именно подействовало. Могло статься, что всё сразу. Поджав губы, женщина буркнула, что связь сегодня с перебоями, и если «рогатому» охота, то пусть, мол, пробует. По двойному тарифу, если что.

Это было уже прямое оскорбление. Тем более что рога у высших демонов только в боевой трансформе...

Но нетерпеливый и осуждающий взгляд Пандоры не дал ответить хамоватой человечке любезностью на любезность, хоть ядовитый ответ уже висел на кончике языка; и Харлей проследовал в переговорную кабинку, над которой висел прямо в воздухе фиолетовый кристалл.

К вящему удивлению демона, следом за ним под неодобрительным взглядом женщины в кабинку втиснулась гарпия.

Её близость тут же отозвалась жаром и чувством распираания в штанах. Проклятье инкубов! Ему не переговорная кабинка нужна, а парочка вышколенных шлюх! Минут так на шестьсот...

— Я должна быть уверена, что ты не собираешься связываться с братом или семьёй, — строго сказала гарпия.

— И что ты сделаешь? — хмыкнул демон. — Отрежешь мне руки? Или язык?

— Если придётся.

И так это сказала, что у него и сомнений не возникло. А чувство распираания внизу почему-то усилилось.

Но Харлей и сам понимал, что связываться с семьёй — глупо. Вообще не вариант, да. Правда, признать это вслух значило бы согласиться с белокурой врединой, а этого демону совсем не хотелось.

А чего ему действительно сейчас хотелось...

В наушнике, который демон с брезгливым выражением лица всё-таки нацепил, несколько раз фыркнуло, словно гарнитура подвергала мысли и желания Харлея остракизму. В ответ на вбитые в панель позывные Ксавье доразломная аппаратура закашлялась, как старая карга и выдавала в ухо несколько квакающих гудков.

— Не то Дурга, не то Кирка, не то Астарта... Что я вам, культуролог! — голос Артура донёсся, словно из-под толщи воды, но Харлей всё равно услышал и вздрогнул. Друг, похоже, намеренно исказил священный пароль в Обитель Лилит, место, куда есть вход только демонам... и Артуру. Если быть точными, пароль, который Харлей никогда не забудет, звучал: «Кали. Цирцея. Иштар», и то, что Артур его исказил, значит одно: или его и вправду ведут, как предположила Пандора и Артур об этом знает, или сыщик сейчас не один... Но друг, похоже не сомневался, что Харлей поймёт. Вот только откуда он узнал, что вызывает его именно Харлей?

— Артур, — осторожно позвал демон.

Гарпия, видимо, чтобы лучше слышать, встала на цыпочки, и прижавшись к его боку упругой грудью, вытянула шею. Будь ситуация немного другой, он шлёпнул бы нахалку по заднице. Но в этой тесной кабине не размахнуться, да и платить за разгром переговорного пункта им нечем.

— Вы закончили со своим идиотским опросом? — невпопад спросил Артур.

— С каким ещё опросом? — машинально переспросил Харлей.

— Шифр, — еле слышно прошипела гарпия и демон почувствовал себя дураком. Ну конечно, это клятый шифр! Артур сейчас не один. И если бы кое-кто не сопел над ухом и не тёрся о него с таким усердием, он бы и сам допетрил.

Артур тем временем продолжал.

— С тем, с которым вы вынуждены доколёбываться до честных граждан, чтобы кормить свою семью, — Харлей словно наяву увидел, как Артур, собранный, деловитый, пожимает плечами. — Ну или оплачивать услуги шлюх, вам виднее.

— Что с отцом, Артур? — задал Харлей самый главный вопрос. — И в порядке ли Эрам?

— У меня в наличии две минуты свободных, я предупреждал, — ответил сыщик и Харлей облегчённо выдохнул. Стало быть, оба живы.

— Одна уже на исходе, — припечатал Артур и на сердце у Харлея похолодело. Значит, отец всё ещё плох, причём очень плох.

— Кто меня подставил и что мне, чёрт подери, делать? Я ведь даже в Слитсберг сунуться не могу из-за клятых федералов!

— Давайте по одному, — раздражённо попросил Артур. — А может, лучше вместо этих ваших тупых вопросов пойдёте подышите свежим воздухом, говорят, помогает усилить мозговое кровообращение? Или, скажем, почитать на досуге? Хоть бы даже «Долину Слоновой Кости»? Оно, конечно, чтиво дрянь, на раз, но надо же с чего-то начинать?

— Проклятье! Артур! То есть в Слитсберг возвращаться не вариант?

— Пока, ко всем своим достоинствам вы не научитесь читать, вам вряд ли что-то это даст. Позвольте дать вам совет?

— Конечно!!

— Если вам дорого ваше место, никогда не звоните больше по этому номеру.

— Чепуха какая-то, — пробормотал Харлей, когда в наушнике заквакало. — Это его «дышать свежим воздухом» — это типа гулять дальше? Домой не соваться?

— Тебе не откажешь в сообразительности, — съязвила белокурая вредина. — Он ясно дал понять, что нам нужен артефакт для поимки Немезиды. Маховое перо даю, он знает, что мы у Разлома. А значит, с Департаментом он на связи... И это уж совсем непонятно!

— Артефакт? Но ведь он ни словом не обмолвился об артефакте?

— Вообще-то дважды, — хмыкнула гарпия. — Специально для недалёких. То есть, я, конечно, хотела сказать, для тебя.

— Это когда?

— Когда о мозге говорил и о костях.

— Мозг... кость... череп? Мне больше ничего в голову не приходит.

— А больше и не надо, — вздохнула Пандора. — Артефакт, который используют Ловцы для поимки карающих призраков, и есть череп.

— Слоновая кость, — пробормотал демон. — Как же... Я, правда, думал, что это он о проекте «Сфера».

— Сфера? — не поняла Пандора.

— Экспериментальная лаборатория, которая разрабатывает летающие мобили и орбитальные капсулы взялась за разработку нового космического корабля. По моему проекту. То есть, я хотел сказать, почти взялась. Там... в общем, всё сложно.

— И причём здесь сфера?

— Там такой принцип действия, — с энтузиазмом ответил Харлей, явно забыв, где они находятся, в каком положении и что момент для пространных бесед не слишком-то подходящий. — Это даже не корабль, а целая станция, причём не орбитальная, а космическая, такая вместит население целой планеты. Это нужно для того, чтобы эвакуировать народ в случае катастрофы или, скажем, прежде, чем родная планета загниётся от старости.

Пандора присвистнула.

— По сути — искусственная планета, так? — сказала она, прищурившись. — Которой можно управлять? А сфера — потому что внутри полая, да? Эти твои ребята хотят как бы вывернуть мир наизнанку и разместить людей на оболочке изнутри? Вверх тормашками?

— А ты соображаешь, — хмыкнул демон, но гарпия никак не отреагировала на иронию. — И это не ребята хотят. Идея моя. И ты попала в точку.

— Звучит интересно, — протянула она. — Правда, как-то уж совсем несбыточно.

— У нас неплохие теоретические расчёты, — возразил демон. — Опять же, эксперимент по изготовлению такой станции, уменьшенной в шестнадцать тысяч раз, оказался успешным. Получился мяч в сорок сантиметров, парящий в вакууме и управляемый изнутри.

— А как получилось преодолеть силу гравитации?

— Унобтаний, — хмыкнул Харлей.

— Ах да, рудники вашего семейства, — вспомнила гарпия. — И что, правда, работает?

— Не совсем, — признался демон. — Не держатся предметы на оболочке изнутри, недостаточно сильное притяжение. Молекулярный слой хромает.

— И как его выровнять?

— В том-то и соль. Походу, пока никак. Ребята говорят, не хватает уравнивающего элемента. Концентрация диспрозия недостаточная. По сути, минерал, который добывается на рудниках де Вуд и называется «унобтанием» не подходит. Это шуточное название, наш с Эрамом прадед, основавший де Вуд Корпорэйтед, был тем еще шутником. Так что название «унобтаний» сильно преувеличено. Знаешь, в память о легендах о философском камне и... истинном унобтании, высокотемпературном сверхпроводнике, который взаимодействует с магнитными полями.

— Ну, преувеличено или нет, а состояние ваша семья на этой шутке сколотила.

— Деньги — это всего лишь деньги, — с лёгким презрением, которое присуще только тем, кто с детства не знал (даже не подозревал), что такое нужда, сказал демон. — Не в них счастье.

— Кто бы мог подумать, что золотой мальчик станет рассуждать иначе, — фыркнула Пандора.

— Я тебе не мальчик! — рыкнул демон. И, подумав, добавил: — И уж, конечно, не золотой.

— Деньги — самая сильная материальная энергия этого мира, — серьёзно сказала гарпия.

— Материальная энергия? Ты сама-то себя слышишь?

— Да. А у тебя со слухом проблемы? — в полумраке кабинки сверкнули зеркальца её глаз.

— У меня проблемы с одним: с вредными гарпиями, — снисходительно сказал демон и добавил: — Значит, ты хочешь много денег?

— Смотря, что считать много, — неожиданно миролюбиво сказала Пандора. — Если говорить о состоянии семьи де Вуд — нет, пожалуй, не хочу. А если о том, чтобы не думать, сколько стоит та или иная вещь — да, почему бы и нет.

— Тогда твоя логика об этой самой сильной энергии мне непонятна.

— Ну конечно, — буркнула Пандора. — Тоже мне, новость.

— Ну всё, — хмыкнул демон. — Пошли оскорбления. Значит, тебе просто нечего сказать.

— Я всего лишь имела ввиду то, что с большими деньгами приходит и большая ответственность! — взвилась гарпия. — Деньги не решают всего, это правда. Но и недооценивать их силы тоже не надо, ладно? Ради денег люди предают друг друга, изображают любовь и привязанность, убивают... Да даже работают! Отдают свое время, время своей жизни, понимаешь? А время — самое драгоценное, что есть у каждого. Будешь помирать — и не купишь лишнюю минуту пусть даже за все деньги мира! Это же так просто... Но пока кажется, что впереди у тебя вечность, не задумываешься об этом. Продаёшь своё время за деньги...

Харлей посмотрел на гарпию как-то иначе. Перехватив его взгляд, она сначала потупилась, а потом снова подняла на него глаза. В полумраке кабинки его собственное отражение в глазах гарпии было бледным, мерцающим и каким-то зловещим. Неужели она так его видит? Почему же прижимается всем телом, ёрзает, словно не замечая, какую реакцию вызывает её близость? И при этом так складно рассказывает... Ах да, ей ведь нет до его близости никакого дела. Настоящая Ледяная Королева.

— У тебя... — инкуб собрался сделать ей комплимент, но все варианты, приходившие в голову, казались какими-то куцыми и пошлыми, недостойными этой ледяной красоты. — У тебя очень глубокий взгляд. Извини, если задел. Просто... не ожидал такого от гарпии.

— А что ты знаешь о гарпиях? — тут же взвилась Пандора и Харлей тут же пожалел, что секундой ранее не прикусил себе язык. Хотел как лучше, а получилось, как получилось.

— Так что с этой твоей «сферой»? — спросила гарпия. Харлей уже заметил за ней эту слабость: любопытство. — Ты веришь, что для создания искусственной планеты нужен этот твой истинный унобтаний? Не думаешь, что это сказки?

— Не думаю, — признался демон и вздохнул: — Я даже проплатил пару поисковых экспедиций.

— Не той случайно, что сейчас в Кемете? — невинно спросила Пандора. — Ну, в которой твой брат сейчас? А то Долина Слоновой Кости, она, знаешь, в Чёрной Земле находится, если что.

— Эрам слишком гордый, чтобы такое принять, — признался Харлей. — Так что увь. Но вообще-то я неплохо так вложился в разработку этого проекта, — и нехотя добавил: — Мне даже намекали, чтобы выводил капитал из бизнеса и вообще сворачивал проект.

— Намекали? Кто?

Демон скривился.

— Если б я знал. Ну, как намекали. Подослали пару трупов. Сейчас уже трупов. Наёмников. Довольно неплохих, кстати, охотников за головами. Надо отдать ребятам должное, на мне не экономят.

— Стоп, — в голосе гарпии отчётливо заклокотала злость. — То есть на тебя покушались, из-за этого твоего космического проекта, я правильно поняла? И ты говоришь мне об этом только сейчас?!

— А когда мне было тебе рассказывать? Может, когда нас догнала клятая Немезида? Или когда ты делала эту чёртову кровную привязку? А может, когда ты, сладенькая съехала с катушек, а потом взгромодилась на меня голая?

Только сейчас до Пандоры дошло, что она, вообще-то полулежит на демоне, в тесной переговорной кабинке, а тот, видимо потому что руки некуда больше деть, обнимает её за талию. Со стороны, через прозрачную дверь, это выглядит должно быть, как будто парочке негде больше потискаться. Вот и соглашайся изображать молодожёнов. Ведь как корабль назови...

Дыхание демона было тяжёлым, как и её собственное. От мощного, железного на ощупь тела исходил жар, который кружил голову. А ещё в его груди так гулко билось сердце, что слышно было, должно быть, даже той противной тётке за стойкой.

Она попыталась отстраниться — но не так просто это сделать в тесной кабинке, да ещё если за спиной у тебя крылья.

Пандора невольно вскинула взгляд на демона и вздрогнула. Инкуб смотрел на её губы с таким выражением, словно силился что-то понять.

Ослабевшей рукой Пандора повернула дверную ручку за спиной и, оказавшись снаружи, почувствовала озноб. Харлей, вышедший следом, почему-то избегал смотреть на неё.

Зато тётка, в чьём взгляде Пандора ожидала встретить осуждение, смотрела с откровенным любопытством и где-то даже превосходством. Так смотрят посетители боёв без правил на бойцов. С одной стороны, интересно, кто одержит победу, а с другой — радуются, что сами не на ринге.

Женщина отвратительно, во весь рот, улыбалась, когда Харлей рассчитался за связь. А потом даже не пересчитала деньги.

Пандора пожала плечами и направилась вслед за демоном на выход.

Инкуб, как назло застыл в метре от дверей, как будто забыл, что им не следует задерживаться. Они итак кучу времени на этот переговорный пункт потратили.

Пандора уже думала двинуть ему кулачком промеж лопаток, но вместо этого выглянула из-за широкого плеча.

И сразу стали понятны горящие, как лампочки, глаза тётки и ехидный оскал, с которым она их провожала. И даже пожелала хорошего дня, гадина.

Путь им преграждала целая улица, наводнённая оборотнями.

В основном шакалы, у Пандоры не было времени всматриваться в их грубые лица.

— Я смотрю, кто-то что-то не понял? — оскалился тот, что стоял ближе всех. Тот, что советовал им убираться поскорее. Пандора безошибочно распознала в нём вожака. — Какого хрена вы всё ещё здесь?

— А ты что-то имеешь против? — вопросом на вопрос ответил демон.

Пандора чуть ли не кожей ощутила, как тот сдерживается сейчас, чтобы не принять боевую трансформу прежде, чем раскидать этих псовых, как щенков.

— Я не просто имею, малыш, я с удовольствием помогу тебе исчезнуть. А потом мы немножко пошепчемся с твоей подружкой. Прежде, чем она последует за тобой.

Глава 11

Ещё до того, как пёс произнёс это, Харлей прикидывал в уме, как бы уладить дело миром. Опять же, обещал Пандоре быть пайнкой и вряд ли то обстоятельство, что они покалечат местных, поспособствует симпатии к ним Хранителей. Скорее, наоборот. А им ещё клятый артефакт кланчить.

Одна мысль об этом приводила демона в бешенство. Он, высшая раса, вынужден идти к кому-то на поклон и изображать светлого лицемера. Потому что от чёртового решения Главы этих Хранителей зависит его жизнь...

Но угроза тронуть Пандору... Вот это пёс зря. Ой, как зря.

И дело даже не в том, что воображение Харлея рисовало совсем уж бесстыжие картины, стоило подумать о вредной гарпии... Хотя придушить её за поганный язык хотелось чаще и сильнее.

Просто он как будто кожей ощутил её боль от этих слов. Она тут же взяла себя в руки, справилась, видно, не впервой, но в первую секунду после угрозы шакала Харлея ощутимо обдало диким, первобытным ужасом. Страхом женщины перед тем, кто сильнее. Да, она же говорила, была единственной девчонкой на курсе. Натерпелась, должно быть, всякого от таких вот животных.

Инкубы — демоны вождения. Им никогда не приходится прибегать к насилию. Сама мысль о насилии над женщиной, чьи эмоции — настоящий пир для демонической сущности, им противна. Будь на то воля Харлея — он бы вырывал насильникам хозяйство

с корнем и заставлял жрать без термической обработки.

— Будет драка, — тихо сказал он, не поворачивая головы к гарпии.

— Вижу. Готова, — ответил стальной голос. Умница! Быстро взяла себя в руки.

За спиной раздалось хлопанье крыльев и по обдавшей шею и макушку волне воздуха демон понял, что гарпия взлетела, но невысоко, зависнув над его головой. А по взглядам, которыми проводили её оборотни, понял, что в обеих руках у неё оружие.

— Ты ответишь за «малыша». А за то, что оскорбил даму, я вырву тебе язык, — прорычал демон, буравя глазами вожака.

Оборотни, видимо, не ожидая отпора, спешно выхватывали оружие.

Одежду, которая способна пережить трансформацию, таким не пробить.

Не став дожидаться, когда шакалы набросятся стаей, демон атаковал вожака сам.

Спустя секунду тихая, мирная с виду улочка наполнилась яростным рычанием, оглушительными хлопками выстрелов и глухими ударами.

Харлей бился молча, экономя силы, и яростно, думая только об одном: чтобы выстрелы не достали гарпию, а той хватило ума не спускаться на землю.

Он расшвыривал противников, как котят, нанося сокрушающие удары один за другим. Кто-то, тошнотворно хрустнув, замирал на месте, кто-то поднимался и вновь рвался в бой. Оборотни и люди (эти-то на что надеялись?!) для высшего демона не мишень, но их было так много... Они бросались на демона как свора собак на медведя, прыгали на плечи, на руки, желая одного: чтобы тот потерял равновесие... а там уже просто добить. Со всех сторон сыпались удары, когти полуобернувшихся рвали незащищённую кожу и только поддержка с воздуха позволяла кое-как держаться на ногах.

С оглушительным визгом гарпия носилась над адской схваткой, отстреливая шакалов, как бешеных собак. Когда заряды кончились, взялась за метательные ножи. Она метила в кисти рук и колени, но это было сложно, очень сложно.

Новые и новые нападающие неловко оседали на землю, кроваво булькая, с ножами в глазах, животах, груди.

Вот удар когтистой лапы заставил демона покачнуться. Но Харлей всё же устоял на ногах. Прежде, чем вожак нанёс решающий удар, сверху обрушилась сверкающая стальной чешуёй гарпия и вцепившись в его руку, с хрустом вывернула её.

Харлею хватило секундной передышки, чтобы разбросать по сторонам нескольких атакующих и двинуть вожаку в челюсть. Любой другой упал бы замертво, но матерый пёс лишь покачулся и оскалился, и, неловко прижимая повреждённую руку, стал перекидываться.

Остальные, наплевав должно быть, на близость Разлома, следовали примеру вожака.

В тот момент, когда когти гарпии должны были впиться в рыжеватый загривок, какая-то сила подбросила её в воздух, сминая крылья и яростно приложила о стену ближайшего дома.

Харлей успел проследить полёт хрупкой стальной фигурки и, когда она не поднялась, осталась лежать изломанной куклой, страшно заревел.

Но крик высшего демона потонул в другом.

В чём-то, что даже нельзя было назвать криком.

Демон сначала ощутил его содрогающейся под ногами почвой, увидел в разлетающихся по сторонам, словно тряпичные куклы, телах оборотней... и только затем услышал.

Последним рывком он раздвинул ментальные оковы, чудом сдерживающие до сих пор огненное чудовище внутри.

Он успел увидеть, как на него несётся что-то чёрное, крылатое, с отвратительной пастью, усеянной в несколько рядов острыми, как ножи, зубами и змеиным хвостом.

Реакция опередила разум.

В следующий миг тварь, напавшая с воздуха, дрыгалась, пронзённая ударом руки огненного демона, исходя едкой шипящей слизью.

Демон брезгливо стряхнул мёртвую тварь и поморщился: она осела прямо на труп шакала у его ног и отвратительная жижа, текущая из дыры в груди, попав на кожу оборотня, зашипела, как кислота. Вмиг лицо мертвеца превратилось в страшный оскал черепа.

Харлей чудом успел присесть, когда сверху атаковала ещё одна.

Промазав, тварь с размаху обрушилась на грудь вожака, что с такой яростью бился с Харлеем. Оборотень рвано выдохнул и засучил ногами. Жив!

Демон и сам не понимал, зачем делает это.

Но прежде, чем отвратительная пасть успела сомкнуться на незащищённой горле, рванул образину за крыло и отбросил в сторону.

Эту оказалось сложнее достать. Может, видела, как инкуб одолел её подругу, поэтому близко не подпускала. Сообразив, что плевки ядовитой слюны огненному демону как мёртвому припарка, взвилась в воздух и попыталась достать сверху.

Припав к земле, Харлей перекатился и тоже с рёвом взвился в воздух. Отвратительно воющее чудовище подлетело снизу и вгрызлось в ногу, вызвав оглушительный рёв демона.

Этот бой, несмотря на то, что вёлся один на один, был труднее в разы. Будь на то воля Харлея, и дальше бился бы с псами. Их бросал на него страх за собственные шкуры, а это жуткое существо — оглушающая ненависть и жажда крови.

Смертоносные удары лапами и крыльями, пронзительная боль от острых зубов, оглушительный визг, пронзающий виски тупыми ржавыми иглами... Харлей почти ослеп от боли и продолжал сражаться из чистого упрямства. Пусть он сдохнет, но перед смертью кровь этой пакости попортит!

За воздушным боем с земли следили десятки напряжённых глаз.

На грубом лице чудом уцелевшего вожака мелькнуло что-то, похожее на уважение.

А в ещё одних глазах, зеркальных, распахнувшихся в этот самый миг, отразилась такая боль, что и представить страшно.

Новый удар твари был так силен, что огненный демон перекувыркнулся в воздухе и чудом удержался налёту.

Это конец, понял он. Сейчас она его достанет...

Острые, как ножи, зубы, вгрызлись в плечо и рванули.

Харлей взревел от боли, с сожалением понимая, что руки и ноги почти не слушаются.

В этот миг какая-то сила заставила тварь разжать зубы и посмотреть в глаза демону с изумлением.

Прямо в лицо Харлея брызнуло, но прежде, чем зажмуриться, спасая глаза, успел увидеть, что из груди монстра торчат сразу несколько мечей. Нет, не мечей... Перьев!

Какая-то сила крутанула его в воздухе. Чувствуя себя слепым котёнком, демон протёр глаза. Первое, что увидел, когда открыл их — как с зеленоватого тела слетает голова, срезанная стальным крылом.

Сверкающие чешуёй руки обхватили его за талию, а в лицо впился взгляд зеркальных

глаз.

— А вот и ты, сладенькая, — прохрипел он. — Спасибо...

И вместо ответа получил ощутимый удар в грудь острым стальным кулачком.

— Придурок! Ненавижу тебя!

Зеркальца глаз закатились, и, прежде, чем гарпия успела упасть, демон подхватил хрупкую фигурку на руки. И вовремя: стальная чешуя куда-то делась, запрокинутая белокурая головка болталась на незащитной шее.

Медленно, насколько это было возможно при боли, раздирающей тело, прижимая к груди крылатую ношу, Харлей опустился на землю.

Он не тешил себя иллюзиями: теперь, когда твари мертвы, псы атакуют снова.

Мелькнула даже безумная мысль: сжать пальцами хрупкое горло, перекрывая доступ воздуха. Говорят, смерть от удушения милосердна. И, что-то подсказывало Харлею, гарпия была бы благодарна ему за то, что не допустил насилия над ней.

Он почти решился, но в последний момент что-то внутри дрогнуло. Слабак! Она бы сама хотела этого!

Удерживать боевую трансформу было охренеть, как трудно.

Но он должен постараться. Не для себя. Для неё.

Момент был упущен. Оборотни окружили со всех сторон.

Уцелевший вожак подволакивал ногу. Взгляд, который он бросил на гарпию в руках демона, заставил того сцепить зубы и приготовиться к последнему бою.

— Уходите, — прорычал вожак, скалясь. — Уходите отсюда.

Харлей не сразу понял, что бой окончен. Судя по вою за его спиной, не все были согласны с приказом, но, зная психологию псовых, никто не посмеет его нарушить. Потому что это означало бы бросить вызов не заезжему демону, а своему вожаку.

— Мы не хотели крови, — хрипло проговорил Харлей, и, откашлявшись, сплюнул красным. — Нам надо к Хранителям. Если бы не крайняя нужда, нас бы здесь не было.

— Уходите, — сказал вожак уже мягче и добавил: — Мы тоже не хотели крови. Все мы хотим жить. Очень.

Демон кивнул.

На какое-то время они застыли, как изваяния, друг напротив друга, глядя в глаза, а потом вожак махнул рукой, показывая, в каком направлении им следует идти.

Подхватив гарпию поудобней, демон направился к выходу из селения.

Глава 12

Тропой к нужной им горе пользовались нечасто. По тому, как спорыш, мурыжник и подорожник уверенно заявляли свои права на потрескавшуюся от жгучего солнца дорожку, Харлей сделал вывод, что Хранители редко покидают место службы.

Пандора говорила, что раз в три года они меняются, уступая вахту новым героям. Хотя случается, конечно, что смена происходит куда чаще...

Три года, подумать только! Харлей был сыт по горло и одним днём.

Несмотря на то, что городок приразломный, расположился он далековато от горы. Им предстояло преодолеть километров двадцать, и то, только до подножия. Нужная им колоннада на вершине.

Спокойная, величественная, белоснежная — демон даже застыл, засмотревшись, забыв на миг и о боли затягивающихся ран и о тех злобных монстрах, слетевшихся на высшего демона, как мухи на мёд.

Он совсем не ощущал злости на оборотней, что гнали их из селения. Как сказал вожак, они просто очень хотели жить и кому, как не ему, на чью жизнь покушались в последнее время с завидной регулярностью, этого не понять.

Беспокоила Пандора. Гарпия так и не приходила в себя после того, как спасла его жизнь. Склонив голову, демон прислушался. Дыхание гарпии было ровным. А близость её хрупкого тела привычно отзывалась подрагиванием в паху.

Когда он выберется, наконец, из чёртовой передрыги, он снимет весь весёлый дом мадам де Жу. Причём с самой мадам.

Мысль о постели с оборотнем-медведицей, главой клана гризли, была такой неожиданной и забавной, что уголки губ демона сами-собой поползли в стороны. Вот это, называется, припекло! И казалось, этот адский голод, который оставила после себя Мишель только-только ослабил рвущие изнутри когти, а вот нате вам. Медведица! Прежде женщины-гренадёры демона вожделения не привлекали.

— Мистер! Мистер! — раздалось за спиной и демон вздрогнул. Кажется, это по его душу.

С холма, на котором уютно устроился городок, бежал мальчишка, вихрастый и босоногий. Бежал и что-то поднимал над головой, словно надеялся таким образом привлечь внимание демона.

Приблизившись, он сначала не мог отдышаться, а потом, разогнувшись, положил промасленный свёрток прямо на живот Пандоре, потому что гарпию Харлей по-прежнему держал на руках.

— Вот, — коротко, как-то дёргано улыбнувшись, от чего под верхней губой мелькнул сколотый зуб, мальчишка указал пальцем на свёрток. — Мама сказала вам отнести. Просила передать спасибо.

— За что? — удивился демон.

— За то, что спасли моего брата, — и, сверкая босыми пятками, бросился обратно. Не хотел долго задерживаться рядом с демоном.

Харлей принялся. Из свёртка пахло сдобой, ветчиной и почему-то цинком. Но вряд ли местные жители хотели их отравить в благодарность.

Пожав плечами, Харлей направился дальше. На пути была небольшая рощица. Чуткое ухо демона уловило журчание воды.

Бережно уложив Пандору на пригорок, поросший густой травой, Харлей склонился над её лицом. Бледная. Юная. Красивая. Только лоб разбит и щека расцарапана.

Он помнил, как подействовала кровь этих тварей на оборотней и содрогнулся, представив, что Пандора могла не принять боевую трансформу, кидаясь на монстра.

Не совсем понимая, зачем это делает, откинул со лба гарпии спутанные, слипшиеся от крови пряди. Почему же она до сих пор не приходит в себя?

Осторожно, так что даже пальцы задрожали, он принялся ощупывать затянутую в кожу фигурку на предмет повреждений. Вроде все кости целы...

Сам не понял, как так получилось, что рука его оказалась на холмике груди. Ладонь приятно наполнилась, а в паху дёрнуло.

Дальше всё произошло как-то слишком быстро. Раздался звук шлепка, щёку обожгло, голова мотнулась в сторону... В следующий миг Харлей перехватил хрупкое запястье, предупреждая следующую попытку огреть его по физиономии, а спустя секунду прижимал гарпию к земле своим телом.

Только увидев своё лицо в распахнутых зеркальцах глаз, вздрогнул, словно пришёл в себя.

— Ты чего? — тяжело выдохнула гарпия. Видно, держать его на себе было трудно. Но лежала она тихонько, будто даже боялась пошевелиться.

— А ты чего дерёшься? — опешил демон.

— Так ты... Так ты... Ты меня лапал!

— Вот ты психованная, — пробормотал демон, поднимаясь.

— Сам такой, — раздалось из-за спины, пока спускался к ручью.

Студёная вода приятно обожгла кожу, стекла за шиворот, даря ощущение свежести. Плюнув на чьё-то ханжество, демон быстро скинул одежду и шагнул в ручей, который оказался по пояс. Присел, опускаясь по шею и смывая с себя кровь и пыль, а выйдя на берег, смахнул засохшую слизь с костюма. Тот, конечно, видал лучшие виды, но, за неимением другого... Да и не на приёмах в нём сживать.

Вернувшись обратно в одних штанах, с пиджаком, перекинутым через плечо, обнаружил, что гарпия и не думала бросать на него томные и голодные взгляды (зараза!). Она успела развернуть промасленную бумагу и с голодным мычанием поглощала что-то, судя по запаху сдобное и свежее.

— Хоть бы меня подождала, — укоризненно сказал он.

— Ага, шас, — с набитым ртом ответила гарпия. — Ты меня много ждёшь.

С этими словами он подцепила ещё один сэндвич и вытряхнула из него розовый кружок ветчины. Мясо демон подхватил налету и тут же отправил в рот.

Пандора уже поднялась на ноги.

— Мыться пойдёшь? — с набитым ртом предположил демон.

Гарпия тут же нахмурилась.

— Не твоё дело. А сунешься за мной — руки отрежу.

— Погоди, недотрога! — крикнул он ей в спину и, когда обернулась, покрутил перед глазами склянкой. Теперь понятно, откуда пахло цинком и травами. — Тут мазь ещё... а ты вся в ссадинах.

— А ты? — Пандора отчего-то порозовела и отвела взгляд.

— А у меня регенерация лучше. Я же высший.

На «высшего» Пандора фыркнула, правда, склянку поймала налету, и, нетерпеливо дёрнув плечом, мол, задерживают меня тут всякие, прошла вперед, к кустистой заводи. Кусты жимолости затрепетали, пропуская хрупкую крылатую фигурку, а затем сомкнулись за её спиной. Через несколько секунд раздался всплеск воды и инкуб скрежетнул зубами: чувство распирания в паху стало нестерпимым.

Она была здесь, рядом, нежная и строптивая одновременно, а ещё, конечно, абсолютно голая, ведь не полезла же она в воду в одежде? Хотя с этой, пожалуй, станет... Но ведь что лучше для мужчины после тяжёлого боя, после того, как чудом избежал смерти, как не женщина?

Харлею случалось убивать и видеть смерть прежде.

И каждый раз после этого хотелось подняться высоко-высоко в небо, а затем, сложив крылья, камнем рухнуть вниз и расправить их уже у самой земли.

Хотелось нажраться в мясо, затрахать до потери сознания какую-нибудь девку, а лучше нескольких...

Словом, хотелось чувствовать себя живым.

...Она вернулась быстро, помывка заняла у неё куда меньше времени, нежели у Харлея. Демону пришлось положить локоть на согнутое колено, чтобы болтающаяся кисть прикрыла стояк, как у пацана. И со стояком этим ничего нельзя было поделать.

Женщина, которая хочет с тобой близости, она доверят тебе. Пандора же не доверяла. Доверяй она ему — плескалась бы до сих пор.

Это злило, уязвляло. Разве не показал он себя союзником? Защитником? Да и вообще адекватным парнем? Чего же белокурой злючке ещё надо?

Ему было бы легче, не будь она такой красивой. Не просто красивой. Необычной, не такой как все женщины, с которыми ему прежде доводилось иметь дело. То были как правило, профессионалки, выращенные на островах девственницы-компаньонки. Они не имели права на мнение, на то, чтобы выносить ему мозг и требовать нелепых брачных игр. Правда, и платил он щедро, так что никто не жаловался.

Пандора же казалась ледяной. Недостигаемой. Демону и в голову не могло прийти, что эмоции вот такой вот высокомерной злючки придутся ему по вкусу. И дело было не в голоде и недостатке оных. Просто в эмоциях гарпии неизменным компонентом была свежесть. Лёгкий кусучий морозец. И оттого казалось, что каждую секунду она — новая.

Умытая, раскрасневшаяся после студёной воды, с мокрыми, откинутыми назад белоснежными локонами гарпия выглядела совсем юной, чуть ли не ребёнком. Спутать её с подростком мешали прорисовывающиеся под чёрной кожей аппетитные формы и воспоминание о том, как она целуется. На лбу и висках дрожали капельки влаги — стекали с отмытых от крови волос.

— А ты выглядишь... бодрой, — хрипло сказал Харлей, отводя от неё взгляд.

— Гарпии восстанавливаются во сне, — призналась Пандора. — Не слишком-то удобно, я понимаю, но уж как есть.

Харлей кивнул в сторону колоннады на вершине.

— Долетим, раз восстановилась?

Пандора скривилась и помотала головой с виноватым видом.

— Слишком выдохлась. Не долечу.

Демон хотел проявить героизм, мол, донесу тебя в два счёта, но вовремя прикусил язык. Одно дело донести сюда Пандору пешком, другое дело — лететь с ней на руках к далёкой, наполовину скрытой в облаках, колоннаде. Он тоже не вполне восстановился, внутреннему демону тоже требовался покой. Да и не нужен он ей, его героизм. Видно же.

— Тогда дойдём до горы пешком, — сказал демон и гарпия кивнула. — А там я помогу.

— К тому времени я и сама смогу, — фыркнула Пандора, и, не оглядываясь, двинулась по направлению к горе.

Вздохнув, инкуб поднялся и направился следом.

— Слушай, а ты всегда такой была? — спросил он после долгой паузы, не рассчитывая, что она ответит.

— Какой? — всё же переспросила Пандора.

— Вредной. Холодной. Независимой, — перечислил демон, стараясь подбирать самые мягкие синонимы.

Гарпия задумалась.

— Когда тебе с детства приходится зубами выгрызать место под солнцем, как-то оно само так получается, — ответила она, наконец.

— То есть ты с детства мечтала стать бойцом и покарать обидчиков? — пронизательно заметил инкуб.

Пандора передёрнула плечами, словно эти самые обидчики подкрадываются сейчас со всех сторон и она чувствует их приближение кожей.

— Мне нет до них никакого дела, — фыркнула она. — Просто я так решила.

— Решила? — не отставал демон. — Или пришлось?

— Я не понимаю, к чему ты клонишь? — в голосе гарпии зазвенела сталь.

Инкуб пожал плечами. Ссориться с девчонкой он не хотел. Как и обижать её. Харлея де Вуда можно было обвинить во многом, но никогда он не причинил бы боль кому-то, кто слабее него. Игры с компаньонками в красных комнатах не считаются: те знали, на что шли и всегда получали щедрое вознаграждение.

— Я к тому, а чем бы ты хотела заниматься, сама, если бы не приходилось перебирать лапками, сбивая молоко в масло, как лягушка?

Пандора вспыхнула. Он что сейчас, с жабой её сравнил?! Впрочем, ей нет до него никакого дела. До него — и до всех демонов мира! Пусть хоть всех их свалят в одну большую яму и засыпят землёй, она и не заметит. Впрочем, нет. Заметит. Ещё как заметит! Дышать станет легче, вот!

Чтобы не показывать, насколько уязвлена, решила «поддержать разговор». И, неожиданно для самой себя ответила искренне.

— Конструктором. Всегда нравилось копаться в механизмах. Причём именно в техно-магических. Я не верю в магию без технологий, как и в технологии без магии.

— Ты поэтому так заинтересовалась проектом «сфера»? — понял демон.

Пандора кивнула, не раздумывая.

— Магический минерал и космические технологии. Звучит очень интересно. И перспективно.

— Впервые слышу от тебя похвалу.

— А что такого? — Пандора пожала плечами. — Мне нравится. Понять бы, кому этот ваш проект поперёк горла... Заполучить карающего призрака может не каждый. Далеко не каждый. И я даже не о деньгах, точнее не об очень больших деньгах. Когда призывается Немезида, у тебя всего две секунды, чтобы поразить её ритуальным клинком, смазанным кровью жертвы. Не получилось? Ну, земля тебе тогда пухом. Я к тому, нужно быть охренеть каким искусным бойцом, чтобы выжить и натравить карающего призрака.

Харлей нервно оглянулся. Даже воспоминание о двухметровой Немезиде нервировало. Пандора прекрасно поняла его.

— Меня тоже удивляет, как она ещё не нагнала нас.

— Шутишь?! — демон даже закашлялся. — Мы же ушли на грифоне?

— И что? — кисло спросила Пандора и передёрнула плечами. — Как будто для неё это проблема... Нам срочно нужен артефакт Ловца... Единственная надежда — призрак не сунется к Разлому. Если подойдёт слишком близко — его просто утянет

— Я думал, кому всё это выгодно, — протянул Харлей. Говорить о Немезиде по понятным причинам не хотелось.

— И до чего додумался?

— Ты знаешь, на рудники много кто пытался наложить лапу, — сказал он.

— Хорошо бы список.

— Вовсе нет.

— Почему же?

— Все, кто пытался заграбастать собственность семьи де Вуд, мертвы. Вряд ли кто-то рискнул бы попытаться. Не та у отца репутация.

— Можно подумать, ты обо всех знаешь, — фыркнула гарпия.

— А мне кажется, сладенькая, ты недооцениваешь влияние высших демонов, — раздражённо сказал инкуб.

— Возможно, — согласилась гарпия и демон удивлённо приподнял брови. Она с ним что, сейчас, согласилась? Это что-то новенькое.

Впрочем, объяснение покладистости гарпии читалось на её лице. Судя по прищуренным глазам и поджатым губам Пандора крепко о чём-то задумалась. О чём?

Он не успел спросить, гарпия заговорила сама.

— С тех пор, как мы встретились, меня не покидает ощущение, что меня ведут, как телка на верёвочке. И мне это не нравится.

— Кто ведёт, Департамент?

— Причём тут Департамент?!

Ну вот и как говорить с такой?

Так, переругиваясь и пытаясь выстроить логическую цепочку, кому (кроме Эрама!!) выгодно его, Харлея подставить и свернуть проект «сфера», они, наконец, приблизились к подножию горы.

Колоннада над их головами давно исчезла, утонула в небе. Синем, в покрывале из облаков, очень красивом, если бы не хлопья пепла, оседающие на глаза и серые крылья гарпии.

— Тебе помочь, сладенькая? — спросил Харлей прежде, чем перекинуться.

Пандора только фыркнула и распахнула серые паруса за спиной.

— Больно надо! — звонко воскликнула она, и, оттолкнувшись хорошенько стопами, принялась ввинчиваться в воздух.

Рывок за рывком, Харлей стремился ввысь, вслед за гарпией и сначала даже пропустил момент, когда миновал рыхлую рваную влагу облаков, а на скалистой породе перед ним вырос мраморный фундамент с гигантскими колоннами. А потом было поздно. Колоннада обрушилась на демона, белоснежная, величественная, такая огромная, что даже высший на какой-то момент ощутил себя муравьём.

Какое-то время все эти вспышки фундаментальных видов, один другого круче, поначалу не складывались в общую картину. А когда сложились, даже у инкуба, успевшего многое повидать, перехватило дыхание.

Приют Хранителей при Разломе был великолепен. Сходу поражал воображение монументальным величием, какой-то благородной красотой, в которой гармонично сочеталось изысканное, благородное искусство и первозданность.

Между гигантских колоссов мелькнула крылатая фигурка, затянута в кожу, и Харлей, сдавленно выругавшись оттого, что надо спешить, поспешил за гарпией.

Глава 13

Она сделала пару кругов вокруг разделённой прямыми линиями, как пирог или колесо прялки, площади и принялась снижаться.

С высоты казалось, что плитка, какой вымощена круглая площадь, живая, подвижная, и

только снизившись, становилось очевидно, что никакой плитки нет вовсе, а то, что сверху казалось иллюзией движения — пропасть и мелькающие в ней языки пламени.

По сторонам от двенадцати колонн, окружающих центральную площадь, тянутся каменные мосты, они встречаются ровно посередине, соприкасаясь краями, сливались в единый монолит. Но в самом центре зияет дыра, над которой парит сгусток тусклого света: магическая Печать, сдерживающая Разлом.

Эту самую Печать и питают двенадцать Хранителей своей магией. Среди них есть демоны, наги, фурии и гарпии, оборотни и даже люди, если верить блёклым пятнам их аур.

Сделав ещё круг над огромной площадью, гарпия направилась к Хранителю в развевающейся на ветру мантии, в котором Харлей опознал херувима, высшего огненного демона, притом светлого и скривился так, словно у него заболел зуб.

Будь его воля, он бы выбрал кого попроще, но здесь полагалось положиться на гарпию: она располагала явно большими познаниями, чем он. Кроме того, на херувиме были белые одежды, в то время, как на всех остальных — чёрные, а значит, он здесь что-то вроде главного Хранителя и просить артефакт им предстояло именно у него.

Слова «просить» и «светлый» никак не хотели уживаться в одном предложении и сердце Харлея ёкнуло: что если он всё испортит? Выкажет презрение к светоше, или, как это водится, когда встречаются тёмные и светлые, устроит драку? В память о тех временах, когда тёмные и светлые враждовали так, что если верить сказкам, которые рассказывает Пандора, раскололи целый мир на две половины?

Сменив трансформу и спрятав огненного демона за ментальными оковами, Харлей почувствовал себя более уверенно. Решив вообще не открывать рот без надобности, он направился вслед за Пандорой к светлому. От которого сейчас зависела его судьба. Нет. Их с Пандорой судьба. Ведь если Немезида нагонит их до разрыва кровной привязки, её целью станет не только демон, но и гарпия.

Когда он приблизился по гигантскому каменному мосту, гарпия и светлый уже разговаривали.

— ...У нас не было другого выхода, — донёсся до Харлея голос Пандоры. — Если бы не Немезида, мы никогда не пришли бы сюда.

Светлый явно был возмущён её словами. Сильно возмущён. Прямо в крайней степени. Но природная спесь явно мешала ему дать волю гневу, и, обратившись, сходу выставить их вон. И наличие приблизившегося и замеревшего рядом с гарпией тёмного явно не шло на пользу его самообладанию.

— Вы вторглись на запретную территорию, — свысока бросил он, смерив Харлея презрительным взглядом.

— Мы в курсе, — не удержался демон, не далее, как минуту назад решивший молчать и положиться во всем, что касается переговоров со светлыми, на гарпию.

Та не замедлила дернуть его за рукав и наступить на ногу, старательно улыбаясь при этом Хранителю.

— Мы, правда, не могли иначе.

Демонстративно игнорируя Харлея, Хранитель обратился к гарпии:

— Почему ты не прибыла одна, дитя? Твой приказ защищать демона от Немезиды не значит, что ты вправе подвергать опасности население целого города и Альянса Двенадцати. Ты должна была прийти одна.

Судя по прищуре гарпии, говоривший очевидные вещи светлый знатно бесил и её, но всё же она держалась явно лучше Харлея. Демону показалось, что в особенности ей неприятно слышать от херувима «дитя» и прочие наставления.

— Я не могла оставить объект без присмотра, — тихо проговорила она. — Немезида идёт

за нами по пятам.

— Тем не менее, пока инкуб (херувим скривился) здесь, разговора у нас не получится.

Губы Пандоры сжались в одну линию. При этом её каблук с такой силой впился в носок ботинка демона, что тот чудом сохранил маску бесстрастия на лице.

— Мы сюда не за разговорами прибыли, — вежливо, но с достоинством сказала гарпия.
— Дайте нам ловушку — и мы тут же уйдём.

— Я неясно выразился, дитя? — бесстрастно спросил светлый. — Пока высший демон находится в такой близости от Разлома, мы не будем говорить. Он должен удалиться на безопасное расстояние.

— Он не удалится на безопасное расстояние, — процедила, закипая, гарпия. — За нами идёт Немезида! Я рискую не найти в целости и сохранности объект, который обязана защищать по приказу Департамента!

Светлый пожал плечами и расправил их ещё величественнее.

— Что ж. Значит, такова его судьба. Но жизнь одного демона — не стоит жизней сотен, которыми ты так опрометчиво рискуешь, дитя.

— Пожалуйста, скажите, вы дадите нам артефакт? — сжимая пальцы в кулаки, проговорила гарпия.

— Ты упряма, дитя. Возвращайся без демона и тогда мы поговорим.

— А сам-то кто, светоша? — окрысился Харлей. — Забыл о том, что ты тоже демон? Вы зовёте себя светлыми, но по сути вы такие же, кучка высокомерных засранцев, возомнившая о себе невесть что!

Пандора с силой двинула локтем ему под рёбра, и прошипела что-то о том, что если он не прекратит это свинство, пожалеет. Затем, вдохнув и выдохнув, снова обернулась к светлому.

— Я не могу оставить объект в одиночестве, потому что не имею права рисковать его жизнью. Таков приказ моего начальства. Кроме того, нас с Харлеем де Вудом держит вместе кровная привязка, так что умрёт он — умру и я.

Вот так тебе, светоша! Получи и распишись! — Харлей с трудом удержал ядовитый ответ на кончике языка, хотя сверкнувшие фиолетовым светом глаза инкуба сказали о многом.

Светлый скривился, как ханжа, который слышит слово на букву «п» и окинул гарпию задумчивым взглядом, поджав губы.

— Вы поэтому миновали Разлом в Оке Бури, который ближе к Слитсбергу и прибыли сюда, в Ламию? Не хотели искушать судьбу?

— П-поэтому, — с небольшой заминкой произнесла гарпия, причём прозвучало зло. Харлей решил, что светлый вконец достал её.

— Это объясняет, — после паузы снизошёл до ответа Хранитель. Стало быть, трюк с кровной привязкой сильно озадачил его. А Харлей только сейчас в полной мере понял, почему гарпия поступила именно так. Не будь сейчас между ними этой клятой привязки — мало кто дал бы за жизнь наследника многомиллионной корпорации ломаный грош. Взять хотя бы этого светошу...

— Так вы дадите нам ловушку? — не сдавалась гарпия. — Ваш Альянс — последний шанс для нас. И не в фигуральном смысле.

Хранитель глубоко задумался.

Будь на то воля Харлея — он бы, как следует, встряхнул сейчас этого светлого выскочку. И если надо — вытряс бы из него так необходимый им артефакт!

Светоша же жевал губами, хмурился, переводил взгляд с Харлея на гарпию с таким

умным видом, словно решал в уме арифметическую задачу.

Когда, наконец, он кивнул своим мыслям, собираясь заговорить, мост под ногами Харлея задрожал. Демон инстинктивно оглянулся. И в этот же миг воздушная волна отбросила его назад и поволокла по камню. Мимо пронеслась лёгкая фигурка гарпии, переворачиваясь в воздухе и сминая крылья.

В последний момент Харлей всё же успел схватить Пандору за руку, не давая ей скатиться с моста в пропасть.

Вокруг грохотало, а мир сотрясаясь. Сгусток тумана над пропастью пульсировал и бешено мигал, словно ожившая сигнализация.

Те концы каменных мостов, что были ближе, сотрясались и рушились, неслись в зияющую пустоту бездны оглушительным камнепадом.

Клубы чёрного дыма из Разлома, оглушительный гром и адский хохот были свидетельством тому, что на этот раз из Разлома рвётся в мир сила, значительно превышающая силу Альянса Хранителей.

В этом грохоте, чудом цепляясь прорезавшимися когтями за гладкий шлифованный камень, Харлей не отрывал глаз от застывшем напротив, на самом краю, лица Пандоры.

Тело гарпии болталось над пропастью, воздушные валы не давали расправить крылья. Если бы не рука Харлея, сжимающая её запястье, Пандору уже утянуло бы в чёрную клубящуюся бездну. В зеркальцах глаз, в густых клубах чёрного дыма и хлопьях сажки Харлей видел своё лицо, перекошенное от ужаса. От страха за неё. Ведь всего лишь мгновение было у него, чтобы поймать налету её руку. А что, если бы не успел?

Пандора открывала и закрывала рот, не решаясь кричать, просить, от охватившего её ужаса.

— Держись, сладенькая, — одними губами проговорил демон и гарпия закивала, глотая слёзы. — Не бойся. Я не дам тебе упасть.

О том, что если умрёт она, и ему не жить, инкуб не думал.

Хрупкую фигурку поднимало в воздух, било о камень, крылья, бесполезно развивающиеся за спиной, только мешали. Тонкие изящные пальцы, мокрые от пота, скользили в руке демона, норовили выскользнуть в любой момент.

— Держись за запястье! — крикнул демон, и гарпия, бледнея на глазах и кусая губы, послушно закивала.

Каким-то чудом Харлей ухватился поудобней и ощутил ответное сжатие.

Миллиметр за миллиметром, он втаскивал Пандору обратно. Время застыло, а сотрясающейся в адской пляске мир утратил реальность вместе со своими зыбкими границами.

Он так и не понял, как это произошло: последний рывок — и вот они покатались по камню, к монументальному подножию колонны. Он сжимал Пандору в объятиях так крепко, что она задохнулась, всё ещё не веря, что гарпия здесь, с ним, живая, и её жизни, по-крайней мере сейчас ничего не угрожает. Перед его мысленным взором она неслась в пропасть с перекошенным криком лицом, и первыми вспыхивали серые крылья за её тонкой спиной.

Сообразив, что Пандора в полубомороке от того, как он сдавил её хрупкое тело, демон ослабил хватку и приподнял голову.

Разлом грохотал, к сгустку тусклого света, царившему посередине, тянулись магические нити Хранителей. Огненные, ледяные, радужные, светлые и тёмные — дорожки магической крови, питающие Печать...

Тусклое облачко света содрогалось от клубов тьмы, бьющих снизу. Вот от него отделился огненный шар и с невероятной скоростью понёсся в их сторону.

Харлей торопливо пригнул голову, накрывая руками бледное лицо Пандоры, но ничего не произошло. Удара не случилось.

Вместо этого раздался оглушительный рёв, полный боли и страдания и когда Харлей рискнул посмотреть снова, увидел, что Глава Хранителей лежит на боку, бессильно сжимая посох, а его белоснежные одежды окрашиваются алыми разводами.

Подтащив гарпию к колонне и усадив её в выемку узора, Харлей пополз к светлomu.

— Дай мне посох! — прокричал он, пытаясь высвободить его из дрожащих, но всё ещё сильных рук Хранителя.

— У тебя не выйдет, — простонал светлый. — Только сильные... маги.

— Я был в Обители Лилит, — прогудел Харлей. — Был в Садах Наслаждений и за гранью Врат. У меня достаточно силы, чтобы занять твоё место...

Услышав это, светлый неожиданно кивнул и разжал руки.

Титаническим усилием Харлей поднялся на ноги, опираясь на посох, а затем занял место Хранителя — огненный круг посреди моста.

В этот заряд он вложил всю свою силу, всю мощь и желание выжить. Выжить любой ценой, потому что только тогда останется в живых Пандора.

Огненная магия кипела в крови, вырываясь на свободу, просачивалась в посох, и, многократно усиленная, била в цель.

Харлей давно оглох и ослеп от грохота, вспышек, грохающих над головой, боли и напряжения. Словно сотни молний, как иглы, прошивали его тело, чтобы, минуя этот слабый проводник из мяса и костей, попасть в другой, более совершенный и подходящий: магический посох Хранителя.

Демон сам не знал, каким чудом держится на ногах. Текущая через него магия была такой сильной, что он в любую секунду был готов к тому, что его разорвёт на куски.

Каменный мост, на котором он стоял, продолжал осыпаться и ещё буквально пара ударов снизу — и он, Харлей де Вуд, понесётся в бездну вместе с этим камнепадом.

Здравый смысл говорил — отступить, но упрямство не позволяло укорениться этой мысли. Как бы там ни было, он будет стоять намертво, до конца.

Мост, на котором стоял Харлей, прекратил содрогаться так же неожиданно, как начал. Но демон не заметил этого. Силы покинули его, и, покачнувшись, инкуб неловко осел прямо на сияющий под ногами круг. Следом, гулко звякнув о камень, упал посох.

Глава 14

Над кроваво-красными водами неведанного моря бушевал шторм.

Он швырял хлипкое судёнышко, размером с ладонь по хищным гигантским волнам. Лодку кренило, заносило, укладывало на бок плашмя.

Отсюда, с высоты полёта демона, крошечная фигурка в лодке, отчаянно сражающаяся со стихией, казалась размером с пуговку.

И только когда по мере снижения стала ростом с гриб, Харлей разглядел в ней человечка. Не человечка, демона! Себя самого.

Крошке-Харлею смелости было не занимать!

Он лавировал из последних сил, он не собирался сдаваться злобной буре!

Непонятно, откуда она бралась, эта буря. Небо было чистым, розовым.

Пронзительно-алые солнечные лучи немилосердно жгли кожу: тот Харлей, который наблюдал сверху, не чувствовал их воздействия, но отчего-то знал, что тяжело, очень

тяжко приходится его уменьшенной копии.

Стоило ему прислушаться к крохе в лодочке внимательнее, как острая, как тысячи ножей, боль пронзила сознание и мир закачался от громоподобного, душераздирающего крика.

Да ведь этот мир и есть я сам, понял демон и постарался снова отделить сознание от тела. Раздирающая боль понемногу отступила и осталась только там, внизу, а здесь, в точке сверху, из которой смотрел Харлей, просветлело.

Теперь он смотрел и снаружи, и изнутри. Истинным, внутренним взглядом.

Кроваво-красные волны, закипающие от жара — его собственная кровь, палящее над головой солнце — и есть этот самый жар, а что значит это хлипкое парусное судёнышко и он сам, такой маленький и беззащитный, внизу?

Должно быть, это и есть его шансы на выживание, понял демон.

Он умирал.

Теперь это было очевидно.

Когда новая кровавая волна, наконец, опрокинет судёнышко, а хлипкую фигурку смоеет за борт, ему настанет конец.

— Взлетай! Оборачивайся и влетай! — проорал Харлей сверху самому себе, но ничего не вышло. Вообще ничего. Он был просто взглядом, точкой, из которой смотрят, ни рта, ни голоса у него больше не было. Всё это осталось там, внизу, в лодке...

А что же его истинная, демоническая сущность, внутренний демон? Неужели он не может догадаться трансформировать и взлететь? Внутреннее солнце, конечно, палит просто безжалостно, но когда это огонь причинял боль огненному чудовищу?

Он не может, понял Харлей. Не может трансформироваться. Огненный демон, суть инкуба, мёртв. Все его силы ушли в посох. Ушли, чтобы удержать Печать над Разломом.

Осознание смерти внутреннего демона было ярким, как вспышка и таким же безжалостным. Почему же тогда он продолжает цепляться за жизнь? Зачем она ему, если нелепая случайность лишила его своей природы, своей сути? Если он перестанет быть демоном, зачем тогда вообще жить?!

Внезапно сознание рассёк звук...голос? Далёкий, но всё же отчётливый.

— Он не жилец. Оставь его, дитя, — голос был светлый, противный.

— И вы так говорите после того, как он спас Разлом?! — а этот голос, звонкий, морозный, хотелось слушать ещё и ещё... пока у него ещё есть такая возможность.

— Таково было его желание, — «светлый» голос был самым бесстрашием.

— Вы серьёзно?! По-вашему, он сам желал смерти? Как такое вообще можно желать?!

— Он выполнил свой долг. Его присутствие растревожило Разлом. Он всего лишь отдал свою жизнь за то, чему сам являлся причиной. Это нонсенс для тёмного и мы, Хранители, скорбим вместе с тобой.

— Откуда, — голос Пандоры сорвался. — Откуда в вас столько пафоса?! Столько высокомерия?! Мы пришли к вам за помощью! Пришли, потому что нам некуда было больше идти!

— Ты сама знаешь, что вам следовало идти в Око Бури. У них есть то, что вы ищете. Здесь нет артефакта для вас. Последний унёс Ловец из вашего Департамента, Кристофер. На создание нового уйдут годы.

— Значит, Кристофер получил артефакт...

— Это уже неважно. Демон умер. А значит, умер и натравленный на него призрак.

— Это неправда! — в дрожащем голосе гарпии зазвучало что-то новое, помимо злости. Слезы? — Неп. правда!! Если бы он умер, меня бы тоже уже не было! Вы забыли про кровную привязку?

— Я никогда ни о чём не забываю, дитя. Но и ты учитывай силу магии Разлома. Скорее всего, она и разорвала связующие вас кровные узы. И, судя по тому, что демон мёртв, а ты жива, так и произошло.

— Не смейте! Слышите, не смейте! Хватит! Не называйте его мертвецом! Он здесь, здесь, я чувствую его, я знаю!! Он дышит!..

— Твоя чувствительность, дитя, объясняется остатками кровной привязки, что связывала вас. Когда ты успокоишься, поймёшь, что я прав. Оставь его, дай ему уйти спокойно. Лишь твоя близость и остаточная магия уз держит его в этом подобии жизни. Уйдёшь ты — уйдёт, наконец, и он. И обретёт покой. Он заслужил его, хоть и он и тёмный. Ты же сделала всё, что смогла. Ты выполнила приказ. Уверен, Департамент гордится тобой. Чем раньше ты сделаешь это, тем быстрее придут из Ламии. Местные жители недовольны близостью демона, но они хорошо знают, что делать с его телом, чтобы отвести от себя беду.

Повисла пауза и Харлей, вслушивающийся в разговор, но при этом совершенно бессильный, безвольный... что-то сказать, пошевелиться... подать хоть какой-то знак... Заметался мыслью в кровавом мире. Словно надеялся пробить его оковы, выпустить сознание наружу. Кто знает, может тогда ему удастся проснуться, открыть глаза, пошевелиться? Показать, что он всё ещё жив? Увы, попытки демона ни к чему не привели. Хуже того, Харлей понимал: светлый прав. Ему не выбраться. Утлое судёнышко вот-вот захлестнёт кровавой волной.

Ей не стоит держать его, цепляться за его жизнь, как тогда, у Разлома, она цеплялась за его руку. Он не отпустил её. А ей будет лучше, если отпустит сейчас.

Тишину больше ничего не нарушало, и демон решил, что Пандора послушалась совета светлого. Что ж, он, то, что от него осталось, что ещё хоть немножко — Харлей де Вуд, высший демон вожеления, демон-инкуб был согласен с правильностью этого решения.

— Убирайтесь!! Вон!!! Пошли прочь отсюда, бесчувственные ледышки. Это подло — бросать его умирать, слышите, вы?! Подло!

Хлопнула дверь, а следом раздались сдавленные рыдания. Тонкий скулёж, полный невыносимой боли и отчаяния.

Пандора, проводив Хранителей полным ненависти и отчаянья взглядом, затравленно посмотрела на Харлея. На бледную тень, что осталась от демона. Магическое истощение — самое страшное, что может случиться с существом, чья природа — она самая магия и есть. Было странно, что инкуб до сих пор не впал в окаменение, похожее на трупное.

Серое, землистое лицо с заострёнными чертами, глаза глубоко запали в череп, дыхание еле слышное и рваное, прерывистое. Каждый вдох будто совершается с невероятным трудом, рискуя стать последним.

— Нет! Нет! Нет, проклятый демонический ублюдок! — она склонилась над бездыханным телом и с жадностью вслушалась: вдохнёт ли снова? — Я не дам тебе сдохнуть, слышишь?! Я, Пандора Хантер, силою крови, связавшей нас, не разрешаю тебе умирать! Тебе не скрыться от меня, слышишь?! Ни на этом свете, ни на том! — Пандора водила пальцами по восковому лицу, речь её становилась сбивчивой, слова всё сложнее было разобрать, да она и не следила за тем, что говорит.

— Встань! Оживи! Сейчас же! Ты не имеешь права, не имеешь права, подыхать, как собака в этой заднице мира! Ты, лощёный хлыст, золотой мальчик, сын богатого папаши, должен жить, слышишь?! Ты будешь жить! Будешь! Харлей! Ты слышишь меня, Харлей!

Какое-то время она всматривалась в бледные, словно смазанные черты, бормотала совсем беззвучно, а потом с всхлипом припала к бледным восковым губам. Целовала их снова и снова, вытирая с лица демона падающие на него слёзы, проклинала и кляла, на чём свет стоит... и начинала целовать снова.

Две стальные ладони обхватили её с боков, сжав рёбра до хруста. Тело демона выгнулось под ней дугой, а губы под её губами ожили. Он впивался в её рот с какой-то дикой, звериной яростью, целовал жадно, болезненно, торопливо, давился этим поцелуем, словно умирающий от жажды в пустыне, набредший, наконец, на родник.

Пандору опалило огнём и скорее инстинктивно, чем велением разума нежная кожа гарпии в мгновение ока покрылась стальной чешуёй. И вовремя: не сделай она этого, уже сгорела бы заживо в объятиях чёрного, как ночь, чудовища, всего в бороздках рвущегося наружу огня.

Какая-то сила подбросила их тесно сплетённые тела над земляным полом. С яростью отвечая на поцелуй демона, Пандора обняла его стальными крыльями. Чтобы ни случилось — она не отпустит его. И одного не оставит. Там, у Разлома, он не дал ей умереть. И она ему не даст.

Харлей торопливо поглощал фонтан живительных, свежих, как горный морозный воздух эмоций. Здесь было всё — невыносимо горькое отчаяние, сводящая скулы безысходность, страх утраты с кровавым металлическим привкусом... и нежность, целый водопад свежей, незатронутой ничем нежности, словно стайка ледяных бабочек с ломкими прозрачными крыльями.

Он пил, поглощал, заглатывал целыми пластами и чувствовал себя живым.

Стальная чешуя под его ладонями раскалилась докрасна, но не плавилась, лишь мерцала тысячей багряных оттенков. Хрупкая фигурка прижималась к нему с какой-то истовой настойчивостью, словно никогда не собиралась разжимать объятия, выпускать из своих изящных рук.

Сколько продолжалось это безумие, они не знали. Оба исчезли в чём-то огромном, могучем, вечном, в чём-то, в чём они были даже не песчинками, а скорее пылью, огненной пылью, сгорающей без остатка.

Наконец, окрестности близ горы, на вершине которой находится Разлом, потряс рёв огненного демона. Демона, которому не дали, не позволили уйти.

Если бы кто-то рискнул распахнуть хлипкую деревянную дверь, несколько минут назад захлопнувшуюся за Хранителями, увидел бы странную картину: прямо на земляном полу, на охапке еловых веток, прикрытых рогожей, лежал обнажённый инкуб. Он был бледен, но у каждого, кто догадался бы прислушаться к его мерному дыханию, не возникло бы сомнений в том, что демон спит. На груди его, обвивая рельефную грудь тонкой рукой, лежала гарпия. Встрёпанная и такая бледная, что даже на фоне восковой кожи демона казалась белоснежной.

Она тоже спала. Крепко и сладко, прижимаясь ухом к его груди. Тук-тук-тук, — мерно стучало сердце под её щекой. Тук-тук-тук. И гарпия улыбалась во сне.

Глава 15

После того, как над кровавым морем замела самая настоящая вьюга, которая в считанные минуты остудила закипающие воды и защитила от палящих солнечных лучей, лодку прекратило кидать по волнам. Малютка-Харлей уже не страдал от боли, он вообще ни от чего не страдал, а даже как будто начал увеличиваться в размерах. Сначала было непонятно, так это или нет, затем, когда в утлом судёнышке неожиданно стало тесно, перешагнул за борт... и вот красные волны плещутся на уровне пояса, а потом и вовсе опускаются до колен. Точка, из которой сознание Харлея смотрело сверху, стала стремительно опускаться вниз, демон словно нёсся с воздушной горки. А когда сознание встретилося с продолжающим расти телом, мир вокруг оказался ненастоящим, нарисованным, и, прежде, чем Харлей успел разглядеть, на чём именно он нарисован, схлопнулся, как карточный домик.

Харлей пошевелился и открыл глаза.

Первое, что увидел, было лицо Пандоры.

Светлое и ясное, а ещё какое-то чёткое, словно луч света из глаз демона выхватил именно его, остальной же мир качался и был расплывчатым.

Понемногу лицо стало «обрастать» деталями: зачёсанные назад белые волосы, чёрная облегающая водолазка с целомудренным вырезом, под которым, впрочем, угадывается упругая грудь, за спиной — деревянная, в сучках, стена, на гвозде висит кожаная куртка. А с потолка свисают пучки трав, похожие на какие-то странные веники.

Пандора застыла между поставленным на попа деревянным ящиком и лежащим на полу Харлеем. В руках — железная кружка, над которой клубится пар. Судя по каплям, стекающим с рук, она расплескала содержимое кружки, а значит, рванулась к нему, стоило ему только пошевелиться. Правда, потом застыла на месте, точно что-то её остановило.

Была она такой же юной и чистой, как он её запомнил, только пролегишие под глазами круги говорят об усталости, а в зеркальных глазах застыло беспокойство.

Харлей попытался заговорить, но вместо слов изо рта вырвался хрип и демон надрывно закашлялся.

Пандора мигом оказалась рядом. Пристроив кружку прямо на полу, рывком схватила за руку демона, помогая ему привстать, а потом с силой постучала по спине.

— Ну и тяжёлая у тебя рука, сладенькая, — откашлявшись, хрипло сказал инкуб и Пандора скупно улыбнулась. — Я смотрю, кто-то очень соскучился, только очень старается, чтобы я не заметил...

Харлей снова откинулся назад, но Пандора успела подложить под плечи и голову набитый сухими травами мешок и демон оказался в положении полусидя.

Узкая прохладная ладонь легла на его лоб и инкуб зажмурился от удовольствия.

— У тебя всё ещё жар, — задумчиво пробормотала гарпия. — Отсюда и бред до сих пор.

— Бред?!

— Ну, раз злишься на меня, точно идёшь на поправку, — хмыкнула гарпия, и, прежде, чем демон успел что-то ответить, сунула дымящуюся кружку ему прямо под нос. — Пей.

— Горько, — пожаловался демон.

— Зато полезно, — пожала точёными плечами бессердечная гарпия. — Тебе нужно восстановить силы.

— А это дерьмовое пойло тут причём? — вздохнул демон и сделал ещё глоток.

— Пить нужно горячим, — отрезала Пандора. — Будешь хныкать, как девочка, залью в глотку, не посмотрю, что весь из себя демон.

— Ты — злая, — ещё тяжелее вздохнул инкуб и отхлебнул снова. Вкус у пойла был отвратительным, словно из полыни сок выжали, а потом подогрели.

Когда кружка, наконец, опустела, демон с ненавистью отшвырнул её от себя, и та, жалобно звякнув, замерла в паре шагов.

— Эй! — Возмутилась гарпия, которая, пока демон пил, не сводила с него глаз. — Не дебоширь, не дома.

— Надо же, — скривился инкуб. — А я и не заметил... и, раз уж разговор зашёл, где мы?

Он обвёл взглядом комнатку. Крохотная, по сравнению с его апартаментами в Вилскувере — ну точно собачья будка. Стены деревянные, бревенчатые, крыша... и невооружённым взглядом видно — еловая. Так же как то обстоятельство, что чудом держится. В углу старинная железная печь, котёл на ножках, из которого раздаётся бульканье. Харлей подумал, что Пандора зачерпнула кружкой именно оттуда, прежде чем травить его этой гадостью. У противоположной стены длинная лавка и небольшой стол, на нём вроде какая-то утварь, но отсюда не видно.

Он вопросительно посмотрел на гарпию, ожидая ответ.

Та вздохнула.

— Всё ещё в Ламии, — ответила она и заправила упавшую со лба прядь за ухо. — Ну как, в Ламии. Вообще-то мы у подножия горы, у Разлома.

— И нас всё ещё не пожрали эти твари? — удивился Харлей. — И что светлый? Выжил?

Пандора кивнула. Она даже открыла рот, будто собиралась что-то сказать, но потом нахмурилась и промолчала.

— Ты ещё слишком слаб, — сказала она. — Спи.

Стоило ей произнести последнее слово, как веки демона и вправду налились свинцом и только титаническим усилием он оставил глаза открытыми. И даже головой помотал.

— А что местные? — спросил демон. — Не бузят?

На секунду зеркальные глаза гарпии потемнели, словно вобрали в себя весь свет в комнатке. И снова демону показалось, словно Пандора хочет что-то сказать, но в последний момент опять передумала и поджала губы.

На лоб снова легла прохладная ладонь и гарпия покачала головой.

— Ты должен спать, пока жар не спадёт, так она сказала.

— Кто? Кто так сказал? Медсестра на обходе?

— Ага, когда уносила капельницу, — буркнула гарпия. — Просила померить тебе температуру ректально. Да только я воздержусь.

— А тебе бы пошёл халатик с красным хвостом, то есть, я хотел сказать, хлыстом. Не-а, крестом, — пробормотал Харлей, с удивлением понимая, как речь его теряет связность.

— Мы в доме у знахарки, — сказала гарпия. — Местные считают её ведьмой и не суются сюда. Остаться наверху мы не могли, сам понимаешь, хоть Хранители и благодарны тебе за помощь. Печать пока держится. Так что как только придёшь в себя, мы уйдём.

— Уйдём, — хрипло проговорил демон. — Прямо сейчас и уйдём.

— Сначала ты поспишь.

— Пандора?

— Что?

— Они дали нам эту клятую ловушку?

Гарпия тяжело вздохнула.

— У них больше нет, — призналась она. — Как только поправишься, поедем искать дальше.

— Мы её найдём, — сонно пробормотал демон. — А потом найдём бешеную бабу и укокошим её...

Глядя на спящего демона с каким-то непонятным выражением, гарпия осторожно провела пальцами по лбу, зарылась ими в жёсткие густые волосы.

— Немезиду искать не придётся, — тихо сказала она. — К сожалению...

На этот раз, как и предупреждала знахарка, сон демона был ровным, глубоким. Как и надлежит быть сну после долгой и тяжёлой болезни. Двое суток инкуб метался в бреду, а Пандоре оставалось варить собираемые знахаркой, приютившей их, травы, потому что по пробуждению Харлею нужен был свежий отвар.

Эти два дня показались ей вечностью. В каждом шорохе, в каждом поскрипывании деревянной лачуги на ветру ей слышалась угрожающая поступь Немезиды, которая идёт

за ними. Виделись искажённые яростью лица местных, брызгающие слюной; их крики, угрозы спалить лачугу ведьмы к чертям собачьим с ней самой, если не включит мозги и не выгонит, наконец, демона...

Знахарка сказала, что Харлея сильно контузило, что в совокупности с магическим истощением может привести к параличу, и чтобы этого не случилось, нужно непрерывно растирать травяным настоем конечности, сгибать и разгибать руки и ноги, массировать.

Пандора взялась за дело с тройным усердием, правда, растирала гладкую кожу демона не куском пакли, которую выделила знахарка, а руками, то и дело окуная кисти в обжигающий отвар. Судя по тому, что демон, очнувшись, сжал её руку и даже сел, она всё делала правильно и сейчас у неё щипало в глазах, а в горле стоял ком. Она никогда не расскажет ему, что пережила за эти дни, как и того, что высшему грозил полный паралич.

Но теперь, когда он спит, не мечется на рогоже, не бредит, не зовёт некую Мишель, теперь, она уверена, всё будет хорошо. Только бы он восстановился раньше, чем их настигнет Немезида или местным придёт в голову привести свои угрозы в исполнение.

Она склонилась над лицом Харлея, вглядываясь в его черты, сама не зная, что хочет в них рассмотреть. Ей ничего так не хотелось, чтобы к щекам демона вернулся цвет, а осунувшееся тело вновь налилось силой.

— Высший, — прошептала она. — Разве думала я, что они бывают такими... такими...

Движение воздуха облизало шею и Пандора быстро обернулась, застигнутая врасплох.

Знахарка, так и не назвавшая ей своё имя, ступала бесшумно, как кошка.

Вот и сейчас Пандора скорее почувствовала её присутствие, нежели услышала.

Знахарка замерла на пороге, впуская в лачугу свежий воздух и пристально рассматривая Пандору и демона.

Она совсем не походила на старую каргу с картинок детских книг, и вместе с тем, одного взгляда на неё хватало, чтобы понять, что перед тобой и вправду ведьма. Пандора очень понимала местных, явно относившихся к женщине с неким пиететом.

Стройная, высокая, с прямой, как жердь, спиной. Седые пряди свисают по сторонам от молодого, но какого-то высохшего лица. Зелёные кошачьи глаза... Пандора уже знала, что та, кто их приютила, человек, человечка, как принято говорить, но в роду у неё отметились кицунэ. Надменная складка у губ, острый, волевой подбородок, глубоко посаженные глаза, которые, казалось, видят Пандору насквозь.

Вот и сейчас знахарка то ли кашлянула, то ли коротко хохотнула и подмигнула совсем по-мальчишечьи.

— Ну что, жив твой красавец?

Не дожидаясь ответа от гарпии, откинула рогожу и одобрительно хмыкнула.

Эрегированный, готовый хоть сейчас к любовной схватке орган дрогнул и гарпия, закусив губу, отвела глаза, а знахарка вновь кашлянула. Знала бы она, каких моральных (и не только!) терзаний Пандоре стоило растирать его... там... вела бы себя повежливее.

— Ну что ж, неплохо, — сказала она и ловко бросила освежёванную тушку зайца на стол. — Ты справилась, девочка. Будет твой жених ещё крепче, чем был. И не утомимее, — с этими словами она подмигнула снова.

— Да что вы, — Пандора зарделась и поспешила накрыть демона, правда, стало ещё хуже: вздыбленная на самом интересном месте ткань так и манила коснуться рукой, пригладить, приласкать. — Никакой он мне не жених, я же вам говорила. Он — наследник богатого папочки, а я, я... просто агент X-класса.

— Икшкласса, — коверкая слова, повторила за ней женщина. — Для Богини нет богатых и бедных, нет высших и низших. Не зря же она пожертвовала вечной жизнью, подарив

нам мир, где мы равны?

— Вы тоже верите в Изначальную Песню?

— Мы все берём начало из Изначальной Песни, — строго сказала женщина. — Покажи мне безумца, который не верит в жертву Богини.

Пандора стыдливо покосилась на Харлея, а потом быстро отвела взгляд.

— К утру он будет полностью здоров, — заметила женщина и хмуро добавила. — Дожить бы до утра... Я договорилась, вы доберётесь до подводного экспресса с охотниками, их лагерь не так далеко, на рассвете я вас проведу. А там до Разлома рукой подать. Не дрожи, птичка, получите то, что ищете, я вижу это твоих глазах. Вернёшься со своим женихом домой.

— Он не, — начала было Пандора, но потом замолчала. Отчего-то перечить знахарке не хотелось. В конце концов, это просто невежливо... — Давайте я вам помогу.

— Поможешь, — кивнула женщина. — Если отдохнёшь, как следует. Скоро тебе предстоит долгий путь.

Пандора кивнула. Она чувствовала себя слишком усталой и разбитой, чтобы перечить. Залезла на краешек ложа из еловых веток и демон тут же сгрёб её в охапку, подтянул к себе, а знахарка снова закашлялась.

Щёки Пандоры вспыхнули, словно угли, но высвободиться не хотелось. Слишком уютно было и как-то... спокойно, что ли. Она приподняла голову, вглядываясь в лицо Харлея: на губах инкуба играла улыбка.

Интересно, что ему снится?

Харлей притянул её к себе сильнее и Пандоре стало не до размышлений. Её словно окутывала паутина из солнечных лучей, и удовольствие от её тепла и света приводило в порядок натянутые до предела и оголённые нервы, стирало усталость.

Не просыпаясь, Харлей зарылся носом ей в волосы и вдохнул, но гарпия уже не ощутила этого. Отогревшись в стальных объятиях, она провалилась в поверхностный, тревожный сон.

Глава 16

Беспокоен был сон и у Харлея.

Демон шёл сквозь толпу в одинаковых масках, вернее, правильнее сказать — продирался сквозь толпу. К его вящему недоумению это было скопище каких-то гигантов: никогда ещё высший демон не чувствовал себя коротышкой, даже в компании оборотней-гризли. Сейчас же его знатно злило то, с каким равнодушием и безразличием они задевают его широкими плечами, отбрасывают в сторону лёгким касанием лопатообразных ладоней, как надоевшую муху. Их ауры было почему-то не разглядеть: внутренний демон был так тих, что Харлей даже не чувствовал его присутствия. И, что хуже всего — вместо живых лиц, будь то злобных, недовольных, раздражённых... неважно, разглядеть бы на них хоть какую-то эмоцию... вместо лиц были глупые ухмыляющиеся маски, с одной поднятой и лихо заломленной бровью, с провалом вместо носа, с лицом карточного шулера из нашумевшего боевика, снятого по комиксам.

— Он видит, — раздался откуда-то сверху, словно из-под небесного купола равнодушный голос.

— Он не может видеть.

— Но видит. И, похоже, слышит нас.

— Ну так надо его отвлечь...

В этот момент среди гренадёрподобных силуэтов мелькнула хрупкая фигурка и Харлей словно очнулся. Вот кто ему нужен! Причём сейчас, срочно! Эта мысль отозвалась

пульсацией и чувством распираания в штанах, а из головы ушли все мысли, кроме одной: надо её догнать.

Судя по реакции своего тела и разума Харлей безошибочно узнал Мишель.

Ну конечно, это она!

Закутанная в плащ с капюшоном, юркая и быстрая, она споро вышагивала в этой толпе гигантов, скрываясь то за одним, то за другим силуэтом.

Харлей прибавил шаг, сию же минуту её догнать.

Отчего-то подумалось, что стоит ему догнать её — и всё встанет на свои места, к нему вернётся демоническая сила, возможность видеть ауры и поглощать эмоции, а ещё догнать Мишель было просто крайне необходимо по другой причине. По причине, что была твёрже камня и находилась у него в штанах. Чёрт знает, сколько он не был с женщиной, слишком занят был вопросами выживания, а для инкуба такое длительное воздержание просто невыносимо!

Но вот, наконец, она здесь, тёплая и живая, и несмотря на то, что она быстро бежит, он догонит её. Догонит и... На этот раз она не отвернется. Она любит дразнить его. Настоящий суккуб, искушающий мужчин по ночам...

Стоило представить, как он снимает с неё капюшон плаща, а затем и сам плащ, освобождает её от одежды, из груди вырвался полурык-полустон. На таком расстоянии, она, конечно, не могла слышать его, но вдруг хрупкая фигурка замерла и обернулась вполоборота. Харлей не разглядел её лица, но ему это и не надо было: он итак знал, что желаннее и красивее женщины, чем Мишель, нет в целом свете.

Она тут же прибавила шаг и Харлей перешёл чуть ли не на бег, сию же минуту подобраться поближе.

Он по-прежнему прокладывал себе путь локтями, а где-то даже применяя кулаки, правда, без толку. Он наткнулся на громоздкие фигуры, чувствуя себя мышью, мечущейся между окруживших её котов. Чувствовать себя жертвой, мишенью, было до того непривычно, что Харлей почти не чувствовал досаду. Скорее, недоумение.

Чем ближе была фигурка в плаще, тем увереннее себя чувствовал Харлей. Когда их разделяло шагов десять, окружающие его гигантские силуэты, все, как один, начали таять в воздухе, словно кто-то невидимый вытягивал из них цвет. Чем зыбче становились они, тем явственней проступала впереди Мишель, тем сильнее демон сжимал зубы, понимая, что ему просто необходимо её догнать.

Догнать и удержать. На этот раз у него получится.

Помимо утраты света, толпа, идущая навстречу, заметно поредела, и, чертыхаясь, демон перешёл на бег.

Ничто больше не имело значения, кроме этой погони. Желание стало таким нестерпимым, что спросил высшие силы у него жизнь за обладание идущей впереди женщиной — Харлей, не задумываясь, отдал бы её.

Потому что если она покинет его снова... оставит с этим жутким голодом наедине... зачем тогда вообще жить?

В тот миг, когда ему удалось приблизиться на расстояние шага, он рванулся вперёд, сию же минуту поймать её, но руки схватили лишь воздух.

Харлей споткнулся и чудом удержал равновесие. В этот момент что-то произошло с миром, он словно перевернулся с ног на голову, а потом обрёл яркость, цвета, звуки... Исчезли полчища гигантов в одинаковых глупых масках, Харлей с изумлением обнаружил себя на залитом солнцем изумрудном лугу под разноцветным покрывалом цветов.

В первый же миг сердце сдавило от боли: она тоже исчезла!

Но когда увидел фигурку в плаще, волна облегчения чуть не сбила с ног и Харлей сдавленно выругался, обругав себя бабой и институткой.

Ветер донёс её лёгкий, свежий аромат и развратные картинки, тут же возникшие в сознании демона, заставили его зарычать сквозь зубы и снова перейти на бег.

Сейчас, вот сейчас он опрокинет её на спину! И, несмотря на лютый голод и сводящее с ума распирание в паху, проделает всё очень и очень медленно, с удовольствием поглощая умопомрачительный водопад её эмоций, в то время как она будет извиваться под ним, бесстыже прижимать к себе ногами и, запрокинув рыженькую головку, снова и снова повторять его имя!

Он слишком долго мечтал об этой женщине, она стала слишком необходима ему. Его безумие, его наваждение, его пылкая и нежная девочка, средоточие всего прекрасного в мире, собранное в одной точке...

Очередная попытка поймать её, наконец, обернулась успехом. В тот момент, когда Харлей сдёрнул с неё проклятый плащ, а её саму, ухватив за плечи, развернул к себе, замер, точно громом поражённый.

Отшатнулся, увидев своё отражение в знакомых зеркальцах глаз, привычно заморгал от света, который словно исходит от юного и чистого лица гарпии.

— Пандора?!...

Словно в ответ за её спиной распахнулись два серых паруса.

Губы гарпии приоткрылись и Харлей, услышав своё имя, произнесённое звонким, ласковым голосом, заморгал и отпустил её плечи.

Он преследовал её словно безумный, словно одержимый, и близость её юного тела, свежесть её дыхания, аромат какой-то чистоты и невинности... всё это было невыносимым.

Он бежал за одной, а догнал другую. И сила его желания никуда не делась, наоборот усилилась в разы.

И всё же что-то мешало сделать последний шаг...

Она была здесь, тёплая и живая, смотрела на него с затаённой мыслью в глазах, беспомощно приоткрывала губы, как рыбка, вырванная из родной стихии.

Но почему-то возникло ощущение, что если он возьмёт её сейчас, это будет подлостью с его стороны.

Она же не знает, что преследовал он другую, не её!..

Не знает, насколько сама она чиста и невинна, словно цветок, не подозревающий о своей красоте и аромате.

Стоит ему коснуться этой хрупкой и смелой девочки — ни одна сила в мире не сможет его остановить... он получит, наконец, долгожданную разрядку, а она... сохранит ли она этот свет, исходящий от неё? Эту теплоту в зеркальных глазах, эти доверчиво распахнутые губы?

Он, демон похоти и вожделения, впервые испугался коснуться женщины. Самой чистой, светлой и смелой из всех, кого знал. Он может заставить её захотеть его парой прикосновений. И без того видно, как она борется с собой и своими желаниями под его пристальным взглядом.

Дотронуться до неё всё равно что позволить огненному чудовищу внутри коснуться Ледяной Королевы из Древних Песен. Только та королева растаяла, а эта оттолкнётся от земли и воспарит на серых парусах в прозрачно-чистом небе.

Внезапная догадка пронзила сознание Харлея, как молния, как выскочивший из-за угла убийца.

Он медлит не потому, что боится испачкать её чистоту, замарать её в собственной похоти... Он... боится.

Боится, что улетит.

Покинет его, как та, другая.

Обречёт на вечную погоню за призраком.

Можно ли поймать крылатую, которая носится наперегонки с ветром?

Можно ли удержать гордую и смелую рядом силой одного лишь своего желания? Силой бушующего внутри огня?

А нужен он ей, этот его огонь? Тепло губительно для морозной свежести...

Пандора шагнула к нему, запрокидывая голову, не отрывая от него взгляда.

— Харлей, — позвала она и демон задохнулся от двух противоречивых чувств: щемящей нежности и дикого, неистового желания. — Ты поправишься. Ты обязательно поправишься.

Демон покачал головой.

Нет, детка. Не поправлюсь. Просто потому, что не хочу этого.

Она смотрела долго и пристально, закусив губу, словно чего-то ждала.

А потом взмахнула крыльями и оторвалась от земли

Он мог бы схватить её, удержать, и она не спешила, словно только того и ждала... но он не стал. Просто провожал её взглядом, с болью в сердце наблюдая, как она превращается в точку.

А когда опустил взгляд, перед ним стояла Мишель.

Мишель, как он её запомнил. Рыжеволосая, улыбчивая, желанная. Демон обольщения, демон-суккуб. В его снах, в его грёзах и запретных мечтах Мишель всегда хотела его также, как он её.

Вот и сейчас уголки губ её дрогнули, и между ними медленно, очень эротично проскользил розовый язычок.

— Ты ждал меня, милый? — хриплым от страсти голосом прошептала она и, распахнув губы, как бы невзначай потёрла грудь кончиками пальцев, словно силилась унять зуд.

Харлей сглотнул, глядя на царицу своего сердца и своих постыдных фантазий.

— Нет, Мишель, — сказал он, наконец. — Я ждал другую.

А затем развернулся, и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Глава 17

Сначала в сознание ворвались голоса, тихие, приглушённые, а потом и сон сняло, как рукой. Харлей уже собирался открыть глаза, как понял вдруг, что говорят о нём. Несколько раз прозвучали слова «демон» и «инкуб». И один из голосов принадлежит Пандоре.

— Он инкуб, понимаете? Демон-инкуб! Вихрь! Более мерзкого племени не сыскать. Как я могу довериться этой мрази? Мысль о том, что придётся просто говорить с ним, отвратительна! Да меня просто наизнанку выворачивает, стоит только подумать о нём!..

Харлей лежал ни жив, ни мёртв.

Вот значит, как...

Сидела у его кровати, поила мерзкой дрянью, изображала участие...

И ненавидела при этом! Проклятье инкубов, как же она, оказывается, его ненавидела!

Какой же он наивный, романтически настроенный дурак... Напридумывал себе невесту что... Терзался, как средневековый менестрель, чтоб ненароком не запачкать её чистоту своей похотью и вместе с тем боялся, что она всё равно улетит.

Да для начала она и не думала прилетать!

Когда это он так стремительно поглупел, что стал видеть в женщине нечто большее, чем пара сисек и отменная задница?!

Да даже пусть она останется последней женщиной на планете, он ни за что не притронется к её лживому рту!

Актриса! Непревзойдённая актриса! X-класс! Чего ещё он от неё ждал?! X-класс — лучшие во всём! И, наверняка, всяким шлюшным делам их тоже учат.

Прямо невинный ангел на вид, светлый и чистый! Вот только там, должно быть, пробы ставить негде. Он помнит, как она целуется! Вовсе не как полагается ангелу!!

Ложь. Кругом одна ложь.

Однажды он повёлся на эту наживку, впустил в своё сердце женщину, и в тот же миг стал слабаком. Аутсайдером.

Пора прекращать этот цирк.

Влюблённый инкуб... как-то это даже ему не к лицу.

Гарпия тем временем продолжала говорить.

— Можно, конечно, вернуться в Слитсберг и искать ту, что была у Кристофера! Но... мы в розыске. За наши головы назначены награды! Да нас возьмут тёпленьких, то есть, уже остывающих, прежде, чем мы её найдём. К тому же может быть, что призрак нашёл её первым...

— Тише, птичка, — раздался сухой, властный голос.

Харлей решил, что знахарка каким-то чутьём угадала, что он уже не спит и открыл глаза.

— Харлей! — Пандора, словно только того и ждала, бросилась к нему, растрёпанная, сияющая. — Теперь тебе лучше, правда? Теперь всё будет хорошо!

Демона передёрнуло от отвращения.

Двойного отвращения.

В том числе к самому себе.

Смотреть в её широко распахнутые глаза, видеть эти подрагивающие, приоткрытые губы, робкую и такую искреннюю с виду улыбку!

Проклятье инкубов!

Он хотел эту холодную лживую тварь даже после всего, что узнал!

И осознание своей слабости заставляло сатанеть.

— Лучше, сладенькая, — цинично ухмыльнувшись, сказал он. — Скоро вернёшься в свой Департамент героем и получишь новую звёздочку на погон, или что там у вас. И я даже напишу благодарственный отзыв твоему начальству.

Пандора часто заморгала, словно совсем не это собиралась услышать. А Харлея несло. Он наговорил бы ещё много обидных слов, даром, что собственная обида комом стояла в горле, но сидящая в углу худощавая седая женщина (стало быть, вот она какая,

знахарка, что их приютила) предупредительно подняла палец и цыкнула. Значит, только что она одёрнула гарпию не потому, что поняла, что демон проснулся.

Харлей попытался разглядеть ответ на её лице и то, что увидел, совсем ему не понравилось.

— Всё-таки решились, — удивлённо пробормотала знахарка, жуя высохшими губами.

Пандора, которая с недоумённым видом протягивала кружку Харлею вскрикнула и обернулась.

Не подхвати демон кружку, всё бы вылилось на него. На этот раз осушил предложенную мерзость двумя глотками, и, прежде, чем знахарка бросила в него его вещами, уже поднимался с елового ложа.

— Вы... уверены? — побелевшими губами прошептала гарпия.

Но демон, который чутким ухом уловил приближающийся к ним гул толпы, грубые, злые голоса и сквозившее за неким оскалом жестокости и решимости отчаянье, уже знал, что знахарка права.

А через секунду поняла это и Пандора.

Испуганно захлопала крыльями, отчего еловые ветки разлетелись по всей хибарке, но тут же взяла себя в руки.

— Может, удастся их убедить подождать до утра?

Прежде чем знахарка захлопнула ставни, Харлей успел увидеть ночь за окном. Ночь, сквозь чёрное покрывало которой проступали огни факелов и прорезался гул голосов.

— Отдай нам демона, ведьма!

— Отдай нам демона!

— Или, клянёмся Последним Приютом, мы сожжём тебя вместе с твоей хибарой!

— Выходи, рогатый ублюдок!

— Хватит прятаться за бабскими юбками!

С рычанием Харлей ринулся к двери, которую как раз запирала на засов знахарка.

Он нужен этим людишкам и стайке местных шакалов?! Тем хуже для них! Пусть попробуют взять его!

Только дёшево он им не достанется! Он успеет растерзать десятки их хлипких тел голыми руками, прежде, чем...

Взъерошенный серокрылый вихрь повис у него на шее, торопливо клюнул поцелуем в щёку и... инкуб застыл на месте.

— Нет, Харлей, нет! — прокричала Пандора, перебивая гул голосов. — Не смей! Я запрещаю тебе! Я тебя не пущу.

— Похоже, не видать тебе премии, сладенькая, — глумливо проворчал демон и попытался отстранить её от себя, но белокурая обманщица держалась крепко и не переставала бормотать, что не отпустит его.

— Пандора, твою ж мать!! — рявкнул он и она испуганно замолчала, захлопала своими красивыми ресницами, правда, вцепилась в него ещё крепче. — Да как ты не понимаешь?! Если они подожгут хижину, мне ничего не будет! А вот тебе-то крылышки подпалят! Но если ты и уйдёшь по воздуху, то у нашей хозяйки, — не взирая на виснувшую на нём гарпию демон галантно поклонился знахарке, — это вряд ли получится. Мы не имеем права отбирать жизнь у той, что приютила нас.

— Оставайтесь здесь! Оба! — рявкнула ведьма. — Они не посмеют... Они боятся меня,

они меня уважают!

— Смерти они явно боятся больше, уважаемая, — хмыкнул демон. — Я выйду к ним, решено. Пандора, черти драные, слезь уже с меня!

— Нет, Харлей, нет! — в голосе ледяной летунии зазвучали истеричные нотки. — Не пушу! Ты забыл про кровную привязку? Погибнешь ты — и я тоже умру! Ты же не хочешь, чтобы я умерла, правда, Харлей?!

На демона словно ушат ледяной воды вылили.

— Какая привязка, сладенькая? — сказал он уже не так уверенно. — Разве светлый ублюдок не говорил, что магия Разлома разорвала чёртову привязку?

— Да что он вообще понимает! — взвизгнула гарпия, и, чертовка, снова клюнула поцелуем щёку. Затем ещё и ещё. Сопротивляться её клятому воздействию становилось всё труднее. — Наша связь не разорвана! Я чувствую! Я чувствую тебя, Харлей! Пожалуйста! Не уходи! Если ты уйдёшь — я умру!

И ведь не солгала, стерва. Кровная привязка... она такая.

Голоса снаружи слились в единый гул. Требовали выдать им демона. Знахарка тоже каркала что-то своё, о том, что эти боятся её и уважают, правда, когда Харлей порекомендовал наштаманить что-то, мол, она же ведьма и всё такое, обиделась. Скорбно поджав губы, заявила, что не ведьма и тем более не шаманка!

Демон любезно попросил заткнуться обеих женщин и на этот раз — о чудо! — обе послушались.

— Ну, ведьма, сама виновата! До рогатого мы всё равно доберёмся, через твой труп али нет!

Хижина содрогнулась, а потом резко запахло гарью и затрескало.

— Подождгли, — побелевшими губами прошептала ведьма.

Покачнулась на ослабших ногах и села прямо на земляной пол. Видно, до последнего не верила, что решатся.

Пандора тоже притихла. Правда, и не думала слезать с Харлея. Только часто-часто моргала, явно не думала, что и вправду придётся умирать так рано.

Действовать предстояло быстро.

Над головой предательски потрескивало, сквозь щели в стенах в хибарку валил дым. Знахарка громко и надрывно кашляла, гарпия давилась молча.

Харлей с удивлением ощутил, как горячая дорожка покатилась по шее. Пандора, что, плачет?! Час от часу не легче!

— Постарайся выжить, пожалуйста, — прокулила она на ухо.

— Заткнись! — рывкнул демон и гарпия быстро заморгала. — Оборачивайся, живо!

Кивнув, Пандора всё-таки разжала объятия и отчего-то стыдливо потупившись, покрылась сверкающей чешуёй.

— Теперь хватай нашу хозяйку своими изящными лапами, а сама держись за мои ноги! — прокричал демон.

— Зачем?

— Затем, что если она дотронется до огненного, сожжёт нахрен руки! — огрызнулся демон. — Я пробью крышу и вытащу вас. Держитесь крепко, будет очень жарко!

Знахарка тем временем поднялась и, кашляя, приблизилась вплотную.

— Не выйдет, инкуб! — прокричала знахарка и снова закашлялась.

— Это почему?

— Ты потерял демона, — торопливо объяснила она и добавила: — Я так думала... Иначе было тебя не вытащить. Но потом услышала: демон жив, но он слишком слаб. Если обернёшься сейчас — это отберёт у него последние силы. Скорее всего, ты его лишишься.

Харлей сглотнул. Лишится демона? То есть станет человечком? Даже хуже? Лишенцем?! Парией, презираемой и высшими и низшими?!

— А у тебя есть план получше?! — проревел он. — Держитесь, девочки, сейчас будет горячо!

— Харлей! — уже в открытую прорыдала гарпия.

Он и не думал, что она способна на такие эмоции!

Рвущееся наружу с оглушающей болью огненное чудовище торопливо поглощало острую, пронзительную боль души, страх, даже ужас... причём страх за него!.. А ещё терзающую сердце нежность и... что это такое потрясающее на вкус? Восхищение, граничащее с обожанием.

И, хоть с её стороны это всего лишь порыв, реакция на его сиюминутное решение, но вот за такую отдачу, за немой восторг в зеркальных глазах, Харлей был готов умереть. Хоть и чувствовал себя по-прежнему дураком.

Всё случилось быстро.

Быстроте поспособствовала обрушившаяся крыша.

Кто-то из них кричал. Кажется, ведьма... Гарпии в боевой трансформе огонь не вредит, они уже это проходили.

Чтобы привести Пандору в чувство, пришлось хорошенько встряхнуть её за плечи и закатить лёгкую пощёчину. Пусть. Он потом извинится. Если придётся...

Пощёчина возымела волшебное действие.

Гарпия, встряхнув в свою очередь вопящую знахарку, вцепилась в неё намертво, а потом снова повисла на Харлее.

Чудовищным рывком Харлей выдернул обеих сквозь лохмотья крыши и, рывок за рывком, принялся ввинчиваться в ночное небо.

— Уходят!

— Смотрите, уходят!

Щёку царапнуло, а воздушная волна отбросила в сторону.

— Не стрелять! — прозвучало снизу злое и следом раздался глухой удар. — В ведьму попадёшь...

Знахарка оказалась права. Её здесь всё-таки уважали, хоть и не настолько, как хотелось бы...

Глава 18

Пандора далеко не сразу поверила в нечаянное спасение.

Не верила, когда они все втроем рухнули километрах в двадцати от пожарища, когда демон бился в страшном припадке, катаясь по земле, с рёвом менял трансформу, а она не спешила его покидать, словно не хотела уходить навсегда... Он кричал, выл, как дикий зверь, от боли, а она рвалась к нему... Знахарка же, ругаясь на чём свет стоит, держала её за крылья обожжёнными руками. Кажется, она что-то повторяла, навроде

того, что эмоции ему сейчас не помогут, только кровь, но умирающий демон осушит такую пигалицу, как она, в два глотка...

Каким-то чудом удалось всё же вырваться из её цепкой хватки, на бегу рассечь запястье и прижать его к помертвевшим губам демона.

Потом обрушилась тянущая, леденящая боль и тело стало непослушным, онемело. А потом и вовсе стало темно, исчезли звёзды с чернильного небосклона, исчез и лежащий на земле демон, утих его предсмертный хрип...

Она не верила, что всё-таки выжила, когда её похлопыванием по щекам привели в себя.

Правда, огрызнулась, пообещав Харлею, что ещё раз ударит её по лицу — и останется без руки.

Демон беззлобно подтолкнул её в спину, задавая нужное направление сквозь чащу.

Несколько часов, они, спотыкаясь, шли за ведьмой к лагерю охотников, туда, куда и предполагала отвести их женщина поутру.

Остановились они лишь раз: чтобы напиться и промыть раны и волдыри в небольшом роднике. Близость Разлома меняла структуру воды, щедро разбавляя её магией. Раны затягивались на глазах, в голове светлело и в целом троица беглецов почувствовала себя лучше. Правда, слабость всё ещё была жуткая, а на вопросы о внутреннем демоне инкуб только хмурил брови и отмалчивался.

В охотничий лагерь добрались на рассвете, чем знатно удивили часовых: те, по уговору со знахаркой ждали их намного позже.

Но отвели к костру, вручили кружки с жидким подогретым кофе и галетами.

Знахарка не стала задерживаться. После того, как волдыри от ожогов смыло ручьём, она выглядела даже помолодевшей.

Прощаясь, Харлей пытался всучить женщине деньги, те самые, которые получил от лиса в гостинице, но она помотала головой и оттолкнула его руку.

— Не за всё в мире платят деньгами, демон, — с достоинством сказала она. — На что они той, кто выбрал для себя путь отшельницы? Ты заплатил за мою помощь куда более весомую цену.

Она ушла, не оглядываясь, а демон провожал её спину задумчивым взглядом, не замечая, что сам был в тот момент объектом довольно-таки пристального внимания.

Стоило ему выйти из оцепенения и обернуться к костру, как с двух боков подскочили две стройные, гибкие тени. Похожие, как сёстры, охотницы. В одинаковых пятнистых комбинезонах, что только усиливало их сходство, с зачёсанными назад и убранными в пучки волосами. Только одна рыжая, в забавных веснушках, курносая и ясноглазая, а вторая жгучая брюнетка с широкими, словно нарисованными бровями. Обе загорелые, скуластые и чем-то неумовимо напоминают хищных птиц: не то сапсанов, не то соколиц.

— Как вы? Вы сильно пострадали? Вам, должно быть, сильно досталось от местных? Ну не любят они ламий, дикие люди... одичали на этой периферии! Может, ещё кофе? Отвара? Жареного мяса? Галету? Ах, не смотрите так на нас, ламии — это наш хлеб, мы умеем с ними управляться. Благодаря вашему появлению в наших краях охота была удачной! Из зубов ламий получатся прекрасные амулеты от нечисти, которые приятно утяжелят наши счета! Не хотите опереться на меня? А лучше на меня, — охотницы сыпали словами, как бисером, увлекая демона обратно к костру и не переставая интересовались его самочувствием.

Должно быть, от сильной потери крови у Пандоры шумело в ушах и щебет охотниц доносился до неё, словно через завесу.

Зато она прекрасно слышала почему-то в меру язвительные, в меру циничные ответы демона, которые, казалось, распалили лесных амазонок ещё сильнее.

— Хотите воды? Местная вода творит чудеса.

— А может, помассировать вам плечи?

— Позвольте мне, я справлюсь с этим лучше!

— Как вам, должно быть, досталось! Жаль, нас не было рядом...

Инкуб, шурясь, как сытый кот, принимал знаки внимания с достоинством и благосклонностью короля, окружённого фаворитками. И беглого взгляда, брошенного на эту троицу, хватало, чтобы понять: демон вождения в своей стихии.

Он совсем не смотрел на Пандору, словно она была пустым местом, но с явным удовольствием улыбался охотницам, так широко, так белозубо, словно они были не на поляне в лесу, а на светском рауте, с высокими бокалами в руках, под прицелом сотен зумов.

Улыбался он, а скулы сводило почему-то у Пандоры.

Когда одна из девиц (кажется, брюнетка, Пандора почему-то с трудом их различала) снова завела песню о том, как, должно быть, досталось такому утончённому господину, не созданному для этой глуши от грязных мужланов, демон заткнул её, положив палец ей на губы.

— Я более, чем в порядке, сладенькая, — хрипло проговорил он. — И если тебе приспичило поиграть в больничку, доктором буду я.

Пандора часто заморгала, не веря в услышанное, но тут же снова превратилась в слух, пусть и каждое слово отдавалось набатом в висках, причиняя острую, пронзительную боль.

— М-м-м, — как интересно, — тут же пропела брюнетка (или рыжая?), — до-окто-ор-р... Скажите, доктор, а у вас никогда не было двух... пациенток... сразу?

Харлей рассмеялся, запрокинув голову, при этом умудряясь держать девушку под прицелом своего пристального взгляда, а Пандора поняла, что ещё слово — и она просто завоет в голос.

Пальцы, которыми обхватывала жестяную кружку, сами собой сжались и раздался обиженный скрежет, а остывший кофе выплеснулся ей на колени.

Очнувшись, она оторвала взгляд от Харлея и охотниц, недоумённо глядя на то, что осталось от кружки, словно не могла понять, как так получилось. Разве это она виновата в том, что натворила? Вздвогнув, поняла, что видел это и бородатый охотник, который сидел неподалёку и точил нож.

Крякнув, он поднялся, и, подойдя к ней, подал ей другую кружку, куда плеснул что-то из фляги на поясе и ободряюще похлопал по плечу.

— Извините, — сдавленным голосом прошептала гарпия, и, морщась, опрокинула содержимое в себя. Откашлявшись, добавила: — Я не хотела, чтобы так поучилось. Мне жаль...

— Это инкуб, птичка, — пожал плечами охотник. — Такова их природа.

— Природа, — глухо повторила Пандора и вытерла губы рукавом.

Охотник, должно быть, сжалился над ней, потому что крикнул:

— Сворачиваемся! Раз никого больше не ждём, выезжаем через полчаса.

— Но до экспресса уйма времени! — попыталась надуть губы рыжая. — Что мы забыли в Жемчужине? Там же с ума от скуки можно сойти, — и послала обольстительную улыбку демону.

— Ничего, найдём, чем заняться, — сурово отрезал охотник, который был, видимо, здесь за главного. — Кто как, а я собираюсь вымыться, наконец, как король тритонов в

гостиничной ванне и забыть о комарах.

— М-м, ванна, как интересно, — пропела брюнетка и словно невзначай прижалась пышной грудью к плечу демона. — Там всё такое белое... Так и наталкивает на фантазии, как две новенькие медсестры запираются с доктором в операционной...

Она хотела ещё что-то добавить, но всё же, повинуясь пристальному взгляду главного, деланно вздохнула и поднялась, снова пару раз задев инкуба грудью.

Пандора скрежетала зубами и, чувствуя себя последней душой и просто использованной, выброшенной на помойку вещью, по-прежнему не сводила глаз с демона. Проклинала себя за это, взывала к остаткам гордости, но не находила их. И оторваться от безупречного лица Харлея была не в силах.

Инкуб же с видимым удовольствием наблюдал то за одной, то за другой фигуркой в пятнистых обтягивающих комбинезонах. Пандора же словно не существовала для него. Пару раз он скользнул по ней взглядом, именно скользнул, не задерживаясь, словно она была пустым местом и он видел сквозь неё. А когда встречался взглядом с одной из охотниц, полные губы инкуба растягивались в многообещающей улыбке.

В городок-пристань Жемчужина добирались на вездеходах.

Причём, когда Пандора собиралась влезть за Харлеем и девицами следом, инкуб захлопнул перед её носом дверь.

Из-за тонированного стекла раздался приглушённый смех и звуки возни, которые как ножом полоснули гарпии по сердцу.

Нечеловеческим усилием заставив слёзы, которое так и норовили брызнуть из глаз, заползти обратно, гарпия тряхнула головой и рывком распахнула дверцу.

Харлей, расположившийся между двумя глупо хихикающими охотницами, равнодушно бросил:

— Мест нет, сладенькая. Попробуй счастья в другой тачке.

Сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев, гарпия процедила:

— Мы должны быть в одном мобиле.

— Умеешь ты, детка, испортить всё веселье.

Криво улыбнувшись, Пандора выдавила сквозь зубы:

— В этом вся я.

— Тебя одну ждём! — бросила ей свысока рыжая нахалка. — Мобилей мало? Или, может, полетишь над нами воздушным эскортом?

— А вот это будет забавно, — промурлыкал Харлей, одобрительно похлопав рыжую по бедру.

Пандора с ожесточением моргала, не веря своим глазам и ушам. Перед ней, в мобиле, на расстоянии вытянутой руки по-прежнему сидел Харлей, только вот это был не он. Не он, вихрь её дери! С самой первой минуты их знакомства демон не смотрел на неё так равнодушно, с ощутимой долей брезгливости. Так смотрят на мусор, на досадное насекомое, на раздавленную ядовитую жабу, наконец!

Хуже всего, что он совсем не вступался за неё перед ушлыми девицами, отпускающими язвительные замечания по поводу её настырности, которая не подобает девушке, отсутствию чувства гордости и самоуважения («...детка! Мужчинам не нравятся попрошайки! Смирись уже!») и даже ощипанных крыльев...

Когда после очередного пассажа рыжей твари она готова была вцепиться той в космы и выволочь наружу силой, взревел мотор двигателя.

Пандора вздрогнула. Неужели им всем всё равно? Неужели ей и вправду придётся

лететь над процессией?!

— Прыгай ко мне, птичка, — раздался грубый голос с первого сиденья. Перегнувшись через пассажирское кресло, водитель распахнул дверь. — А вы прикусили бы языки. Вы свою работу сделали. А девчушка при исполнении.

Проглотив «девчушку», гарпия быстро взобралась на переднее сиденье и набросила на плечо ремень безопасности. Она не отрывала взгляда от зеркала заднего вида, глядя, как инкуб с улыбкой мартовского кота нашёптывает что-то в розовые ушки охотниц, те пунцовеют, облизываются и ёрзают так, словно решили протереть кожаное сиденье насквозь.

Как же так? Что с ним случилось? Что произошло? Где тот Харлей, который подхватил её на руки, целуя, когда они спускались по лестнице? Который пялился на неё в душе? Тот, что нёс её на руках и вытирал кровь с её щеки? Тот, кто не отпустил её руку, не дал провалиться в Разлом? Кто пил её эмоции в ипостаси огненного демона?! Кто вытащил их со знахаркой из огня, а потом чуть не осушил досуха, из-за чего до сих пор в глазах темнеет, а её саму покачивает?

Откуда взялся этот надменный равнодушный ублюдок, даже после стольких дней скитаний не растерявший лоск и магнетизм?!

Что она сделала ему такого, что он намеренно причиняет ей такую адскую боль, словно нарочно ковыряясь ржавым гвоздём в ране?!

Что, вихрь её дери, она сделала не так?!!

Слишком много вопросов и слишком мало ответов...

Ну, конечно! Всё это время, что они провели бок о бок, рядом просто не было других женщин! Как сказал охотник? Инкуб... Такова их природа... А он ведь и правда не скрывал от неё, что как женщина, она его не привлекает... Более того, ничего ей не обещал.

Но почему же тогда так больно?..

В глазах предательски щипало и Пандора в кровь искусала губы, чтобы не разреветься, потому что это был бы уж совсем позор.

Она всё же нашла в себе силы и перевела взгляд в окно, не замечая несущегося навстречу пейзажа, но тут вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд.

Вздрагнув, тут же уставилась в зеркало.

Он услышал её! Он понял! Он сейчас прекратит... перестанет...

Из груди, помимо воли, вырвался глухой стон.

Инкуб и не думал прекращать.

Правда, на этот раз он действительно смотрел на неё.

Обе девицы, раскрасневшиеся, с шальными глазами, жались к нему с обеих сторон, комбинезоны на обеих расстёгнуты до пупа, нижние рубашки уже основательно смяты и потрёпаны...

Продолжая смотреть на гарпию, инкуб высвободил руки из-под плеч охотниц, а потом, медленно, не спеша, опустил из по сторонам от себя. Прямо им на колени. Только... выше. Несколько умелых движений и кисти его рук скрылись от взгляда гарпии, натягивая пятнистую ткань на самых сокровенных местах.

Охотницы откинулись на спинку, запрокинув головы. Та, что с рыжими волосами, замотала головой, кусая губы, а брюнетка медленно прикрыла веки и потёрлась щекой о чёрную ткань, обтянувшую плечо демона. Как сука, дорвавшаяся до ласки хозяина.

Почти с ужасом Пандора смотрела на демона, наблюдая, как к его щекам приливает кровь, а глаза время от времени вспыхивают фиолетовым светом.

Он даже как будто увеличился в размерах, словно наливался изнутри целительной силой.

— У тебя бесподобные эмоции, сладенькая, — прочитала она по его губам, а девицы часто задышали.

Водитель раздражённо хлопнул по панели и из динамика над ухом Пандоры хлынула заводная мелодия. Томный женский голос пел о том, что объятия инкуба невозможно забыть.

Почувствовав резкую боль в руках, Пандора с недоумением перевела взгляд на свои ладони: с них капало красное, так сильно она впилась в себя ногтями, чтобы не закричать.

Бросив на неё хмурый взгляд, водитель швырнул ей на колени какую-то сомнительной чистоты тряпку и раздражённо прикрикнул, избегая смотреть в зеркало:

— Эй, вы, озабоченные! Ещё один звук, и, клянусь, пойдёте до Жемчужины пешком.

Вздохи и вправду стали тише.

А боль в сердце усилилась.

Глава 19

Поиграть в доктора и медсестёр охотницам обломилось.

Взяв себя в руки (насколько это было возможно) Пандора, криво улыбаясь, сообщила, что номер в местной гостинице они с демоном разделят на двоих. Ничего личного, мол, работа. И не надо её оскорблять (это брюнетке, обозвавшей её жадной заносчивой сучкой) — она при исполнении служебных обязанностей.

Харлей, казалось, слушал препирательства девушек вполуха. К такому инкубу явно было не привыкать. Куда с большим интересом он изучал Жемчужину: городок-порт, где помимо пристани, находилось с пару десятков гостиниц на любой вкус, с казино, игровыми автоматами, бильярдными и даже борделями.

После эмоций, полученных в мобиле по пути сюда его внутренний демон лишь благосклонно порывивал слову «бордели», но, впрочем, особо не настаивал, слишком слаб ещё был и Харлей до сих пор не верил, что сберёт его.

Наверное, стоило сказать спасибо гарпии, за ту же отданную кровь, но смотреть на неё демон избегал. Несмотря на, пожалуй, переизбыток внимания, полученного от охотниц, надо сказать, от такого быстрый демон как-то быстро отвык, слишком явно в его памяти звучали жестокие слова гарпии — о том, как ей мерзко даже смотреть на него.

Спрашивается, если так мерзко, чего тогда пялилась всю дорогу? Он и вправду пытался понять, но не смог. Опять же, слишком дерзко теснила она от него девиц, заявляя, что не отойдёт от него ни на шаг... Объяснил себе тем, что она просто делает свою работу, и вправду, ничего личного. Это её упрямство и преданность делу он даже уважал.

Настолько, насколько вообще способен был испытывать к лгунье уважение.

Правда, предложения брюнетке «устроить небольшое представление для одного зрителя, раз уж ей так неймётся, бедняжке! Слюной, вон, все прыщики свои уделала, которые выдаёт за грудь» смутился, сам не зная, почему. В закрытых клубах, борделях да и просто на вечеринках ему случалось участвовать и не в таком.

И всё же, когда главный прикрикнул на своих подчинённых, безапелляционно заявив, что их участие на встречах с заказчиками обязательное, вздохнул с облегчением.

А когда бородатый, как гном, человечек подмигнул Пандоре, и вовсе скрипнул зубами... от ревности. И проводил удаляющихся охотников взглядом, не лишённых удовольствиям.

Просияла, провожая спины охотников взглядом и Пандора.

Только сейчас она заметила, что Жемчужина розовая: именно такого цвета кирпичом

отделаны здания, крыши крыты мягкой пурпурной черепицей, а дорожки вымощены камнем цвета пыльной розы.

Близость океана поила городок свежестью, наполняла звуками порта и криками чаек.

Подчиняясь низким полётам стрижей стал накрапывать дождь и гарпия вытащила из кармана плащ, который торопливо набросила поверх крыльев. Ткань плаща была такой тонкой, что в сложенном виде он умещался в спичечный коробок, но при этом водонепроницаемой, что очень полезно для крылатых.

Харлей покосился на неё с недоумением, граничащим всё с той же странной неприязнью, но гарпия не подала вида, что обиделась. Да, обломала инкубу групповушку, ничего, не разорвёт. Сначала дело, а потом, когда оборвёт, наконец, эту сраную привязку, пусть хоть всех шлюх мира поставит в ряд и перетрахаёт, ей до этого дела нет. Или есть?

Как-нибудь, она сама не знала ещё, как, уляжется вся эта заварушка с нелепыми обвинениями, и связь с Департаментом наладится, и... Она сама ещё не придумала, что будет, но явно будет лучше, чем сейчас, в этом она была уверена.

Шагая рядом с демоном по розовой улочке, она мысленно била себя по щекам и приказывала собраться. До отправления экспресса у неё есть ещё пара часов и нужно потратить их с пользой.

По-прежнему не глядя на неё и не заговаривая с ней демон рассчитался с пухленькой ундиной за стойкой, выбрав двухместный номер с окнами на порт. Поблагодарив русалку, которой, впрочем, никакого дела не было до её благодарности, несложно догадаться, что вниманием той сразу и всецело завладел инкуб, гарпия направилась за его широкой спиной.

По дороге она несколько раз собиралась завести разговор, объяснить, в конце концов, им необязательно испытывать друг к другу симпатию, главное, остаться в живых и доказать свою невиновность, и, конечно, укокошить карающего призрака, который только чудом пока не нагнал их... Но ведь элементарное уважение, деловую этику ещё никто не отменял? Она снова и снова раскрывала рот, чтобы начать разговор, но натолкнувшись в очередной раз на стену безразличия демона, так и не могла решиться. Он позволял оскорблять её прилюдно и даже участвовал в этом сам. Страшно представить, на что он решится, когда они останутся один на один? Думая об этом, отвоёванная возможность остаться с инкубом наедине совсем не радовала её, даже пугала...

Оказавшись в номере, Харлей на ходу скинул куртку-пиджак, бросив её на пол и скрылся за дверью с изображением русалки на ней. Через минуту оттуда раздался звук падающей воды.

Пандора сглотнула и, упав на кровать, принялась терзать линкофон. Как назло, связи с Департаментом по-прежнему не было, счета так и оставались замороженными. Она попыталась зайти на другие сайты — получилось мгновенно. Словно кто-то нарочно хотел перекрыть ей кислород, обрубив связь с Департаментом и лишив денег. Зарегистрировать новый ящик, чтобы с него написать по известному ей адресу много времени не заняло, и, когда дверь в душ хлопнула, она уже отложила в сторону мало на что пригодное средство связи.

Инкуб появился из душа, весь в каплях воды, как король тритонов, голый, не считая же одеждой небрежно повязанное на бёдрах полотенце.

По-прежнему не замечая Пандору, тяжело упал рядом и кровать под гарпией заходила ходуном.

Пискнув и тут же прокляв себя за этот писк раздавленной мыши, Пандора подскочила с постели, как ошпаренная. Пробормотав что-то невразумительное (что именно — и сама не поняла), она последовала примеру демона, хоть и боялась, что, когда выйдет снова, может не обнаружить его на месте.

Но она ошиблась: когда свежая и чистая (одежду, пока мылась, забросила в сухую

чистку) появилась в номере, демон по-прежнему лежал на постели, правда, кроме него там же стоял поднос со съестным, а у самого инкуба в руках был линкофон.

Сначала решила, что инкуб взял её средство связи и даже удивилась, как ему удалось пробиться через пароль, но потом поняла, что линкофон совсем новый, рядом, на полу, валяется коробка и пленка с экрана. Значит, заказал в номер. Вряд ли здесь есть специальная услуга по доставке линкофонов, но Пандора не сомневалась, что ради инкуба ундина на ресепшене расстаралась. Удивительно скорее другое: как она не застала здесь русалку верхом на демоне. Пандора знала, видела неоднократно, как девицы всех рас реагируют на демонов вождения и не удивилась бы, обнаружив местного администратора здесь в недвусмысленной позе.

Демон и не думал одеваться. Так и валялся в полотенце. Пандора внезапно поймала себя на том, что как-то совсем уж беззастенчиво пялится и тут же опустила взгляд.

Вихрь! Она и не предполагала, что мужчина может быть так красив! Именно такую красоту из поколения в поколение пытаются запечатлеть в своих статуях нефелимы — у этих пунктик на красоте тела. Но куда этим светлым до этого конкретно тёмного!

К своему стыду и позору Пандора вынуждена была признаться, что инкубу одежда, пожалуй, только вредит...

Он кашлянул, и Пандора вспыхнула, застигнутая врасплох: она сама не заметила, как снова принялась его разглядывать.

— Голодная? — небрежно бросил демон и Пандора прямо-таки зарделась от двусмысленности вопроса.

Но инкуб ничего такого не имел ввиду.

Хмыкнув, он постучал пальцами по подносу и поднялся с кровати.

Пока демон одевался, Пандора наспех давилась свежей выпечкой, а когда отхлебнула чаю с лимонным соком, поперхнулась и закашлялась.

— Нам должны доставить билеты на экспресс, — хмуро сказал демон, по-прежнему избегая смотреть на неё. — Пойду, узнаю, что да как.

Пандора не успела ответить, ошеломлённая, что инкуб, наконец-то, с ней заговорил, только принялась яростно работать челюстями, думая, что сказать, как он вышел, прикрыв за собой дверь.

Руки сами-с собой потянулись к линкофону демона. Пандоре даже в голову не пришло, что заглядывать в чужое средство связи нехорошо. Разве её работа не заключается в его безопасности?

Нахмурившись, принялась листать панель.

Судя по всему, демон пытался связаться с тремя номерами, но каждый раз его постигала неудача. Пандора вздохнула с облегчением. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что его ведут. И, если бы дозвонился... Хотя она и сама не знает, что тогда. Они далеко от Слитсберга, хотя можно не сомневаться, что их ищут по всему материку. И, что самое худшее, не только федералы. Мысль о том, что в ближайшее время они отправятся к Разлому в Око Бури... даже радовала... настолько, насколько такое вообще может радовать.

Облизав губы, она пролистнула панель снова и оказалась на странице Ньюз-Линком, главного новостного сайта страны.

Пробежавшись взглядом по верхним строчкам первой полосы, ахнула.

Бросив взгляд на подвижную картинку, укусила себя за язык и выронила линкофон.

Помотав головой, словно пыталась проснуться, подцепила панель дрожащими пальцами и принялась читать вслух, словно надеялась, что ей показалось.

— Последние сводки криминальных новостей... Харлей де Вуд, наследник главы де Вуд Корпорэйтед полностью оправдан. Редакция приносит семье де Вуд извинения за предыдущие публикации. Харлей де Вуд похищен. Преступница и главный злоумышленник: Пандора Хантер, сначала подстроившая покушение на унобтаниевого магната, а затем обманом привязавшая к себе инкуба с помощью запрещённого артефакта.

Голос гарпии задрожал и сорвался на сип.

— Предположительно, злоумышленница рассчитывает получить выкуп за унобтаниевого наследника. Внимание! Преступница вооружена и очень опасна. После резни, которую она устроила в Вилскувере, ей терять нечего. Приносим соболезнования семье де Вуд. Как только ситуация прояснится, мы обязательно вас известим. А пока держим крылья и хвосты скрещенными, в надежде, что обожаемого всеми нами Харлея удастся вырвать из цепких лап гарпии и вернуть домой живым и невредимым...

Пальцы Пандоры всё же ослабли, онемели, линкофон снова выскользнул и на этот раз она не стала его поднимать. Отшатнулась, словно перед ней не средство связи, а ядовитое насекомое. Прежде, чем экран успел погаснуть, Пандора разглядела сумму, которая назначена за её поимку... и за её голову.

В голове шумело.

Эт-то... что такое сейчас было? Ей, наверное, всё это снится.

Она изо всех сил ущипнула себя за бедро и взывала от боли. Не сон. Явь.

Но как же так?

Она часто заморгала, а потом принялась яростно тереть сухие глаза кулачками.

Сквозь мысленный гвалт, гудящий, как целый расстроенный оркестр пробилась одна, показавшаяся совсем нелепой: как ни странно это звучало, но почему-то обвинения в прессе оказались не так болезненны, как внезапная грубость и равнодушие демона.

Может, поэтому он так переменялся к ней?

Но это началось ещё в лагере охотников.

Девушки... то есть охотницы напели? Они видели объявление о её розыске в новостях?

И Харлей поверил?

Но ведь она всё это время была рядом с ним... Как он мог поверить в такой чудовищный навет?

Как назло, Харлея не было рядом, чтобы спросить об этом.

Нет рядом...

А не вызывает ли он сейчас федералов? Не для этого ли вышел из номера? Всё-таки сдавать её, находясь с ней в одном номере — верх цинизма.

Хотя... она чего-то другого ждала от инкуба?

Беспомощно пожала плечами и призналась себе: да, ждала. От этого — точно. Он... Он казался таким замечательным...

— Казался... — глухо пробормотала она.

А вот сейчас он вернётся с федералами и храмовниками. Они на месте разорвут их клятую привязку, наденут на неё силовые наручники и подрежут крылья, как всем беглым преступникам. А потом? Потом, наверное, её увезут.

Сердце застрочило автоматной очередью.

Её не будет рядом... И его, рано или поздно, настигнет Немезида... Вихрь!

Да это же заговор! Ловушка! Ловушка для него, для высшего демона, наследника многомиллионного состояния! Он умудрился перейти дорогу кому-то настолько влиятельному, что тот смог достать где-то карающего призрака, чтобы натравить на него! По сравнению с этим очернение их имён... её имени... вихрь!.. это, правда, такая мелочь!

Но, кажется, Харлей всё для себя решил. Ну конечно! Поэтому он был с ней так груб, поэтому избегал смотреть в глаза! Как смотреть в глаза той, которую собираешься предать?

Но как ей потом жить с этой мыслью, жить — в том случае, если сошлют на рудники или в дальние колонии, с мыслью, что не уберегла его? Не выполнила до конца свою работу?!

Ведь спасти от Немезиды может только ловушка из самого Разлома!

А не дать ему добраться до этого самого Разлома — всё равно, что вынести смертельный приговор!

Вихрь! Во что же она вляпалась?!

Хлопнув крыльями, она вскочила с кровати.

Надо срочно догнать его! Объяснить, что он ошибается! Это всё ложь! Наглая подлая ложь! Ведь не сомневался же он в том, что это просто уловка, просто чушь какая-то, когда в новостях очернили оба их имени?! Так что, вихрь её дери, изменилось сейчас?!

Она рванула к двери, но не успела повернуть ручку. Дверь распахнулась навстречу и Пандора шарахнулась назад, судорожно соображая, что скажет Харлею, когда увидит его в окружении федералов...

Глава 20

Но демон был один.

Отстранив Пандору, он вошёл в номер и прикрыл дверь.

— Читала.

Не вопрос. Утверждение.

Пандора кивнула.

Ещё как читала.

— Хреновые наши дела, — глухо сказал демон и у Пандоры отлегло от сердца.

Всё-так он сказал «наши»...

— Это... это... это неправда, — залепетала она дрожащим голосом.

Демон обернулся к ней, и, казалось, впервые с того момента в мобиле, пристально посмотрел на неё.

Затем, прежде, чем она успела что-то сделать, положил ладонь ей на лоб.

Хмыкнул, привлёк к себе за плечи и прижался губами ко лбу.

Даже если бы Пандора превратилась в соляной столп, как Непокорная из Древних Песен, она и то не могла бы стоять более неподвижно. Что он делает? Что, вообще, вихрь её дери происходит?! Она умерла и ум сейчас генерирует совокупность случайных кадров из её потаённых кошмаров? Но тогда она умерла намного раньше, наверное, лифт, в котором поднималась к шефу, чтобы получить задание, сорвался в шахту и она разбилась насмерть. Тогда скоро, уже совсем скоро это всё закончится. И она, пожалуй, ни о чём не жалеет. Харлей, хоть и плод её воображения, получился замечательным. И, кстати, неудивительно, что умирающий мозг изобразил его инкубом...

— Вроде жара нет, — пробормотал под нос демон, отстраняясь от неё. — Даже холодная,

— при этом глаза его как-то странно сверкнули. — Что случилось, пока меня не было?

— Я... я... я прочитала новости...

— И что? — хмуро спросил демон, пожимая широкими плечами.

Безумно захотелось шагнуть к нему, обвить руками талию, прижаться щекой к груди, и чтобы он непременно обнял в ответ... А она разрыдалась бы, как школьница, впервые в жизни и спросила бы, за что он с ней так? За что так её обидел?

Вместо этого тихо сказала:

— Там... про меня...

— И что? — повторил инкуб, начиная раздражаться. — Что это меняет? В следующий раз они напишут, что я ем младенцев, а ты на самом деле сестра милосердия из Обители Молчащих Пряностей. Ясно же, то, что они там пишут, бред. А у тебя вид, как будто Немезиду увидела.

— Если бы я её увидела, — проговорила гарпия, а потом, сама от себя не ожидая, выпалила: — Я думала, ты решил сдать меня федералам.

— Вот как? — инкуб усмехнулся криво, уголком рта и как-то зло. — Вообще-то о других по себе судят. Так что теперь я знаю, чего от тебя ждать, в случае, если следующая новость сообщит нам что это ты у нас вся из себя такая белая и пушистая.

— Да как ты... Как ты смеешь! — взвилась гарпия.

— Смею, детка. Смею.

— Ты — козёл и я с тобой не разговариваю! — заявила Пандора, чувствуя, как горло изнутри распирает комом.

Инкуб дёрнул уголком рта.

— Вот и славно. Я и не собираюсь с тобой разговаривать. Вот, возьми.

— Что это? — Пандора покрутила в руках красный платок.

— Сегодня день идиотских вопросов?! — рыкнул демон. — У тебя слишком приметная внешность. Замотайся в него, чтобы кто-то более корыстолюбивый, чем я, не сдал тебя.

Гарпия брезгливо подцепила платок двумя пальцами к глазам и зачем-то принялась.

— Мне намотать это на голову?

Демон выглядел уязвлённым.

— Это, чтоб ты знала, Вейскайти. А намотай ты его себе хоть на нос. Или повяжи вместо намордника. Нам, главное, добраться до экспресса.

— А потом?

— А потом они напишут что-нибудь позатейливее.

Грубость демона чудесным образом подействовала успокаивающе. То есть, не совсем так. Она подняла откуда-то из глубины клокочущую злость, желание вмазать по его холёной роже, и злость эта... нет, не нивелировала обиду, но как-то чудно уравнивала её. Где-то даже перекрыла.

Лицу Пандоры вернулась прежняя холодность, а губы искривились в усмешке Ледяной Королевы.

— Надо же, — процедила она. — Даже у тебя бывают пробелы.

Как ни в чём не бывало она развернулась и принялась собираться в дорогу.

Личные вещи, оружие... всего по минимуму, не таскать же с собой чемодан, особенно,

когда поднимаешься в воздух. Сумки тоже никуда не годятся, за исключением той, что на боку и пристёгивается к поясу. Остаются ещё кобуры-футляры на ремне, кое-что можно спрятать под рукавами куртки или штанинами. Ожерелье из метательных звёздочек и вовсе выглядит украшением, несколько варварским, правда, но кому до этого какое дело?

Она снова с недоумением покрутила в руках красный платок. Если инкуб хотел сделать её менее приметной, с цветом, он, пожалуй, не угадал.

Отложив красную тряпку в сторону, она придвинула к себе поднос с едой и, выпотрошив сэндвич с сыром и ветчиной, с жадностью впилась зубами в сдобу. Она, оказывается, жутко голодна, а силы ой как скоро понадобятся.

Время от времени она ловила на себе взгляды демона. Пристальные и какие-то недоумённые, что ли. Должно быть, невдомёк ему, что это она тут не выпрыгивает из штанов и не падает перед ним ниц с широко распахнутыми ногами. Охотницы, вон, так и стелились... Но она не из их породы.

Она гарпия — раз. Агент X-класса — два.

А он — демон. И между ними не может быть ничего общего. По выполнению задания оба вернутся каждый в свой мир и забудут обо всей этой свистопляске, как о кошмарном сне.

Демон заговорил первым. По-прежнему скупое и отстранённое, но её это больше не трогало. Не так трогало, чтобы реакция тут же отражалась на лице. В конце концов, что такого экстренного произошло, чтобы рвать себе нервы?

У неё приказ сделать всё, что в её силах, чтобы сберечь его драную жизнь.

И если для этого нужно напоить его до отвала кровью, это всего лишь её долг. Обязанность.

Конечно, в её профессии случаются такие вот неприятные ситуации, когда объект оказывается инкубом. А у этих свои особенности. Их внутренние демоны питаются эмоциями. И самая лучшая пища для них — эмоции сексуальные. Ничего личного, просто физиология.

Ей ещё повезло, что по пути сюда им встретились эти озабоченные охотницы, которые тёрлись об него, как течные суки. Судя по тому, как он заметно воспрял, ему удалось сохранить демона, вопреки пророчеству знахарки. И это самое главное. Так что эти похотливые сучки выполнили за неё её же работу. И за это ей стоит быть благодарной. В конце концов, если бы не они... через всё это бесстыдство предстояло бы пройти ей самой.

При мысли об этом щёки Пандоры вспыхнули, как маков цвет и она торопливо отвернулась от инкуба. Сложно с этими эмпатами: ты для них — раскрытая книга, они видят тебя насквозь, как ультрасовременный сканер, сами же остаются тайной за семью печатями. Хорошо, что ей нет никакого дела до его драных мыслей и убогого внутреннего мира. Потому что каким изнутри может быть огненный демон? Уж точно не достойным и не благородным, как может показаться, если судить по его обёртке.

— Эй! Ты здесь вообще?

Гарпия вздрогнула. Вихрь! Он ведь и вправду что-то ей говорил, вот буквально только что. Она криво усмехнулась, но не вынырнула из своих мыслей.

— Что тебе нужно? — процедила она, не оборачиваясь.

— От тебя? — оскорбился демон. — Вообще ничего. Просто хотел сказать, что купил нам билеты на экспресс.

Пандора фыркнула и, хоть не умела считывать эмоций, как высшие, поняла, что инкуб раздражён.

— У нас уже были билеты, — нехотя сказала она. — Хранители в Ламии дали.

— И какого чёрта ты тогда молчала? — рявкнул демон, свирепея, должно быть, из-за впустую потраченных денег.

— Я молчала? — Пандора медленно обернулась и посмотрела на демона, поджав губы. — Я хотела сказать, но ты был слишком занят: надрачивал охотницам. Хорошо, хоть не всему лагерю...

Она не успела понять, как демон оказался за её спиной. В следующий миг её схватили за плечо и грубо развернули.

— Что ты сказала?! — голос демона был глухим от ярости, в нём слышались клокочущие нотки.

Не опуская взгляда, Пандора высвободила плечо.

— Что слышал, — повторила она.

— Да как ты смеешь?! — на щеках демона играли желваки, на плечах вздувались и ходуном ходили мускулы, и Пандора, хоть и не была демоном, зависящим от чужих эмоций, наслаждалась его злостью с мстительным удовольствием.

— Что — смею? — переспросила она, склонив голову набок. — Называть вещи своими именами? Да как-то так сложилось, знаешь, не люблю вилять и на... в общем, наворачивать. Ты инкуб, они бабёхи, которые хотят инкуба, всё так, как и должно быть. Ты им подрочил, они обкончали всё сиденье в мобиле, твой демон в итоге не сдох. Большого мне и не надо.

— То есть ты рада?

— О! Я получила едва ли не большее удовольствие, чем ты, — заявила Пандора. — Когда мне придётся сдавать объект, то, что он будет целым, сыграет мне только на пользу. Может даже повышение получу. Слава ветру, мне самой не пришлось этим заниматься.

— А я думаю, тебе бы понравилось.

— Вместо того, чтобы думать, без обид, но это не самая твоя сильная сторона, сделай милость, спустись вниз и подрочи ещё рыбёхе не ресепшене. Или даже оприходуй её, она будет счастлива. Так что вы оба только выиграете от этого. Мы все выиграем.

Пандору несло. Она говорила бы и дальше, но рука демона схватила её за горло и она вынуждена была замолчать, часто моргая.

Харлей приблизил своё лицо так близко, что их губы разделяло расстояние толщиной в волос. Только губы гарпии были приоткрыты, она сдавленно хватала ртом те крохи воздуха, что ей позволял демон, а губы инкуба были плотно сжаты.

Какое-то время он просто пристально смотрел на её рот, а затем поднял взгляд на глаза и процедил:

— Я был бы рад хоть раз услышать от тебя правду, Пандора. Даже говоря, наконец, то, что думаешь, ты лжёшь. Потому что, строя из себя фригидную, течёшь, как сучка. И если бы у меня на тебя встал, только и делала бы, что сосала. По-крайней мере заняла бы свой лживый рот. А за то, чтобы высший демон, как ты выражаешься, подрочил тебе, отдала бы не только крылья, но и душу.

С этими словами он разжал пальцы и, Пандора, задыхаясь, чудом устояла на ногах. Титаническим усилием она заставила себя растянуть губы в улыбке и проговорить:

— Так это серьёзная проблема, если не стоит, демон. Для инкуба прямо начало конца.

Его рука снова рванулась к её шее, но гарпия была к этому готова. Отшатнувшись, она подпрыгнула, перевернулась в воздухе и ударила демона в живот так сильно, что он отлетел к противоположной стене.

Сполз по ней и затих.

— Вихрь, что же я наделала! — прошептала гарпия, бросаясь к нему.

Глаза инкуба были закрыты, но кажется, он дышал... Кажется.

Ветер, что с ней не так?! Неужели, у неё память, как у рыбки, три минуты, если после всего, что он прошёл, она смеет бить его? Что, чёрт подери, он сделал с ней такого, что она теряет голову настолько, что перестаёт быть профессионалом?!

— Харлей! Харлей! Пожалуйста, очнись! — жалобно причитала она, похлопывая инкуба по щекам, то и дело прикивая головой к груди, вслушиваясь в биение сердца. — Вихрь, какая же я дура... Харлей...

Она не поняла, почему мир вдруг перевернулся с ног на голову, а на неё взгромоздилась чугунная глыба.

Харлей крепко держал её за запястья, при этом надёжно блокируя ноги.

Сообразив, что попалась, и притом довольно глупо, Пандора разразилась такой грязной руганью, что инкуб посмотрел на неё с недоумением и уважением одновременно.

Он завёл обе её руки ей за голову и перехватил запястья одной рукой.

Второй же нажал на подбородок, сжимая щёки пальцами, вынуждая гарпию открыть рот.

Сам же нагнулся, склоняясь над ней так низко, что её лицо пощекотало его дыхание.

Почему-то подумалось, что сейчас поцелует.

И, если бы поцеловал, видит Богиня, она простила бы ему всё, вообще всё!

Но в последний момент демон отстранился.

— Маленькая лживая сучка, — выдохнул он ей почти в рот, а рука, что сжимала её лицо, скользнула ниже.

Пандора вскрикнула, когда стальные пальцы с силой сжали её грудь, не от боли, а от хлынувшего между ног тепла, от стянувшейся внизу живота огненной пружины...

— Пусти... — хрипло прошептала она и покраснела ещё больше, слыша, как её голос предательски дрожит.

— Сейчас, сладенькая, — пообещал демон, и, прекратив терзать сосок под тонкой тканью водолазки, его рука двинулась ниже.

Пандора задёргалась, словно её прошибло током. Но что она могла сделать? Крылья распластаны на полу, а весит демон раза в два большее её самой...

— Нет! Нет! Не смей!

Крики, ругательства, уговоры... ничего не помогало. Глаза демона налились кровью, что значит, ей-таки удалось его довести.

Не обращая внимания на её неловкие попытки высвободиться, инкуб дёрнул вниз кожаную ткань штанов и проник пальцами под бельё.

— Нет, пожалуйста, — прошептала она еле слышно. — Прошу... не надо... только не это. Всё. что угодно, только не так...

— Поздно, сладенькая, — ухмыльнулся инкуб. — Не ты ли только что заявляла, что не будь рядом охотниц, тебе пришлось бы самой кормить моего демона? Пора отвечать за свои слова. Он снова голоден и ему нужны эмоции.

— Нет, — помотала головой Пандора, ощущая безумный стыд.

Вопреки всему, чем она привыкла руководствоваться в жизни, вопреки разуму и холодному расчёту, она ощущала, как бесстыже мокро становится между ног, как развратные касания демона вынуждают её сгорать от бушующего внутри желания.

— Да, — безжалостно бросил демон и, раздвинув пальцами нежные складочки, нащупал

набухшее от возбуждения потайное местечко. Мокрое, скользкое, сочащееся блудливой влагой...

Пара касаний — и она задрожала под ним, ослабшая, покорная, готовая на всё, лишь бы продолжал.

— Конечно, эмоции такой ледышки, как ты, сладенькая, всё равно что верблюжья колючка по сравнению с щедрыми дарами уверенных в себе женщин, умеющими наслаждаться и возбуждать мужчину. Но на безрыбье, сама понимаешь...

— Ублюдок, сволочь, скотина, тварь, — шептала Пандора, понимая, что всех ругательств мира будет мало для проклятого демона, который беззастенчиво и цинично хозяйничал в её святой святых, там, где никто, никто, дьяволы его дери, не смел её касаться!!

— Скотина и тварь, — хрипло соглашался с ней демон, но ведь ты хочешь меня, такого сволочного ублюдка, не правда ли?

Движения его становились всё более грубыми, всё более уверенными, он теребил потайное местечко с уверенностью виртуозного музыканта, терзающего струну.

Пандора искусила губы в кровь, чтобы не застонать, не захныкать... не попросить его действовать ещё грубее, сильнее... резче!

Когда её затрясло от пронзительных сладких токов, предвестников сладкой, желанной разрядки, демон вдруг убрал руку.

Из груди Пандоры вырвался стон разочарования, она заёрзала под ним, прямо как те самые охотничьи сучки на заднем сиденье мобиля, ёрзала, стараясь выгнуться так, чтобы потереться ставшим невероятно чувствительным местечком хотя бы о жёсткую ткань на его вздыбленных брюках. Но демон держал крепко и притом смотрел так пристально, что ей пришлось с силой зажмуриться, прежде чем уголки глаз предательски намокли.

— Хорошая девочка, — наполовину прохрипел — наполовину прорычал демон и было в его голосе что-то такое, что заставило её открыть глаза.

Он смотрел на неё с такой жадностью, с которой голодный обжора смотрит на коробку шоколадных конфет, как исстрадавшийся в пустыне путник смотрит на глоток воды на дне фляги. Демон тяжело дышал, глаза его светились, прядь, упавшая на лоб, была влажной от пота. Создавалось при этом ощущение, что хватка на её запястьях усилилась, а в самом демоне как будто прибавилось веса.

Глядя на неё совершенно ошалевшими глазами Харлей хрипло прошептал:

— Хочешь кончить, сладенька? Просто попроси...

— Чтoб ты сдох, — вырвалось у Пандоры.

Демон широко улыбнулся и ничуть не обиделся.

— Сдохну я — умрёшь и ты, сладенькая. Магия кровной привязки.

— Нужно было дать Немезиде прикончить тебя, — жалобно простонала Пандора и сжала зубы так, что казалось, надави она чуть сильнее — искрошатся в пыль.

— Гордая девочка, — восхищённо прошептал демон.

А затем провёл влажными от её собственных соков пальцами по упрямо сжатым губам и впился в них поцелуем с тихим рычанием.

Чувствуя, как пожар внутри разгорается с новой силой, подчиняя всё её существо, Пандора, приложив титанические усилия, вгрызлась в его губу.

Инкуб взревел от неожиданности и боли, и, наконец, отпустил её.

Стоило ему приподняться, как в ушах зазвенело от пощёчин, которыми, одна за другой, награждала его гарпия.

Ему пришлось снова перехватить её запястья, правда, на этот раз уверенности, что удержит, почему-то не было.

Растрёпанная, с горящими от ярости глазами, с подбородком в крови она была похожа на богиню-воительницу, богиню возмездия.

Нежная кожа на её щеках в мгновение ока покрылась стальными чешуйками, черты лица исказило от ненависти, но внутреннему демону, который с таким восторгом пил вздох из фонтана её эмоций она показалась ещё прекраснее.

— Дранный сукин сын, — прогудела она (из-за боевой трансформы её звонкий голос звучал глухо). — Ещё раз позволишь себе подобное и я оставлю тебя не только без рук и без ног, но и без самого главного.

Пальцы Харлея разжались сами собой, демон отшатнулся и пробормотал что-то о совсем уж съехавших с катушек.

Но удар, что последовал за этим, он успел предотвратить, правда, скрипнув зубами от боли.

— Ну уж нет, — отрезал он. — Нам нечем платить за погром и в этом притоне. Держи себя в руках, сладенькая.

Гарпия смотрела на него, тяжело дыша, словно раздумывала: стоит или не стоит поучить уму-разуму бесстыжего демона.

— А оставишь меня без рук и ног, придётся тащить на себе до самого Разлома, — почти миролюбиво сказал инкуб, явно желая перевести всё в шутку.

— Ничего, — не осталась в долгу гарпия. — Допинаю как-нибудь.

Глава 21

Пристань Жемчужины знаменита не только тем, что размеры её превышают площадь самого портового городка, но и тем, что помимо кораблей самых различных форм и размеров, ходящих на Сапфировые острова, Чёрный архипелаг, Тхон-Тао и даже на знаменитую Мавританку здесь есть самый настоящий водный экспресс. Водный — потому что ходит он по тоннелю, проложенному под водой.

Пандора только слышала о нём, самой же не доводилось на таком прокатиться. С Тхон-Тао в Слитсберг она добиралась на теплоходе, причём в составе команды, в качестве штурмовика на случай нападения (как раз в ту пору были обострения с Помниками, не путать с Помнящими, в отличие от высшей касты морского народа Помники — довольно-таки кровожадная и фанатичная секта).

Но о подводном экспрессе, конечно, слышала и не раз, более того, видела подвижные картинки и голографии: цветные, бликующие, такие яркие и красочные, словно сошли со страницы детской книжки или модных журналов-голограмм о путешественниках, которые, все, как один, из высшего света.

Шагая рядом с демоном по широкой пристани, она с интересом глазела на корабли: как на лёгкие манёвренные судёнышки, так и на специализированные под морские экспедиции, с батискафами на борту, а также на предел мечтаний туристской романтики: построенные на старинный манер парусные суда, управляют которыми в открытом море настоящие духи ветра.

С демоном после инцидента в номере они не разговаривали.

И Пандора даже радовалась тому факту, что глаза её были надёжно скрыты за зеркальными стёклами солнцезащитных очков. К слову, и красную тряпку, не то от Вейскайти, не то от Фискариди, она повязала, обернув концы под подбородком и завязав на шее сзади. Себе Харлей тоже приобрёл солнечные очки, и в вычищенном костюме, с уверенной походкой прожигателя жизни выглядел, как всегда, пижон-пижоном.

На них смотрели со скрытой досадой и даже с завистью, явно принимая за парочку путешествующих толстосумов. На груди инкуба болтался зум — взял подержанный (и,

если честно, почти не работающий) у какого-то ушлого подростка по дороге, явно ворованный, но Пандора вынуждена была согласиться (про себя, конечно): зум оказался последним штрихом, чтобы их принимали за богатых туристов, которые, не отягощая себя багажом и желанием работать в душных конторах шляются по миру в поисках новых горизонтов и ощущений.

Вспоминать о том, что было в номере было очень стыдно и очень возбуждающе, и, судя по тому, что чётко очерченный рот демона нет-нет, да и растягивался в усмешке сытого кота, она была для него сейчас непрекращающимся родником необходимых эмоций.

А то, что сама мысль об этом злила Пандору до белых глаз, явно добавляла перчинку в сытный обед для демонюки: пару раз инкуб даже облизывался, ну точь-в-точь, кот, нализавшийся сметаны.

Но злость Пандоры как рукой сняло, когда они добрались, наконец, до тоннеля: въезд в него был похож на гигантскую горку с прозрачными стенами из аквапарка, только, конечно, увеличенную раз так в двадцать.

Чтобы взобраться на платформу, с которой отправлялся экспресс, можно было воспользоваться подъёмниками с прозрачными стенами или самым настоящим дирижаблем с продолговатым воздушным шаром, лежащим на сетчатом боку. У подъёмников была толпа, дирижабль скучал поодаль: сразу можно было сделать вывод, какой из способов дороже.

Пандора вздохнула и направилась вслед за большинством, но демон вдруг придержал её за локоть, и, легонько подтолкнув в спину, направил к воздушному шару. Пожав плечами вместо того, чтобы подпрыгнуть от радости, Пандора с видимой неохотой подчинилась.

Но когда деревянная палуба под её ногами дрогнула, покачнулась, задохнулась от восторга, а тут ещё налетевший ветер сорвал платок, и, растрепав ей волосы, закружил его высоко над головой и вовсе рассмеялась, запрокинув голову.

Не замечая изумлённого взгляда демона, вытянула вверх руки и позвала:

— А ну отдай! Отдай сейчас же!

Платок тут же ринулся вниз, как если бы в центр его поместили шар, падающий на землю. Алые края трепетали в потоках ветра.

Харлей нахмурился, когда тонкая красная ткань облепила безупречное лицо гарпии, повторяя впадинку на подбородке, острые скулы, призывно приоткрытые губы, а затем снова взмыла вверх, уворачиваясь от её рук.

Растрёпанная и счастливая, она рассмеялась снова. Сложив руки рупором, крикнула:

— Я тоже рада тебя видеть, Зефир!

— Зефир? — переспросил демон, хмурясь ещё больше. Судя по реакции ледяной злочки ей вовсе не грозила опасность, но желание защищать её, спрятав от всего мира стало вдруг нестерпимым, почти таким же, как проклятое распирание в штанах.

— Дух ветра! — крикнула гарпия, решив, видимо, позабыть на время о своей злости на него. — Мы познакомились, пока я плыла с Тхон-Тао. Зефир, отдай!

Присмотревшись, Харлей различил носящийся над их головами прозрачный силуэт: крылатую фигурку с развевающимися на ветру волосами.

— Но как ты... Я имею ввиду... в смысле...

— Гарпии дружат с духами, — пояснила Пандора. — А духи ветра нам ближе чем друзья, они наши братья, — сложив ладони рупором, она крикнула: — Ладно, Зефир, забирай! Сегодня ты не останешься без подарка!

— Дареное не дарят, — ревниво заметил демон.

— А тем более дважды, — с ехидной улыбкой ответила гарпия.

— Ты о чём?

Но ей не нужно было объяснять, о чём. Вредный ветер (какая сестра, такой и брат, чего уж там) рассёк платок каким-то образом сразу на несколько лент. Какое-то время Пандора ахала, хлопая в ладоши, глядя, как они выписывают в воздухе самые разные траектории: треугольники, круги, квадраты, зигзаги и спирали, а потом одна из лент отделилась и, медленно опустившись вниз, завязалась в бант вокруг белоснежной шеи.

Харлей вынужден был признать: эта деталь добавила ледяной красоте гарпии яркости и шарма.

Счастливо улыбаясь, Пандора помахала клубку алых лент рукой и пожелала счастливого плавания.

— Он обожает море, — пояснила она Харлею. — Не мыслит своего существования без водных горизонтов.

— Это он тебе сказал? — почему-то раздражённо спросил демон и улыбка Пандоры тут же покинула её лицо, словно только привиделась инкубу.

Искривив бровь, гарпия дёрнула плечом, мол, о чём с тобой можно разговаривать, и отвернулась с видом вдовствующей королевы в изгнании.

Демон хотел отпустить что-то едкое, но не успел: дилижанс замер в воздухе и пол под ногами дрогнул от стыковки с платформой.

Отсюда, с высоты, становилось понятно, почему, собственно Жемчужина получила именно такое название: городок и вправду имел форму половинки раковины-жемчужницы, что только усиливал розовый цвет домишек, зданий, тротуарной плитки.

Больше всего на свете Пандоре хотелось сорвать плащ, прикрывающий крылья, и, оттолкнувшись стопами от парящей платформы, покружить немного над городом и морскими волнами, поноситься наперегонки с Зефиром, но увы: учитывая в особенности последние новости, ей явно не стоило этого делать.

К счастью, ей предстояло путешествие на подводном экспрессе, а такое тоже не каждый день случается. И, к слову, что касается неба, она ещё налетается вдосталь... когда всё это будет позади.

Тоннель, в который после гудка войдёт их поезд, был огромным, с переливающимися в солнечных лучах прозрачными стенками. Харлей знал, что де Вуд Корпорэйтед поставляла унобтаний для его строительства, но лично здесь не был и глазел по сторонам с едва ли не большим энтузиазмом, нежели Пандора. Да и вообще — вертеть головой по сторонам было лучшим решением, учитывая проклятую близость гарпии.

То ли виной всему была клятая кровная привязка (демону очень хотелось списать всё именно на неё!), то ли дело было ещё в чём-то, но, когда ноздри начинал терзать её лёгкий, свежий аромат, а разлетающиеся на ветру волосы (он впервые видел их распущенными и гарпии такая причёска чудо, как шла) дразнясь и явно издеваясь, задевали его плечи и грудь, он готов был сграбастать её в охапку и целовать, целовать, целовать... И пусть на них глазают. И пусть эта маленькая ледяная мегера дерётся потом, сколько влезет. После произошедшего в номере его внутренний демон каким-то чудесным образом воспрял и с рёвом бросался на ментальные оковы, потому что эмоции, что источала гарпия были сладкими и свежими, как мороженое, политое цветочным нектаром... Их не портила ни кислинка её откровенной злости на него, ни даже пряная горечь высокомерия Ледяной Королевы. Он никогда и никому не признается в этом вслух (ну, не такой же он дурак!), что с тех самых пор, как поцеловал её в Ламии, на лестнице, да что там, с тех пор, как увидел в подворотне Вилскувера, ничего так не хотел, как держать её в своих руках, так крепко, чтобы не вырвалась, и...

Нет, он даже думать об этом не хочет! Крылатая ведьма околдовала его, и даже эмоции человечек не помогли. Насытиться жалкими крохами, объедками с щедро уставленного самыми разнообразными блюдами стола после долгого лютого голода? Нет, как он ни старался расписывать ей других женщин, сам ни капли не верил в свои слова. А судя по её гордому, неприступному виду, по холодности, сквозящей из зеркальных глаз, по в

открытую демонстрируемой неприязни... и она не поверила.

Задержавшись взглядом на двух расплывчатых пятнах возле первого вагона, Харлей нахмурился и прошёл в экспресс вслед за гарпией.

Та уже нашла их места и заняла мягкую скамью по ходу поезда у окна.

Харлей ненавидел ездить спиной вперёд, но сесть рядом с ней, ощущать тепло её бедра и не мочь прикоснуться... это выше его сил.

Да, похоже, его внутренний демон ожил и воспрял, ему перепал настоящий пир, и, как всякий демон, он требовал большего. Куда хуже было самому Харлею: ведь он не получил столь необходимой разрядки и все его мысли неслись лишь в одном направлении: как он вдавливаясь в мягкую податливую плоть, как истово бьёт бёдрами, сжимая стройные изящные бока в ладонях, как гладит мягкие и тёплые крылья, там, у самых лопаток, где они покрыты лебединым пухом... и словно издалека доносятся полные страсти и дикого желания стоны, всхлипывания, хныканье!..

Проклятье инкубов! Хоть ты иди в туалет и дрочи, как малолетка!

Если бы это помогло, Харлей бы так и поступил, но он заранее знал, что это ни к чему не приведёт. Ему нужна была женщина. Тёплая, живая, покорная и согласная на всё женщина под ним, которую он бы отодрал так, чтобы ходить не смогла. И эта женщина совсем рядом, черт бы её побрал!

Пандора слегка нахмурилась, когда Харлей занял место напротив, видать, перспектива видеть его перед собой всю дорогу её не привлекала. Демон и сам был не рад, что уселся здесь. Видеть белокурую гордячку, такую дерзкую и такую желанную было практически за гранью его сил.

А она, как назло, специально провоцировала его: то ногой заденет, то оближет пересохшие губы, то бросит на него взгляд своих зеркальных глаз, взгляд, отражающий, кажется, самую его душу, не то что дикое, неистовое желание.

— Жарко, — хрипло сказал демон, когда эта нахалка в который раз облизала губы.

Она вздрогнула и скривилась, словно он отвлёк её от каких-то важных мыслей, но даже нахохленная и недовольная была до боли, до умопомрачения желанна.

Посмотрев на него так, словно впервые видит, кивнула.

— После того, как спустимся, будут разносить еду и напитки, — сказал демон. — Ты голодная?

Гарпия покачала головой. Ну конечно, от адского, выворачивающего душу наизнанку голода, похоже, подышает только он один!

— Но пить хочу, — призналась она.

Демон сглотнул и кивнул.

Динамик над ухом ожил. Приятным женским голосом, в котором слышался призыв ундины, попросил приготовиться к отбытию и пристегнуться.

Пандора тут же щёлкнула застёжкой ремня. Чутьё демона тут же уловило лёгкий флёр страха. Да ладно? Она боится катится с горки? Та, кто парит над облаками и дружит с духами ветра? Чёрт, это делает её ещё более особенной, ещё более притягательной. Хорошо, что он сел напротив. Был бы рядом, не удержался бы. По-крайней мере, взял бы за руку...

Пандора взвизгнула, когда пропел рог и экспресс тронулся.

Расширившимися от страха глазами она смотрела вперёд, а когда поезд въехал в тоннель и его словно окутало мерцанием от солнечных лучей, скользящих по поверхности прозрачных стенок, вцепилась в мягкие ручки кресла так, что костяшки пальцев побелели.

Но вот вагон накренился, и, после секундного замедления, понёсся в пропасть.

Пространство окрасилось восторженными воплями пассажиров, сквозь которые настойчиво пробивался чьей-то торопливый баритон, возносящий молитву и счастливый смех Пандоры.

Растрёпанная, раскрасневшаяся, она наслаждалась съездом в тоннель с восторгом ребёнка и Харлей даже зажмурился, глядя на неё. Казалось, свечение, окружающее гарпию, стоит только взглянуть в неё более пристально, способно ослепить.

— Эй! — позвала она звонко, когда поезд выровнялся и понёсся по прямой. — Ты только посмотри!

Они неслись с невероятной скоростью под толщей воды, сквозь которую пробивался солнечный свет, а вдоль прозрачных, как хрусталь, стенок тоннеля скользили разноцветные рыбы с восхитительно пышными хвостами, шлёпали губами морские губки, проносились розовые коралловые рифы...

Это был словно другой мир, Пандоре представилось, что они оказались на другой планете, где воздух жидкий и иномиряне могут перемещаться по поверхности планеты именно на таких вот экспрессах или в скафандрах.

— Смотри! Тритон! — крикнула она, тыча пальцем в стекло.

Харлей повернул голову, но хвостатого, конечно, и след простыл. Демон усмехнулся.

— Ну конечно, где ещё быть тритону, как не в море, — посмотрев за спину Пандоры, добавил: — И не в нашем вагоне, катящим перед собой столик с прохладительным... Я предпочитаю хвостатых, когда они ходят на своих двоих. И развозят напитки, да.

Пандора словно не слышала его. С детской непосредственностью прижалась лбом и руками к стеклу, словно надеялась, что тот тритон, за стеклом, с огромным изумрудным хвостом догонит их. Ей, созданию неба, подводный мир с его обитателями, казался таким сказочным и нереальным...

— Прошу прощения, мисс, — раздался рядом приятный баритон. — Не желаете освежиться?

Пандора обернулась. В проходе между рядами застыл столик на колёсах, уставленный напитками, а рядом с её креслом замер смуглый загорелый красавец с копной зеленоватых локонов и зелёными же шальными глазами. Пандора нечасто общалась с морским народом прежде и не поняла, что тритон использует сейчас главный свой козырь, а именно зов, явно надеясь понравиться красивой крылатой пассажирке. Зато понял это демон и чуть не зарычал от досады, когда губы гарпии растянулись в ответной приветливой улыбке.

— Конечно! Здесь как-то жарко, — тихо проговорила она, и, чёрт бы её побрал, расстегнула верхнюю пуговицу на водолазке.

— Это скоро пройдёт, — с обольстительной улыбкой проговорил тритон. — Как только мы наберём приличную скорость, кондиционеры заработают на полную. Поверьте, вам ещё понадобится плед.

Жестом фокусника, от которого демон чуть не стёр зубы в порошок, он извлек с полки над их головами пушистый, но какой-то невесомый плед и уложил его на сиденье рядом с Пандорой, по-прежнему не сводя глаз с гарпии. Та зарделась, когда благодарила в ответ. Правда, вспыхнула она не под взглядом тритона (до него ей не было никакого дела, кроме, разве что интереса, но также интересен был ей весь подводный мир), а под хмурым взглядом инкуба, который буравил её вспыхнувшими, как лампочки, фиолетовыми глазами.

— К вашим услугам, мисс, — проговорил тритон, чуть не расшаркиваясь. — Сочетание слюны гаупасских пауков и лебяжьего пуха. Поверьте, ничто не согреет вас лучше.

— Благодарю, вы очень любезны, — по-прежнему улыбаясь, ответила Пандора.

— А чего желаете выпить?

— А что вы порекомендуете?

Да она же флиртует с ним, черти драные, флиртует с хвостатым! Чего она добивается? Чтобы он выкинул зеленоволосого хлыща нахрен из вагона? Вместе со своими склянками? Так это Харлей запросто!

— Рекомендую: «Секс в Лагуне», — улыбаясь во весь рот, ответил наглец.

Гарпия рассмеялась. Тихо. Словно хрустальные колокольчики зазвенели в воздухе.

— Это какой-то коктейль категории восемнадцать плюс? — спросила она, не отводя взгляда от наглого хвостатого.

— Что вы, мисс, уверяю вас: это безобидный и здорово освежающий напиток. Немного вермута, немного полынного ликёра, сок, лёд — и вы почти на небесах! Ну, к этому-то вам не привыкать.

Пандора снова рассмеялась, явно польщённая таким целенаправленным вниманием, только вот знал бы демон, что вообще-то она наслаждалась сейчас именно его вниманием... а потом приняла напиток, не забыв поблагодарить красавчика. Демон хмуро затребовал двойной виски и содовую отдельно, и, стоило тритону двинуться дальше, опрокинул в горло обжигающий напиток, глотая залпом.

Он собирался высказать вредной гарпии, что такое поведение, как у неё, просто недопустимо, а вообще ей следовало бы собрать волосы и снова спрятать глаза за очками! Но тут увидел в расширившихся глазах гарпии два ярких пятна. Вытянутые, гибкие и грациозные, они приближались к ним из-за его спины, призывно покачивая бёдрами.

Спустя секунду охотницы предстали перед ними обоими. Обе с распущенными, чуть влажными волосами, сменившие камуфляжные комбинезоны на короткие облегающие платья. Проворковали что-то о том, что, пользуясь случаем (присутствие высшего демона сулит небывалый улов!), тоже решили наведаться в Око Бури и заняли места рядом.

Рыжая плюхнулась роскошной задницей рядом с Пандорой, прямо на плед, который минутой ранее предложил гарпии тритон, брюнетка же опустилась в кресло рядом с Харлеем, не забыв потереться о его бедро и качнуть перед носом упругой грудью.

Прощебетав что-то о том, что проклятые кондиционеры никак не заработают, рыжая подцепила из футляра на откидном столе салфетку и промокнула капельки влаги на груди, а затем мило поинтересовалась у Пандоры, не поделится ли она... напитком.

Гарпия еле сдержалась, чтобы не вылить «Секс в Лагуне» ей на голову, но всё же взяла себя в руки и, пожав плечами, пожелала рыжей приятного аппетита.

Пока та пила, довольно небрежно, из-за чего несколько капель пролилось с подбородка на грудь, брюнетка склонилась к уху Харлея и что-то жарко шептала.

Пандоре не было слышно, что именно говорила охотница, но судя по тому, как заиграли желваки на щеках демона, как он вцепился в подлокотники, не хотела даже знать.

А потом обе, как по команде, поднялись, и, пожелав хорошего путешествия и подмигнув напоследок Пандоре, скрылись в том же направлении, откуда пришли.

Но несмотря на то, что нахалок и след простыл, Пандора чувствовала себя уязвлённой и отчего-то обворованной.

Этому грызущему изнутри чувству способствовало ещё и хмурое, задумчивое лицо Харлея. Демон хмурил брови и поджимал губы, словно решал в уме сложную математическую задачу. А потом чуть тряхнул головой, словно решил на что-то.

Не говоря ни слова, он встал, и, прежде, чем успела сообразить, зачем она это делает, вскочила и Пандора.

Инкуб посмотрел на неё как-то странно, словно избегая смотреть в глаза и, подняв одну бровь, протянул:

— Вот как, сладенькая, ты и в сортир за мной потащишься? Может, тогда ещё и поддержишь...

Хлёсткая пощёчина обожгла его щёку, а в следующую секунду он силой усадил гарпию обратно.

Не оглядываясь, он удалился в том же направлении, что ушли охотницы.

Словно оглушённая, Пандора смотрела ему в след. В глазах предательски щипало, горло распирало ком, а сердце в груди строчило, как бешенное.

Ей нет никакого дела до проклятого демона! Нет! Нет!! Нет!!!

Но почему же тогда так больно?..

Глава 22

Харлей приступил ещё до того, как за ними захлопнулась дверь. Пока рыжая дрожащими от возбуждения пальцами поворачивала пуговку замка на двери в туалет, он, легонько хлопнув брюнетку по щеке, развернул ту от себя, и, нагибая, рванул вверх платье.

Тонкая ткань жалобно треснула, но до того, что брюнетке предстоит потом прохаживаться у всех на виду в обрывках, Харлею не было никакого дела.

Рывок — и девка жалобно пискнула, когда он сорвал с неё трусики. Основательно намокший комок шмякнулся на пол.

— Вы — шлюхи. И я буду вас трахать.

Шлепнув по призывно оттопыренной заднице, Харлей вошёл внутрь одним рывком, без какого-то намёка на прелюдию.

Брюнетка охнула от неожиданности. Ох перерос в глубокий, протяжный, стон. Похожий стон вырвался у рыжей, только она, в отличие от подруги, не смогла сдержать досаду и зависть.

Пока Харлей с силой бил бёдрами, а брюнетка держалась за выпирающую возле окна скобу, потому что экспресс заносило на поворотах, рыжая торопливо избавилась от белья (надо думать, не хотела повторять ошибок подруги), задрала платье до пупа, расстегнула несколько верхних пуговиц, вываливая сиськи.

Не сводя жадного взгляда с распутного, бесстыжого, и такого желанного действия, взобралась задницей на плоский и широкий край мраморной раковины и развела ноги в стороны. Палец её коснулся набухшего бугорка между складочек, и охотница закусила губу от токов наслаждения, тут же прокатившихся по телу.

Харлей ухмыльнулся шальной ухмылкой, и, отбросив её руку в сторону, принялся теревить скользкое местечко сам. Девка задрожала всем телом, выгнулась, как кошка и чуть не свалилась на очередном повороте, вцепилась пальцами в раковину так, что костяшки побелели.

Внутренний демон торопливо заглатывал витающую в воздухе похоть, с терпкими нотками стыда и унижения, — охотницы никогда не отличались стойкой моралью, но отдаваться вот так, вдвоём, первому встречному в сортире поезда... это было слишком даже для них. И вместе с этим каждая знала: упустят этот шанс — будут жалеть потом всю жизнь.

Холёный красавчик с безупречной внешностью и большим крепким членом попал в передрагу. Не случись этого — их дороги никогда бы не пересеклись. Такие, как он, трахаются с самыми роскошными путанами: компаньонками высшего разряда и вышколенными на островах конкубинами. Не столкни их провидение у Разлома, о трахе с инкубом, пусть и таким, наспех, в совершенно не предназначенном для секса месте они

не смели бы и мечтать.

Шумно выдохнув, Харлей ударил бёдрами последний раз и замер. Брюнетка жалобно вскрикнула, и он, потянув её голову на себя за волосы, закрыл ей рот ладонью. Она сдавленно стонала, содрогаясь от острого, продолжительного оргазма, а потом осела прямо на пол. Тут же забыв о ней, Харлей повернулся к рыжей, сидящей на раковине с призывно разведёнными ногами и ущипнул ту за сосок. Девка тут же подалась вперёд, томно облизывая губы и тяжело дыша. Пальцами обеих рук распахнула бесстыже намокшие складочки, чтобы инкубу было сподручней войти.

Харлей хмыкнул и потрепал её по щеке, не спеша, впрочем, дать ей то, о чём так просила вся её суть. Она с жаром перехватила его кисть, принялась целовать, посасывая пальцы. Высвободив руку, демон сжал волосы у неё на затылке, а потом, с тянув с раковины, опустил на колени у своих ног.

— Соси, сучка, — сказал он, хлопнув пару раз по щекам. — Соси старательнее.

Рыжая не посмела послушаться, тут же втянула в рот головку уже полностью восстановленного члена и принялась сосать с упоением, смежив веки и постанывая.

На какое-то время Харлей полностью отдался ощущениям, слушая, как внутренне чудовище с жадностью поглощает дармовое угощение, а затем, хлопнув рыжую по щеке, отстранил от своего паха, держа за волосы.

— Я сказал, старательнее, — процедил он и взялся за дело сам.

Зажав её лицо между своими ладонями, принялся вторгаться сам, проникая глубоко в глотку, отчего из глаз охотницы брызнули слёзы, а эмоции тут же усилились в разы.

Сладкие, терпкие, с лёгкой кислинкой, пряные и острые, словом, именно такие, какие были нужны ему здесь и сейчас, чтобы накормить внутреннего монстра, и всё же... Всё же чего-то им не хватало. Какой-то лёгкости, что ли... свежести... Аромата цветущего горного луга и воздуха. Да, именно воздуха, такого разреженного, как бывает только на большой высоте. От него кружится голова, а мысли становятся шальными, как ветер. Без этой свежести эмоции обеих охотниц были какими-то... верней всего сказать, с душком.

А ещё неглубокими, не насыщающими до конца. Это как набивать живот травой, надеясь взять количеством, но это невозможно, когда тебе для восстановления сил требуется что-то поплотнее овощей.

Инкуб рывком поднял рыжую с колен и почему-то скривился, глядя в её глаза. Развернул от себя и скомандовал.

— Подставляй задницу.

— Но я... никогда...

— Заткнись.

Девка неловко расставила ноги, держась за раковину перед собой.

— Ну-ка, разведи свои булки.

Рискуя упасть, рыжая послушалась, и демон удовлетворённо кивнул открывшемуся сзади развратному виду.

Торопливо поелозив пальцами у неё между ног, он наспех смазал смуглый кружок между разведённых ягодиц её же влагой и, наконец, ворвался в тугое пространство.

— А-ах! — взвизгнула та.

Не останавливаясь, Харлей хрипло приказал брюнетке, что по-прежнему сидела у его ног с отъехавшим выражением на смазливом личике.

— Заткни ей рот.

Охотница не сразу поняла, что от неё хотят. Даже такой, унижительный и торопливый

секс с высшим демоном превзошёл все её ожидания. Такой силы оргазма она не испытывала за всю свою жизнь, принимая во внимание даже период подростковой гиперсексуальности, когда просиживала в душе часами, силясь избавиться от воздействия бушующих гормонов.

Посмотрев на инкуба мутными, ошалевшими глазами, она потрясла головой, начиная постепенно соображать, чего от неё хотят. Затем послушно поднялась и зажала подруге рот ладонью. Стоны рыжей и хриплое дыхание инкуба, вид подпрыгивающей попки и вколачивающегося в неё члена, — картина, представшая прямо перед её лицом была настолько бесстыжей и развратной, что охотница завелась снова, так сказать, с пол оборота.

Демон хмыкнул, ощутив новый приток эмоций. По-прежнему приторных и липких, но что поделать. Тех, что так необходимы, ему всё равно не получить.

Осознание, что даже сейчас, в такой, казалось бы, удачный и вообще охрененный момент он продолжает думать о проклятой маленькой лгунье, заставила осатанеть.

Приказав на этот раз брюнетке забраться на мраморную раковину, нагретую попкой подруги, он парой касаний помог той кончить снова. К своему удивлению, кончила и рыжая охотница, причём так бурно, что приложилась головой о стену и осела на внезапно отказавших ногах.

Он взял их ещё по пару раз каждую, соперемежая трах с минетом и приказами сучкам поласкать друг друга, в то время, как поочерёдно вдавливался в их податливые тела.

Они послушно отсасывали по очереди и одновременно, поворачивались, прогибались в пояснице, тёрлись сиськами друг о друга и о его член, совершенно ошалевшие, затраханые, просили ещё и ещё.

Наравне с тяжестью во всём теле и кратковременным облегчением, Харлей чувствовал злость. Внутренний демон был по-прежнему голоден и инкуб понимал, что этот голод не помогла бы одолеть сейчас ни игровая комната с десятком профессионалок, обряженных в кожаную сбрую, ни даже Сады Наслаждений. Те самые, что в Обители Огненных Земель, священное место демонов, где живут суккубы: защищённые от всего мира демоны обольщения. Сады Наслаждений — место, где воздух, напоённый чувственными радостями плоти, взрывается и звенит от наслаждения каждую секунду. Куда допускаются только самые сильные, самые достойные демоны для того, чтобы получить инициацию от жриц любви...

Харлей чувствовал себя обманутым.

И полным подонком.

А ещё, пожалуй, круглым дураком, потому что никого другого, кроме себя, винить в этом паскудном состоянии не было. Он хотел бы винить гарпию, но сейчас отчего-то чувствовал себя не вправе даже думать о ней.

Правда, она была с этим не согласна и не покидала его мыслей с мстительным удовольствием садистки.

— Свинья, — звучал в голове её звонкий презрительный голос. — Свинья ты противная...

Опустошённый, но не насытившийся (мерзостное сочетание), демон кое-как привёл себя в порядок и покинул уборную.

Возвращаться к гарпии он не мог. Просто не мог.

Он вышел в тамбур и замер, припав лбом к стеклу.

Мимо проносился прекрасный подводный мир, мелькали разноцветные рыбы самых разных размеров, с плавниками и хвостами всех возможных форм, тянулись колышущиеся леса водорослей. Встречались и ундины с тритонами. Упираясь ладонями в прозрачные стенки тоннеля, они балансировали на хвостах, и, в свою очередь, вглядывались в окна летящего мимо экспресса.

Одна из них встретила взглядом с демоном и успела даже помахать ему рукой, белозубо скалясь.

Демон отвернулся и, прижимаясь к окну спиной, сполз на пол.

Проклятье инкубов! Он поступил правильно! Его внутреннему демону нужна пища! Низшие — и есть пища для таких, как он. И эта белокурая крылатая ничем не лучше!

Черти драные! Да ведь он ничего ей не обещал! Да и она... не сказать, чтобы рада была их вынужденному партнёрству... Она не скрывала, что ненавидит демонов, презирает их, особенно инкубов...

Почему же тогда на душе мерзко, а мир поблек, словно кто-то высосал из него краски?

Глава 23

— Дерьмовый день?

Не дожидаясь приглашения рядом опустилась девочка-подросток. Волчица, понял инкуб по ауре и резковатым чертам, впрочем, довольно-таки миловидного лица. Лоб пересекает плетенка с этническими узорами, на обеих руках разноцветные фенечки. Худенькая, мосластая, смешно лопухая и по-подростковому несграбная.

Инкуб нахмурился.

— Дерьмовей некуда.

Девчущка хмыкнула и пожала острыми плечами, словно поняла.

— Думаю, у меня есть кое-что, что тебя порадует, демон.

Харлей даже поперхнулся. Чего-чего, а склонности к педофилии инкуб за собой не замечал. И презирал оную в других. Может, виной всему была Мэд, племянница матери? Девчонке не так давно стукнуло тринадцать, она как раз вступила в пору превращения из гусеницы в мотылька и демон готов был крушить челюсти всех, кто капает слюнями вслед юной пантере.

Да что ж за день сегодня такой?! — взвыл про себя демон, вслух же сказал:

— Да пошла ты.

Волчица не обиделась, только плечами пожала и посмотрела на него так, словно он с луны упал.

— Пиндец вы, инкубы, чокнутые. Думаешь, все вот так за здрасти прям из штанов выпрыгнуть готовы при виде вас, таких непальцем деланных? — и презрительно сплюнула прямо на пол, нахалка.

Инкуб вспомнил, что буквально несколько минут назад происходило в туалете и уязвлённо пробубнил:

— Как-то знаешь, смел надеяться.

И тут же прикусил язык, чувствуя себя полным болваном.

Потому что прозвучало двояко. И вообще, одно дело — чуть возгордится от того, что к тебе льнёт малолетка, но совсем другое — когда сам сбуровишь что-то эдакое, что можно понять совершенно превратно. Сам бы за такое по отношению к той же Мэдлин прибил бы.

Девчонка шмыгнула носом.

— У меня, знаешь ли, парень есть.

Харлей не знал, куда его несёт, но остановить вселившегося в него идиота не мог.

— Тебе бы не о парнях думать, а об учёбе.

— Учёбе, — задумчиво повторила девчонка и прыснула. — Ну ты прям как моя мама.

Харлей тоже не выдержал, усмехнулся. Да, походу он и вправду двинулся мозгами. Может ещё тогда, у Разлома? Сильно же его контузило...

Когда юное дарование достало из внутреннего кармана курточки с бахромой что-то продолговатое, замотанное в пищевую плёнку, демон иронично приподнял бровь. А когда принялась это что-то разматывать и тонкое обоняние демона отличило сладко-душистые нотки, уставился на ребёнка во все глаза.

Ребёнок же извлёк самокрутку размером с сигару, и, с жадностью обнюхав её, медленно прошёлся языком по тонкой папиросной бумаге.

— Эй, — только и выдавил из себя демон, когда волчонок чиркнул зажигалкой и глубоко, с удовольствием, затянулся.

Через несколько секунд клубы ароматного дыма наводнили тамбур, а демон прошипел сквозь зубы:

— Сдурела?! Если сюда проводник выйдет, тебя ж, дуру, закроют нахрен из-за этого дерьма?

Девчонка с блаженным видом затянулась снова и, выдохнув, пробормотала:

— Класть я хотела на твои советы, дядя.

Харлей часто заморгал. По большей мере от «дяди», но ещё и от того, что девчонка протянула самокрутку ему. А уж то, что рука-предательница рука цапнула, не задумываясь, и вовсе шокировало.

Что ж. Секс с двумя охотницами прямо под носом у Пандоры, раскуривание (судя по запаху, чистая «колыбель феи») с ребёнком... ниже, казалось бы, падать некуда, но кто-то наверху, кто, похоже над ним довольно-таки жестоко шутит, может решить завтра, что очень даже есть куда...

А раз так, есть ли смысл в сопротивлении?

Когда можно просто вот так расслабиться и плыть по течению...

Через пару минут мир вокруг демона замедлился, так, что он мог теперь сосредоточиться буквально на каждой его детали. Мысли при этом обрели приятную глубину, а в центре мозга кто-то словно включил прожектор.

И юное лицо девчушки в фенечках рядом с ним не казалось больше таким уж юным, появилась в её взгляде какая-то вековая мудрость и рассудительность, что ли.

— Я такой козёл, — выпалил ни к селу, ни к городу демон и зашёлся смехом.

Подхватила смех и девчушка, а отсмеявшись, добавила:

— Пиндец ты салага.

Это её хамство вызвало почему-то новый приступ смеха, а потом мозг демона как молнией прошибло: ему срочно нужно обратно, к Пандоре. Им пора объясниться!

Но сидеть вот так, на полу в компании малолетки, втягивать полные лёгкие сладкого, ароматного дыма, было в этом что-то умиротворяющее, что-то в крайней степени необходимое. И демон решил подождать ещё пару минут. Пока, по крайней мере, тлеет уголёк на самокрутке.

В голове роился калейдоскоп картинок, которые сами собой складывались в восхитительные, немыслимые узоры: то в распахнутые, словно паруса, серые крылья, то в кое-чей гордый, непримиримый профиль... Нежные губы, огромные, изумлённо распахнутые глаза, которые, как два зеркала, отражали его, Харлея лицо... и всё это было так просто и так мудро, глубоко, что у демона вырвался какой-то восторженный полувздых-полустон.

Пигалица смерила его понимающим взглядом.

— А ты не хотел, демон.

Харлей отмахнулся от неё с таким видом, мол, не напоминай, самому стыдно. И затянулся снова.

Проснувшись в нём ясность наполовину с мудростью помогла осознать, что весь этот мир со всеми его Разломами, карающими призраками, многомиллионными империями, да даже с этими вот двумя... как их... ну, шлюхами — полная и безоговорочная чушь. Хрень собачья.

Настоящее в нём лишь эта морозная свежесть... Чувство полёта и хлопанье пары крыльев рядом. И упоительный восторг от разящих, как стальные перья, эмоций.

Нет, ему срочно нужно обратно, к Пандоре. Она, наверное, волнуется...

Мысль о том, что эта стальная крылатая леди, эта маленькая Ледяная Королева волнуется о нём, ненавистном ей демоне, вызвала нервный смех, но, впрочем, не была лишена очарования. Думать её было приятно.

Забыв поблагодарить девчущку, демон поднялся на ноги и взялся за ручку двери.

— Ты куда, дура? — беззлобно позвала пигалица и, рывком оказавшись на ногах, накрыла его кисть своей ладонью.

Инкуб оглянулся, нахмурившись.

— Так обратно, — брякнул он.

— Так тебе не туда, — передразнивая демона, вздохнул подросток и развернул его в обратном направлении.

Открыв перед ним дверь, легонько подтолкнула в спину.

Харлей шёл между рядов с довольно глупой улыбкой, которая, впрочем, сходила на нет по мере приближения к своему месту.

Пандора была там же, где он её оставил.

Правда, не одна. На соседнем сиденье расселся светловолосый парень с острыми чертами лица и чуть оттопыренными ушами, что делало его здорово похожим на новую знакомую демона. Это и уйма фенечек на обеих запястьях и амулетов на груди.

Нахмурившись, инкуб занял своё место напротив гарпии. Не спрашивая приглашения, девчонка опустилась рядом с ним, отчего инкуб испытал стыд и облегчение одновременно и вытянула ноги, забросив их на колени к соседу гарпии.

Никто из троих не проронил ни слова и Харлей прямо кожей ощутил повисшую в воздухе неловкость. Это была неловкость того вида, что давила и потрескивала от напряжения.

Весь его храбрый настрой и несгибаемое намерение объясниться, наконец, с Пандорой, сошли на нет, стоило ему взглянуть на её точёный, бесстрастный профиль. И ощутить волну ненависти, которая накрыла его с головой, стоило ему приблизиться. А ведь она даже не посмотрела на него, даже головы не повернула. Глаза её были красными, а веки припухшими, надо думать, от продолжительного отсутствия сна и усталости.

В остальном она была всё такая же: гордая, отстранённая, не скрывающая своего презрения к нему. До безумия, до умопомрачения желанная!

— Зря отказалась, — вдруг нарушил тишину паренёк и Харлей грозно воззрился на него: что это он ещё предлагал гарпии?!

Та, не отрывая взгляда от окна, ответила:

— Один из нас должен сохранять ясную голову. И поскольку я при исполнении, обсуждать тут нечего.

Голос её был глухим, а ещё создавалось ощущение, что она тщательно подбирает каждое слово.

— Уважаю, — хмыкнул подросток, но прозвучало это как-то очень целенаправленно, словно этим словом он хотел не только выказать уважение гарпии, но и презрение к её спутнику.

До конца поездки Пандора не произнесла ни слова.

Харлей позволил увлечь себя беседой о какой-то ерунде, как то элементаристика, боевая магия, как её преподают в Галдур Магинен и даже об Огненных Землях — правда ли, «что там любому, кроме огненного демона, кранты» и насколько эффективны костюмы марки «Огненная пыль».

Он старался отвечать на вопросы как можно детальнее и красочнее, хотел увлечь Пандору, завладеть её вниманием, увидеть в её зеркальных глазах хоть кратковременный и фальшивый, но всё же интерес, а не вот эту маску ледяной отстранённости.

Но тщетно. Гарпия так и не повернула головы, и, даже, казалось, не пошевелилась.

Вздрогнула только, когда приятный голос русалки сообщил из динамика, что поездка подходит к концу и поблагодарил, что они выбрали компанию «Водный путь».

На прощание лопухая девчонка-хиппи похлопала демона по плечу и пожелала «выздоровливать во благо всех существ во всех мирах».

Харлей, который с сожалением миновал стадию «идеальных мыслей» и чувствовал себя подлецом и болваном, но никак не больным, пожелал той в ответ не быть такой странной.

— Фенеков многие считают странными, — сказала девчонка, пожав плечами, а затем, вложив пальцы в ладонь своего спутника, направилась к подъёмнику.

— Так это фенеки?! — воскликнул Харлей так, что остальные пассажиры на подводной платформе заборачивались на них.

Обернулась (наконец-то!) и гарпия, смерив его таким презрительным взглядом, что демон осёкся на полуслове.

Сжав губы в одну линию, она направилась вперёд, уверенно лавируя в разномастной толпе.

Харлей, который последовал за ней с несчастным видом, был, впрочем, рад, что хоть в чём-то ему вышла амнистия. Ребёнок, с которым он курил в тамбуре, оказался, к его облегчению, вовсе не ребёнком. Чёрт! Да не разбирается он в этих псовых, сколько раз повторять!

Внутренний демон недовольно зарычал: тонкий и свежий аромат гарпии успел отдалиться на непозволительное расстояние. Всё ещё не пришедшему в себя Харлею и в рычании внутреннего чудовища слышались осуждающие нотки.

— И ты, брат, — пробормотал он под нос, и пожилая человечка рядом шарахнулась от высшего демона, разговаривающего с самим собой. И посмотрела, конечно, с осуждением.

— Ой, да пошли вы, — махнул рукой наследник многомиллионного состояния и поспешил вслед за крылатой фигуркой.

Глава 24

Они поднялись на поверхность и какое-то время не могли оторвать глаз от гигантского чёрного столпа на горизонте.

Время от времени чёрные клубы тумана прошивали золотые нити молний, а спустя какое-то время до небольшого пересадочного острова доносились такие раскаты грома,

что почва под ногами содрогалась.

Грозовой Перевал — именно так именовался остров, на котором они высадились — получил такое название исключительно ради туристской романтики. Многие из тех, кто желал пощекотать себе нервы близостью Разлома, вокруг которого никогда не утихает буря, а также насладиться видом этой самой бури на горизонте, съезжались сюда со всей Апостериории.

Помимо главной достопримечательности, на горизонте, Грозовой Перевал имел предложить своим гостям такие удивительные и разномастные развлечения, как Живые Рифы, полёты на низко-масштабных глайдерах прямо над волнами, погружения в батискафах на самое дно и посещение настоящих подводных ферм, где выращивают драгоценный коралловый жемчуг и двормов, морских змеев. Собственно, смельчакам предлагалось покататься на этих самых змеях. Смельчакам, способным платить, разумеется.

Всё это и многое другое Пандора с Харлеем узнали от тритона-экскурсовода с низким красивым голосом. Он вещал о достопримечательностях Грозового Перевала группе туристов, беспрестанно щёлкающих зумами и жующих бургеры с дарами моря. Отдельным образом и несколько раз тритон подчёркивал, что Око Бури — лучший из двенадцати Разломов, объясняя это тем, что остаточная магия Разлома формирует непосредственно, бурю вокруг него, а что до разных тварей и восставших утопленников, то здесь их не больше, чем, скажем на тех же Чёрных Скалах, но Чёрные Скалы не могут похвастаться такой близостью Разлома, как Грозовой Перевал.

На едкое замечание одного из туристов, что мол, знал бы, что эта поездка безопаснее, чем выходная прогулка в аквапарк, гид с достоинством заметил, что если мистер прибыл сюда пощекотать нервы, то он вполне может присоединиться к подводной охоте.

— Это правда, что потусторонних тварей здесь не так много, но они всё же есть. И, знаете, многих из них ловят на живца, так что если мистер желает...

Мистер хмыкнул в густую бороду, но ничего не ответил и приободрённый гид затрещал что-то о том, что не далее, как на прошлой неделе неподалёку видели кракена, а один из туристов рассказывал о встрече с кораблём-призраком и даже гигантскими плавунцами. А ещё, ежели угодно, здесь водятся ядовитые медузы...

Послушав ещё пару минут, Пандора направилась вдоль по берегу, а на вопрос Харлея, куда она, с достоинством королевы сообщила, что не держит его задницу рядом.

На шутку о заднице (довольно глупую, но это был максимум, на что был способен сейчас демон) и вовсе не отреагировала. Была, по своему обыкновению, вся такая собранная и бесстрастная, что инкубу подумалось, что её улыбка и смех вначале их водной эскапады ему привиделись.

Грозовой Перевал, несмотря на свою обособленность и небольшую площадь оказался куда приветливее, чем Ламия. Должно быть из-за того, что здесь никто не считал присутствие демона таким уж опасным.

Весь островок дышал яркой и солёной курортной романтикой: гигантские водные горки, причудливые формы домов в виде раковин, загорелые, иссушенные солнцем, насквозь просоленные лица местных.

Со стороны могло показаться, что Пандора здесь завсегдатай, так уверенно она шагала по узким улочкам, выложенным ракушками, сворачивала на перекрёстках и, потянув носом солёный морской воздух, ненадолго замирала, словно возвращаясь в памяти к каким-то воспоминаниям.

Она же выросла на Тхон-Тао, — осенило демона. — На островах. Должно быть, море напоминает ей о детстве. Но спросить, так это или нет, не решился.

Наконец, гарпия замерла возле невысокого невзрачного здания. Вздохнув, словно решалась на что-то важное, нажала на пуговку звонка.

Мелодично тренькнуло и дверь тут же распахнулась наружу, словно их тут ждали.

Следом на крыльцо выкатился пузатый здоровяк, в плечах, пожалуй, пошире Харлея (на этот раз демон безошибочно распознал оборотня-гризли) и пробасил на всю улицу:

— Лопни моя печень, если это не Непрístupная Пандора!

Гарпия поморщилась отчего-то не «непрístupную» и устало ответила:

— Да пошёл ты, Берг.

— Ладно, крошка, не злись, каюсь, глупость сморозил, просто очень, до чертей морских, рад тебя видеть.

С этими словами к вящему изумлению Харлея оборотень-гигант сгрёб хрупкую фигурку в объятиях так, что демону показалось, что рёбра гарпии хрустнули, а потом, отстранив от себя, смачно расцеловал в обе щёки.

— Взаимно, толстяк, — беззлобно пробормотала Пандора, снова принякая к медведю и прижимаясь щекой к могучей груди.

На пару секунд она смежила веки и лицо у неё при этом было такое растерянное и несчастное, что червь совести, грызущий Харлея изнутри превратился в самого настоящего дракона.

Не в силах смотреть на встречу старых товарищей, демон отвернулся.

— Пошли внутрь, птичка, давно тебя ждём, — с этими словами медведь увлёк гарпию в дом.

Харлей, которого не то что не пригласили, но не удосужились даже поздороваться, потоптавшись на месте, пошёл следом.

Внутри, несмотря на обилие мебели с обтекаемыми краями и самых разнообразных приспособлений для серфинга и подводной охоты, было как-то пусто. Такое ощущение всегда оставляют холостяцкие берлоги. Вот вроде все эргономично и функционально, а какой-то неуловимой гармонии, именуемой уютом, нет. Именно таким же образом демон ощущал себя и дома, там, конечно, всё было куда более стильно и пафосно, но увы, ощущение пустоты так же витало в воздухе. Неожиданно он понял, что несмотря на весь этот театр абсурда, свалившийся на него, как снег на голову, он просто не хочет возвращаться домой, в пустую холодную квартиру в центре Вилскувера, в элитные клубы и на бесконечные вечеринки красных кварталов, в профессиональные объятия элитных шлюх. Всё это он не задумываясь отдал бы за такую вот лачугу, как у этого Берга, только чтобы она дышала её присутствием. Той, которая своим сиянием наполняет любое место, где появляется.

Громовой голос Берга раздавался уже в конце коридора и демон свернул на звуки голоса.

Там оказалась кухня. Пандора уже сидела за столом и с жадностью поглощала что-то румяное и безумно аппетитное на вид, с умопомрачительным ароматом свежей выпечки.

Харлей замер в проходе, поскольку на него по-прежнему никто не обращал внимания.

Прожевав, Пандора отпила из высокого бокала и спросила медведя:

— А где Никата?

Берг нахмурился.

— Да как-то сложно ей оказалось здесь. Ни тебе шопингов, ни тебе летающих мобилей. Сдриснула с заезжим инкубом.

Харлею не было видно лица Пандоры, но, когда она накрыла изящными пальчиками кувалдообразный кулак гризли, внутренний демон взревел от ярости и ринулся на ментальные оковы, лишь чудом не прошибив их.

— Правда, говорят, недолго у них всё искрило, — продолжал медведь. — Демоняка вернулся в свой поганый Вилскувер, будь он проклят, а Ника... Ника где-то на юге. То ли

на полуострове Рассвета, то ли в Зволриде.

— Она всегда говорила, что будет жить в двухэтажном бунгало, — кивнула гарпия.

— Да и пёс с ней, — покачал головой Берг, а потом поднял грозный взгляд на демона, словно только его заметив.

— Так, значит, из-за этого хлыща ты решилась заглянуть в Око Бури, птичка? — спросил он, прохаживаясь по инкубу тяжёлым, как молот, взглядом. Не нужно было быть высшим демоном, чтобы понять, что этот мохнатый не одобряет такого решения гарпии.

Пандора пожала плечами, и, не оборачиваясь, ответила сухо:

— Это моя работа.

— Ага, — ехидно протянул Берг, — работа. Поэтому, должно быть, сначала в Ламию рванула, а потом только сюда, к нам. Когда тебе деваться уж стало не...

Гризли осёкся на полуслове, словно глаза гарпии метнули в него пару крохотных молний.

— Прости, птичка, сгоряча ляпнул, — буркнул тот и неприязненно бросил Харлею: — Садись уже, раз припёрся.

Демон собирался заметить, что, если он не ко двору, прекрасно подождёт снаружи, но в этот момент гарпия обернулась, метнув на него быстрый взгляд и Харлей тут же уселся рядом с видом проштрафившегося школьника.

Пандора локтем подвинула к нему блюдо с едой.

— Ешь, — бесстрастно сказала она. — Нам некогда здесь рассиживаться.

— Хочешь, пойду с тобой? — спросил медведь и Харлея болезненно царапнуло это «с тобой». С ней, значит. Не с ними. Впрочем, как выяснилось, у этого Берга есть серьёзная причина ненавидеть демонов. Как и у самой Пандоры.

Гарпия покачала головой.

— Спасибо, Берг, — сказала она. — Но это будет лишним. Ты знаешь, я не люблю перекладывать свою работу на других.

— Я бы сам забрал... — проворчал медведь.

— Но принимать ловушку должен Ловец, — закончила за него гарпия и гризли закивал.

— Ты высоко взлетела, птичка, — пробасил он после паузы. — Как же, слышал. Агент X-класса, Департамент, все дела. Почёт там, уважение.

Пандора хмыкнула, скривив губы.

— Да уж. Доуважались до заблокированных счетов и полного обрыва связи.

Гризли нахмурил густые кустистые брови.

— Ну так то Департамент, птичка, сама знала, куда так стремилась...

Пандора вздохнула. Медведь прав. С ней не обязаны нянчиться, как с птенцом.

Она не озвучивала этого вслух ни Харлею, ни даже Бергу. Но себе-то не прикажешь раздумать? Будь у неё деньги, она, не задумываясь, усвистела бы к северному Разлому, а понадобилось бы — облетела бы всю планету и вернулась с обратной стороны...

Шеф — мужик умный, даже можно сказать, хитропродуманный. Знать личное дело каждого агента, как свои пять пальцев — его работа...

— Где у тебя можно освежиться?

— Направо третья дверь, птичка, — ответил гризли. — Я там пару тряпок закинул,

посмотри, может, пригодится что. От Ники остались, не побрезгуй, всё с ярлыками, новое.

Пандора, краснея, кивнула.

Невозможность элементарно сменить бельё надоела ей хуже смерти. И хорошо, когда едешь по центральной части Апостериории и ночуешь в гостиницах, где прямо в омывальной стоят машины для стирки-чистки-сушки и прочего? На периферии, как правило, такими изысками не балуются. А натягивать каждый раз мокрое бельишко и смиренно ждать, пока оно высохнет прямо на тебе — то ещё счастье.

Стоило гарпии скрыться в коридоре, откуда тут же лязгнула дверь, гризли перевёл тяжёлый взгляд на Харлея.

Демон ответил таким же, торопливо дожёвывая мясной рулет.

— А теперь слушай сюда, рогатый, — обнажив заострившиеся клыки, прорычал оборотень. — Не знаю, что там у вас да как, но имей ввиду: обидишь её — я найду тебя, где бы ты ни был и лично вырву с корнем то, чем вы, инкубы, дорожите больше всего.

Слушать, как какой-то медведь угрожает высшему демону, было не столько даже унизительно, сколько просто смешно.

Черты Харлея заострились, кожа на скулах и подбородке натянулась и почернела: внутренний демон не спешил показываться во всей красе, но с достоинством демонстрировал своё присутствие.

— А ты попробуй, мохнатый, — глухо проговорил инкуб. — Прямо сейчас.

Оборотня это мало впечатлило.

— А ты не спеши, — рыкнул он. — Растяни удовольствие. Думаешь, я обломаю птичке карьеру, вот так, на раз-два отниму у неё то, к чему она стремилась? Нет, пусть сначала спасёт твою рогатую задницу, что у тебя вместо головы. Ты зря хмыришься. Мне достаточно одного слова, и здесь, на моём острове, быстро найдём управу и на высшего. Демоны, чтоб ты знал, лучшая наживка для кракена.

Харлей сжал зубы.

Если бы кто-то из низших позволил себе княвкнуть что-то такое в Вилскувере, уже подавился бы собственными словами наполоам с обломками челюсти. Но здесь... Нет, он не испугался угрозы медведя, несмотря даже на уверенный косолапый. Похоже, он здесь шишка, только кто именно — демон так и не понял. Но то, с каким уважением и нескрываемой нежностью медведь говорил о Пандоре, обескуражило демона.

В этом искреннем почтении не было и намёка на сексуальный подтекст (иначе хрен там удалось бы сдержатъ огненного монстра). Нет, гризли видел в Пандоре первоклассного бойца, воина, профессионала. Агента X-класса. А ещё сестрёнку. Похожие чувства вызывала у них с Эрамом резвушка Мэд.

Демон хотел спросить, чем так впечатлила медведя гарпия и как давно они знакомы, но гордость не позволила.

Вместо этого сказал:

— Ну так и ты растяни, что там у тебя есть, мохнатый. Вроде не пёс, брехать попусту.

Оборотень смерил его тяжёлым взглядом.

— Ты пера её не стоишь, демон, — рыкнул он. — Она достойна куда большего.

Наследник многомиллионного состояния почувствовал себя статистом пьесы абсурда. Прежде никому и в голову не приходило считать самого завидного жениха Слитсберга не подходящей партией. Проклятье инкубов! Да ведь он женился даже на дочери «короля» Сапфировых островов! Кстати, название своё эти самые острова получили неслучайно. И при этом семья де Вуд считала, что сделала джиннам охренеть, какое

одолжение! Понимали это и джинны, кстати...

Он собирался всё это высказать медведю, но вместо этого отчего-то вырвалось:

— Она классная. Она... очень классная.

— Крутая, — согласился гризли немного другим тоном. — Ты не представляешь даже, насколько...

За спиной Харлея раздалось недовольно-деликатное покашливание и гризли, ударив кулаком по столу, отчего опустевшие тарелки подпрыгнули, жалобно звякнув, рыкнул:

— Пора.

Он сам проводил их до пристани. Не той, которую они уже видели, куда меньше и скромнее.

По дороге объяснил видимо то, что Пандора, очевидно и так знала, из чего Харлей заключил, что объяснение адресовывалось именно ему, а потому слушал внимательно.

— По воде, да и по воздуху, сами видели, к Оку Бури не подобраться. Поэтому лучше батискафа не придумай. Оно, конечно, медленнее выйдет, зато надёжней. Подниметесь уже в самом Оке. Я вбил координаты и траекторию на карте набросал. Ловушки есть, спрашивал. Так что вам, всего делов, смотаться туда и забрать. Справитесь.

Приложив напоследок Харлея кувалдообразным взглядом и сжав Пандору снова в объятиях до хруста, гризли развернулся и принялся снова подниматься в гору по узкой дорожке, выложенной ракушками.

Они похрустывали под его ножищами, от одинокой фигуры громалы исходила отчего-то злость и досада.

— Он кто? — спросил Харлей, когда косая сажень в плечах скрылась из виду, свернув за постройку с серыми стенами. Он не ожидал, что гарпия ответит, но она ответила.

— Начальник службы безопасности. Мы вместе учились. В Академии.

Откинув нажатием руки люк, она раздражённо махнула рукой, мол, залезай давай, хватит балаболить.

Прежде, чем забраться в батискаф самой, Пандора посмотрела на чёрный столп поджидающего их Разлома с какой-то тоской.

Глава 25

Поездку на подводном экспрессе ни в коем разе нельзя сравнить с погружением в батискафе. Вскоре Харлей убедился в этом.

Решив, что они отплыли достаточно, Пандора с видимым сожалением, вдохнув напоследок полной грудью свежего, солёного воздуха, захлопнула прозрачный люк и набрала на панели команду «погружение».

Прозрачные волны сомкнулись над верхушкой купола, а солнечный свет рассеялся по поверхности воды над ними.

Подводный мир тут же ожил: вокруг батискафа кружили стайки разноцветных рыб с пышными разноцветными плавниками, что делало их похожими на бабочек или райских птиц, заколыхались от движения воды бирюзовые силуэты водорослей.

Совсем рядом величественно проплыла мурена и разноцветная мелочь так и прыснула в разные стороны. А когда Пандора инстинктивно дёрнулась от страшилища, прижавшись к плечу Харлея, сердце демона затопило шквалом шепчущей нежности. И, к его стыду, отозвалось пульсирующим распирающим в штанах.

Впрочем, его не стоило за это так уж винить.

Белокурая летунья висела рядом на ремнях, крест-накрест пересекающих её грудь. Ввинчиваясь в воду, батискаф накренился и волей-неволей гарпия с демоном то и дело соприкасались плечами и бёдрами.

Близость Пандоры оглушала, заставляла цепенеть, терять разум.

После приключения в экспрессе, коему ещё неделю назад демон не придал бы ровным счётом никакого значения, инкуб почти физическим зрением видел, что, касаясь чистой жительницы неба с белоснежными волосами, пачкает её.

Задумавшись, понял, что никогда не испытывал подобного сожаления по отношению к жене брата. В период, когда она, конечно, не была его женой. Секс для инкуба — не просто потребность, которую воспринимаешь как должное, нет. Это жизненная необходимость, пища для внутренней демонической сущности. Дань собственной природе. Невозможно родиться демоном вождения и вести жизнь праведника, это противоречит мировым устоям.

И вместе с тем, бок о бок с самой светлой и чистой женщиной, которую встречал за всю свою жизнь, инкуб терзался чувством вины. Черти драные! Как будто он мог поступить иначе!..

Пандора, казалось, не замечала виноватого взгляда демона, его плотно сжатых губ и нахмуренных бровей.

Лавируя в потоках подводных течений, она уверенно вела батискаф вниз.

Бесстрастная, отстранённая, словно полностью, до взмахов ресниц погружённая в себя, сосредоточенная на управлении.

И только от демонической природы Харлея не могло укрыться бьющееся в рваном ритме волнение, гудящий клубок сомнений и даже страх. Отчаянный, безнадежный, какой-то детский.

Что происходит с бесстрашным крылатым воином, который режет врагов сталью своих перьев? С первоклассным агентом самого загадочного и могущественного Департамента Апостериории?

Почему она не боялась там, в Ламии, где на каждом шагу подстерегали опасности, не боялась даже, когда дралась с карающим призраком, когда помогала держать оборону против стаи взбесившихся псов?

Было в этом её мятущемся состоянии и странное отдохновение для Харлея.

В ней больше не было ни капли ненависти и презрения к нему. Сейчас вся суть Пандоры сосредоточилась на каких-то своих тайнах, в которые, конечно, гарпия и не думала посвящать инкуба. И всё же его не покидало предчувствие, что скоро всё узнает. Причём сам, без её помощи. И желания...

Солнечные лучи уже не дотягивались до такой глубины. У обитающих здесь, у самого дна рыб и моллюсков были собственные фонари.

Но когда Харлей привычно поглядывал на гарпию истинным зрением, приходилось шуриться. Ровное белое сияние её ауры слепило и демон ничего не мог поделать с этим чистым и каким-то трепетным светом.

Подушка под батискафом мягко спружинила, что значит, путешественники достигли дна.

Выпустив шестеро манипуляторов на присосках, они принялись вышагивать по скалистой породе на манер паука-сенокосца. Передними же манипуляторами, оснащёнными десятипальными руками, отгоняли назойливых подводных обитателей, которые не хотели мириться с тем, что в их глубинах завёлся чужак.

Поначалу демон недоумевал, зачем передвигаться на присосках, когда можно плыть. Но когда по мере приближения к Оку Бури их стало отбрасывать назад мощным течением, порадовался, что не задал вопрос вслух и не выставил себя в глазах Пандоры болваном.

В очередной раз. Как будто это что-то меняло...

За всю дорогу они так и не проронили ни слова. Точнее демон предлагал сменить Пандору на управление, оно не казалось таким уж сложным, но гарпия только плотнее сжимала губы и вздрагивала каждый раз, когда их отбрасывало на несколько десятков метров назад.

Борьба со стихией заняла, по подсчётам Харлея, часов шесть-семь. Демон думал, что гарпия всё же развернётся назад, но упрямства в хрупкой летунии было, пожалуй, побольше, чем в целом Разломе, поэтому в какой-то момент, ловко сманиеврировав, они всё же прорвались.

Поднимались практически по перпендикулярной траектории. Окружающее их водное пространство замело, словно волшебным образом заледенело.

Демон помнил, как грохотало на острове, как подрагивала под стопами земля, сотрясаясь от могучих ударов бьющей из Разлома магии.

Но здесь, когда водная пленка расползлась по макушке купола и гарпия откинула его, их тут же оглушило тишиной. Абсолютной. Звенящей. Какой-то засасывающей.

Было так тихо, что пульсация в висках звучала набатом, а собственное дыхание казалось хриплым и рваным.

Око Бури — область мнимого спокойствия в центре магического циклона.

Огромное, с диаметром в шестьдесят километров, тропически знойное, но с иссушающим воздухом, окружённое чёрной стеной урагана, прошиваемой насквозь молниями, ветрами, ливнями — эдакий изолятор сухого горячего воздуха, оно обрушилось на путников со всех сторон, заставило рвано закашляться гарпию и обострило демонические инстинкты Харлея до предела.

В центре Ока тоже была колоннада, стоящая на сваях из белого мрамора, в центре каждой из них — по подъёмнику.

К одному из них и направила батискаф гарпия, а когда пристыковались, взмахнула крыльями, чуть не сбив с ног демона. Словно не замечая, что чуть не опрокинула инкуба в воду, вскочила на гигантскую платформу.

Харлей последовал за ней, в последний момент увернувшись от гигантского щупальца: стало быть, рассказы о кракенах в этих краях вовсе не слухи и не сказки для туристов.

Когда поднимались, на гарпии лица не было и Харлей с ума сходил, не зная, как её утешить или приободрить.

Рискуя получить пощёчину или удар в живот (зависит от того, насколько у Пандоры натянуты нервы; судя по её сжатым в одну линию губам, запросто голову крылом срежет), демон ободряюще сжал холодные, несмотря на царящий зной, пальцы. В первый момент она вздрогнула, метнула из зеркалец-глаз крохотные молнии, а затем, вдруг странно обмякнув, ответила на его пожатие.

Сердце инкуба сжало от нежности.

Отважная ледяная девочка, такая сильная и такая хрупкая.

Чего же она боится так, что ноги подкашиваются, а крылья за узкой спиной то и дело норовят распахнуться?

Харлей помнил, каким поганцем оказался прошлый Глава Хранителей — светлый демон и от встречи с его коллегой заранее не ожидал ничего приятного.

Может, и Пандора не в восторге от перспективы вести с ним переговоры, чтобы получить ловушку? Тогда он, Харлей де Вуд, с радостью возьмёт это на себя. В конце концов, в качестве регионального представителя де Вуд Корпорэйтед ещё и не с такими приходилось дело иметь.

Спрыгнув с подъёмной платформы на безусловно гладкую, мраморную, гарпия подобралась. На её бесстрастном лице не осталось и тени сомнений. Высвободив пальцы из руки демона, она направилась вперёд, где на круглом возвышении стоял к ним спиной Хранитель в белых одеждах.

Их шаги гулко отдавались на всю колоннаду, но Хранитель не повернул головы.

Правда, в ауре, окружающей его, Харлей издали разглядел сполохи нетерпения и знакомого демону предвкушению садиста. Берг был прав: их здесь ждали.

Прежде чем они обогнули возвышающуюся на постаменте фигуру, инкуб вздохнул с явным облегчением. Демон, с которым им предстояло говорить, хвала Лилит, был тёмным. Более того, он был инкубом. Непонятно только, почему Пандора подобралась, как снежный барс перед прыжком?

Харлей не считал себя ценителем мужской красоты, никогда не оценивал мужчин с такой позиции, но даже он вынужден был признать, что главный Хранитель — бесподобно, ослепительно красив, гордой и порочной красотой тёмного. Именно такие глубоко посаженные глаза под густыми чёрными бровями, острые скулы, прямой нос, мужественная челюсть и полные губы считаются почему-то особенно привлекательными для женщин. Добавить к этому широкие плечи и могучее сложение, которого не могла скрыть даже белая хламида на нём и огненно-рыжие волосы, зачёсанные назад, таящие в себе скрытое пламя — этому инкубу, казалось, была обеспечена мировая известность только за счёт безупречных внешних данных. В багряных глазах, которыми цинично окинул крылатую, затянутую в кожу фигурку, не чувствовалось недостатка в уме и внутренней силе, упрямая линия подбородка говорила о завидной силе воли, а огненные язычки, пляшущие по подолу белоснежной мантии выдавали сильнейшего элементалиста, которого когда-либо видел Харлей.

Видел? Ну конечно, вот почему демону показалось знакомым это красивое мужественное лицо. Он и вправду встречал его. В легендарных Садах Наслаждений, месте инициации высших демонов. Тогда он прошёлся по этому лицу вскользь, слишком уж отвлекали личные мотивы нахождения в Обители, да и склонности разглядывать мужиков за ним не водилось. Но увидев это лицо однажды, его было уже невозможно забыть.

Но назойливое *déjà vu* возникло не только поэтому.

Просто инкуб, как и Берг этим утром, намеренно игнорировал Харлея и смотрел при этом на Пандору с видом старого знакомого.

Вот только взгляд медведя разительно отличался от того, как смотрел на гарпию демон.

Глава 26

Инкуб смотрел на Пандору с явным удовольствием и чувством собственного превосходства. Так смотрит победитель на завоёванные земли, так смотрит хозяин на свою собственность.

За один только этот взгляд Харлей был готов убить тёмного. Высшего демона-инкуба-инкуба. Представителя своей расы.

— Мы знаем, что у вас есть ловушки, Велиар, — без предисловий начала Пандора, словно продолжая начатый с демоном разговор. Голос её звучал глухо, словно вот-вот перекинется, покроется стальной чешуёй. И, конечно, теперь-то уж точно было понятно, что они с инкубом знакомы. — И ты дашь нам одну из них. Для поимки карающего призрака.

— Как же, как же, Непрístupная Пандора, — кривя безусловно рот в улыбке, проговорил демон, спускаясь по лестнице и постукивая о мраморные ступени боевым посохом, будто обычной дорожной палкой. — Птичка-недотрога. Я давно тебя жду. Как самочувствие?

— Не дождёшься, — отрезала гарпия.

— Вот так всегда, — деланно сокрушился демон. — Как была колючим ежонком, так им и

осталась. Правда... ты ведь не всегда была такой ершистой, а, птичка? — отвратительно-уверенно подмигнув, Хранитель широко распахнул руки. — Не желаешь обнять старого друга? А? По старой памяти?

Он шагнул навстречу гарпии и лицо гарпии исказила гримаса отвращения. Харлей был уверен, что та отступит, отшагнёт назад, но Пандора не шелохнулась.

Зато он шагнул наперерез инкубу и зло, с нажимом, проговорил:

— Я бы поберёг на твоём месте имеющуюся у тебя память, демон. Вместе со словами, пока кто-то не вбил их обратно тебе в глотку. Мы пришли по делу.

Лёгким, играющим движением, Хранитель отодвинул Харлея в сторону, словно отмахнулся от досадного насекомого и инкубу пришлось приложить недюжие усилия, чтобы не зарычать от боли и неожиданности. Глава Хранителей Ока Бури был самым средоточием магии. Противником, который Харлею не по зубам. Это знал Харлей. Это знал рыжеволосый демон. Это знала Пандора... И именно последнее давалось Харлею тяжелее всего.

Даже не взглянув на Харлея, Велиар продолжал:

— Ну если не желаешь обнять, так хоть поздоровалась бы.

Никогда ещё Харлей не видел Пандору такой бледной.

— Это значило бы, что я желаю тебе здоровья, Велиар, — ответила гарпия. — А я больше всего на свете хочу, чтобы ты сдох.

Глава Хранителей расхохотался, запрокинув голову. Его смех эхом прокатился по колоннаде, и хоть до мостов, ведущих к Разлому, на которых стоят другие Хранители, были гигантские расстояния, Харлей не сомневался, что они слышат этот смех. Этот смех и каждое слово, произнесённое ими.

— Ну точно, Недоступная Пандора, — издевательски мурлыкал демон, цинично растягивая слова. — Пандора-недотрога. Недостижимая Пандора. Непостижимая Пандора, Пандора-хрен-тебе-обломится, рогатый... Помнишь? Вот я о-очень хорошо помню.

Харлей не был дураком и с первых же секунд прекрасно сообразил, какого рода знакомство было у гарпии с инкубом. Несложно было сложить два и два, чтобы понять, почему она так не хотела ехать именно сюда, где, по всей видимости, их ждали. Её ждали. Но видеть, как на белоснежной ауре гарпии проступают алые пятна спрятанной глубоко-глубоко боли, как стекают вниз, на мраморные плиты бликующими кровавыми ручейками, было выше его сил.

Взревев, он титаническим усилием развернул демона к себе и секундное облегчение, проступившее на лице гарпии, было самой сладкой и самой желанной наградой.

— Послушай-ка, ты, — прохрипел Харлей, чувствуя, как невидимая лапа сдавливает его горло. — Отдай нам то, что должен и мы уйдём. И не смей говорить с ней так, если, конечно, тебе не поджимает челюсть.

Последние слова получилось едва слышно просипеть, но демоническая интуиция подсказывала, что все Хранители Ока Бури с жадностью ловят каждое его слово.

Рыжий смотрел на него весёлыми и шальными глазами, с таким выражением, словно только заметил.

Не посчитав, видимо, его достойным ответа, инкуб обернулся к Пандоре.

— Вот как, птичка? Инкуб! Кто бы сомневался, — он коротко хохотнул. — Значит, распробовав раз — сосу и сейчас, а?

Боль, истово рванувшаяся на поверхность зеркальных глаз гарпии придала Харлею сил. Он с рёвом размахнулся и двинул что есть силы Хранителю в ухо.

В следующий миг Харлей уже сучил ногами над пропастью-водоворотом, судорожно цепляясь пальцами за мраморный край моста.

Пандора, хлопнув крыльями, рванулась к нему со всхлипом... но, отброшенная взмахом руки Хранителя, отлетела в сторону, перекувыркнулась, путаясь в крыльях, проехала по гладкой мраморной поверхности. Замерла у самого края с досадой ощущая, как крылья налились свинцовой тяжестью, превратились из серых парусов в ни на что не годные тряпки.

Рывком Харлей подтянулся над краем, впиваясь пальцами в мрамор до хруста в руках. Но все силы ушли на попытку подтянуться и дальше, как ни скользил ногами по гладкой поверхности, как ни напрягал дрожащие, задеревеневшие от напряжения мускулы, продвинуться не мог. Болтался над страшным водоворотом, дёргая ногами и проклиная себя за беспомощность. Беснующийся внутри огненный демон выл, как раненый зверь: куда более сильный не давал ему вырваться на свободу, чтобы спасти хозяина.

— Прекрати, Велиар, слышишь? — крикнула Пандора. — Ты знаешь, что тебе будет за его смерть. Ты обязан помочь нам! Ты обязан дать нам ловушку и отпустить!

— Вот только не надо говорить мне о моих обязанностях, Пандора, — скривился Велиар. — Я сам знаю, что кому должен. Я просто хочу развлечься. Раз уж я твоими стараниями оказался заперт в этой проклятой дыре, имею полное право немного развеяться. Впрочем, ты знаешь, что сделать, чтобы меня умаслить. Всегда знала. Так что ползи сюда и отсасывай, если хочешь получить ловушку. Ты шлюха, птичка, и я буду тебя трахать.

Déjà vu пронзило мозг тупой раскалённой спицей!

Именно эти слова Харлей сказал тогда охотницам в экспрессе!

Именно эти слова чаще всего говорит инкуб своим жертвам...

Он не насилует их. Никогда. Зачем?

Зачем, когда они сами слетаются на его огонь, как мотыльки, не жалея крыльев?

Но услышать, как кто-то посмел сказать такое Пандоре...

Видеть обречённость, безысходность на её побелевшем, как мел лице...

Знать, что она сделает всё, вообще всё, лишь бы вытащить его, Харлея из этого дерьма, в котором он увяз по уши...

Демон и сам толком не понял, что произошло.

Как произошло.

Как мир смог перевернуться — и вот он уже смотрит на него глазами огненного чудовища, что вырвалось на свободу.

Как в следующий миг с диким, неистовым рёвом сбивает трансформирующегося, как в замедленной съёмке, рыжеволосого демона с ног.

Подчиняясь совершенно первобытному инстинкту — убивать, убивать за свою женщину, он колотит Хранителя башкой о белый мрамор, рвёт зубами и когтями, пеленает шипастым хвостом, не позволяя шевелиться.

Откуда взялась у него сила одолеть противника, во много раз превосходящего его самого в силе и магии?!

Когда на их мост спикировало несколько светлых, и, кажется, даже гарпия среди них, проревел:

— Только приблизьтесь, и вашему Главе конец!!

Хотя итак решил уже, что конец. Так решил он. Так решила егоженщина.

Только сейчас он почувствовал, что она, эта самая женщина висит на его плече и кричит, срывая голос. Повторяет его имя. Зовёт его...

— Харлей! Харлей!! Харлей!!!

Оглянувшись, увидел расширенные от страха глаза на покрытом стальными чешуйками лице, а в них своё отражение: огненный монстр с подбородком, по которому, дымясь, стекают ручейки крови.

— Не убивай его!! — захлёбываясь от ужаса, кричит Пандора. Но не разжимает хватку. Наоборот, стискивает сильнее. — Не убивай! Убьёшь — займёшь его место!!

— Боишься, что Немезида прибежит за мной сюда? — прорычал он в ответ.

Пандора затрясла головой, кривя губы и разбрызгивая солёные дорожки с щёк по сторонам.

— Если Немезида приблизится к Разлому, её утянет в него.

Инкуб под ним бился и хрипел, будучи не в силах обратиться полностью. По некогда безупречному лицу скакали полосы чёрных разводов, в воздухе над ними кружили искры.

Остальные Хранители замерли, не осмеливаясь подступить ближе.

— Так почему не даёшь мне прикончить мразь?! Сама говорила, хочешь, чтобы он сдох. Почему, Пандора?

Губы гарпии беспомощно приоткрылись

— Не настолько, как хочу, чтобы ты вернулся. Со мной.

В тот же миг руки Харлея сами собой разжались.

Оглушённого, обмякшего, его оттащили от недобитого Главы.

Сердитая гарпия с всклокоченными чёрными волосами сунула в руки Пандоры какой-то свёрток и визгливо прокаркала что-то на незнакомом Харлею наречии.

По тому, как резко прозвучал ответ Пандоры, демон понял, что та огрызнулась, но, впрочем, не очень-то. Без огонька.

Они получили то, ради чего прибыли.

Получили артефакт.

Остальное детали.

Он обнимал её за талию, когда они спускались к батискафу и она не возражала.

Не возражала и когда демон занял место пилота.

Прежде, чем вновь повиснуть на ремнях, он сграбастал хрупкую крылатую фигурку в объятия, и она приникла щекой к его плечу. Такая уставшая, притихшая, что грудь чуть не разорвало изнутри от нахлынувшего шквала нежности.

— Всё позади, — прошептал он, целуя белокурую макушку. — Почти всё. Ты молодец, Пандора.

Гарпия только сдавленно всхлипнула в ответ и за всю дорогу обратно не проронила ни слова.

Глава 27

— Мы вместе учились, — глухо сказала Пандора, принимая из рук Харлея пузатый бокал. — В Академии.

Отхлебнув тёмно-янтарную жидкость, закашлялась, затрясла головой, из глаз брызнули

слёзы. Харлей инстинктивно подался вперёд, хотел забрать бокал, но гарпия не дала, выставила перед собой свободную ладонь, мол, я в порядке.

Отхлебнула снова, на этот раз более удачно. Поморщилась, пробормотала что-то вроде «и как вы это пьёте». А затем к вящему изумлению демона, опрокинула оставшееся в себя залпом.

Берг оставил их после того, как лично, но без сантиментов, перевязал раны Харлея. Несмотря на безоговорочную победу над Велиаром, Хранитель всё же успел «основательно-таки покоцать демона». Инкуб, правда, был против всех этих ватных тампонов, вымоченных с спирте, но медведь был непреклонен. Ещё и швы наложил, садист. Из обезболивающего — плеснул в бокал местного рома.

— Терпи, баклан, вожакom будешь, — пробасил он, когда инкуб скривился от укуса иглы.

Затем без лишних разговоров удалился, буркнув, что им с Пандорой не помешает отдых. По всему видно, хотел расспросить, как и что, но сдержался, видя застывшее лицо гарпии.

Прежде, чем уйти, молча поставил на стол фигурную бутылку и сообщил, что в холодильнике и духовом шкафу есть ещё еда.

Харлей кивнул деликатности, которую он не ожидал от медведя.

Дом начальника безопасности Грозового Перевала был невелик, и демону постелили в гостиной, на диване перед панелью телевизора. Пандору же медведь со всем удобством расположил в мансарде.

— Нальёшь мне выпить? — впервые за всё время, если не считать пары ничего не значащих фраз, дани вежливости, что обменялась с Бергом, обратилась к нему Пандора.

Демон видел по глазам и тревожному мерцанию ауры: она решила рассказать ему. Решилась поделиться. Даже после того, как он с ней поступил. После того, что было в поезде. Должно быть, груз, лежащий у неё на сердце, был совсем тяжёлым, непосильным. А говорить со старым товарищем она по какой-то причине не захотела.

— Велиар пришёл на последнем курсе, — тихо начала она и Харлей обратился в слух. — Такой, знаешь, весь из себя. Боевой маг, элементалист, сын баснословно богатых родителей. Непонятно, что ему понадобилось у нас, когда мог бы учиться в любой академии Апостериории. Ходили слухи, что на переводе настоял его отец. Так же говорили, что на прошлом месте была какая-то неприятная история... В карты проигрался, что ли... Или в рулетку. Я не слушала и сама в таких разговорах не участвовала. Мне не было до него никакого дела. Сначала.

Она нетерпеливо кивнула на бутылку и пустой стакан. Мол, ещё!

Понимая, что рассказ будет тяжёлым, Харлей нахмурился и плеснул новую порцию рома. Гарпия и её выпила залпом, на этот раз даже не поморщилась. Вздохнув, инкуб добавил ещё, а потом последовал её примеру.

— Знаешь, я же была единственная девчонка на курсе, — от рома щёки гарпии разругались, к губам вернулся цвет. Речь её замедлилась, но не слишком. Наоборот, в ней появились манящие певучие нотки. А зеркальца глаз стали глянцевыми и блестящими, как хрусталь на свету. — А, знаешь, есть такая армейская поговорка. Ещё на Тхон-Тао усвоила. Нет одному — нет никому. Можно одному — можно всем. Тхонцы, они не такие как вилскуверцы. Совсем иначе смотрят на это вот всё, — она раздражённо дёрнула плечом и снова отпила, имея ввиду, должно быть, вопросы межличностных отношений. — Я там выделялась, сильно. Считалась непривлекательной. Крылья, опять же... Но я была рада. Меня такое положение дел устраивало. В Академии, конечно, было сложнее. Находились те, кто хотел... ну, ты понимаешь. Даже из преподавательского состава. Но у меня были очень хорошие результаты, говорю без лишней скромности. Я сразу шла на золотой диплом и метила в Департамент. Ректор там мировой мужик, даром, что наг, правда, высший. Он так-то и взял меня под крыло, сказал, нам, крылатым, надо держаться друг друга.

В целом всё было нормально... Те, кто не понимал устного отказа, понимали по-другому.

Я не опускалась до ябедничанья, но, сам понимаешь, за всеми нами наблюдали, так что аргументы ректора звучали, должно быть, как-то... убедительнее, что ли, чем мои. Правда, и я старалась, уж ты мне поверь.

Она коротко, невесело засмеялась и сказала:

— Надо же, как я косноязычна. Никогда не умела говорить красиво.

— Говори, пожалуйста, — тихо сказал демон, боясь её спугнуть. — Не пропускай ничего, вообще ничего, хорошо?

— Ничего? — переспросила гарпия, сделав ещё глоток. Пожала плечами, затем легко потрясла головой. — Хорошо, не пропущу. В общем, всё как в любой академии. Муштра с утра до вечера, практика-теория, учения... И вот, как я уже сказала, на последнем курсе появляется он. Велиар де Форд. Он сразу дал мне понять, что хочет меня. Ну и я... сразу... немножко его покалечила. Обругала. Высмеяла при всех. Не суть. У вас и вправду завидная регенерация.

В общем, в отличие от остальных, он не отстал. Не оставил попыток. Но... Только знаешь, оборотни, наги, джинны... все они действовали напролом. Грубо, неделикатно. Мерзко, чего уж там. Эти сальные шуточки, комплименты... Всё это можно было стерпеть.

А Велиар извинился. Попросил прощения, представляешь? Налей мне ещё! Как-то мы пьём без повода...

— Как это без повода? — деланно возмутился Харлей. — Мы добыли ловушку. Мы молодцы. Осталось только вернуться в Вилскувер, поймать бешеную бабу, что гоняется за мной и разобраться со всей этой психушкой в прессе. Так что — за нас!

— Чин-чин, — отозвалась гарпия, а потом сказала тихо и серьёзно: — Это ты добыл ловушку, Харлей. Спасибо тебе. Спасибо, что избавил меня от... цены, которую назначил... Велиар.

— Ты знала о том, что так будет, — не спросил, констатировал демон. — Знала и поэтому вместо того, чтобы сразу лететь туда, куда ближе и где гарантированно были ловушки, полетела в Ламию?

Пандора низко опустила голову.

— Хреновый из меня профессионал.

— Из-за того, что ты не шлюха, детка? — хмыкнул инкуб. — Да ты лучший профессионал из всех, кого я встречал! Проклятье инкубов!

— Ты мало видел, — криво усмехнулась гарпия, поднимая голову.

— Рассказывай дальше, — хмуро попросил Харлей и Пандора кивнула.

Речь её стала быстрой, прерывистой, как полёт с подбитым крылом.

— Я его и тогда послала, конечно. И так много раз. Снова и снова. Но он был... настойчив. И, как бы это выразиться... джентльменом. В Академии таких не было, да и на Тхон-Тао, чего уж там. И вот, однажды, я согласилась с ним поговорит. Согласилась... Выпьем? Спасибо! И вот, помимо прочего, он говорил... что сразу не понял меня, не разглядел. Не увидел, какая я. Вы, инкубы, умеете... Когда вам чего-то нужно, конечно. Ведь и бить словом вы тоже умеете! Ещё как! От таких ударов стальная чешуя не спасает... Я приняла извинения, приняла, да... в конце концов, ничего страшного ведь не произошло. И, конечно, снова сказала, что ему не на что надеяться. Даже несмотря на то, что инкуб. Он так слушал... Внимательно, и во взгляде его не было ничего такого. Ну, я и открылась, объяснила, почему это невозможно. Про армейский негласный принцип: нет одному — нет никому. Можно одному — можно всем. Рассказала, сколько мне пришлось пройти, чтобы завоевать свою репутацию. Что не сделаю глупости, не оступлюсь, не пущу по ветру то, чего так упорно добивалась годы. Он так странно посмотрел на меня и сказал, что между нами ничего не будет. До окончания обучения. Потому что так решил он. Тогда я не знала о пари...

— О пари? — тихо переспросил Харлей.

Гарпия горько кивнула.

— Это ещё курсом раньше началось. Мол, кто первый... — из её груди вырвался полустон-полувсхлип.

— Я понял, — сквозь зубы проговорил демон.

— Я не знала, — развела руками гарпия. — Там был такой принцип: все вносили первоначальную ставку, ставили на кого-то, на себя... а победитель должен был сорвать банк. Ходили слухи, что Велиар проигрался, что влез в серьёзные долги, но какое мне было дело до слухов, правда? Между тем общий банк можно было взять только до конца обучения. И Велиар и вправду не делал никаких попыток. Вообще. Более того, отступились и другие. Не то, что от них был какой-то вред, я рассказывала. Просто... оно ведь чувствуется, всегда очень чувствуется, когда мужчина смотрит на тебя... по-особенному. В его облике сразу проступает тревожность, опасность, на тебя лавиной рушится ощущение приближающейся беды. Как будто кто-то большой пьёт свет из пространства, и воздух темнеет, становится вязким, текучим. Мы не видим аур, как вы, демоны, но мы всё-всё чувствуем. В общем, после нашего разговора с Велиаром всё это прекратилось. Мне стало легче дышать. Улучшились показатели, хотя они и так были далеко не последними. Это вам, мужчинам, на пользу трудности. Женщине, если даже она воин лучше без этих подводных течений. Открытый вызов — да, будоражит кровь, заставляет трепетать за спиной крылья, тело становится лёгким начинает звенеть от предвкушения боя, полёта! А вот эти все игры исподтишка... Даже обидно, что они приписываются женщинам. Хотя какая с меня женщина...

Пандора вздохнула.

Задумчиво посмотрела в тёмный проём окна. Перегнувшись через стол, распахнула створку и с наслаждением вдохнула свежий морской воздух.

Глава 28

Харлей не перебивал, не торопил. Только потягивал ром, пил, не морщась, большими глотками и смотрел на гарпию.

Бледная, посеребренная светом луны, с залегшими кругами под глазами... игра освещения делала её совсем юной, очень трогательной, очень чистой. Посягнуть на такую — всё равно что посягнуть на небожительницу из чистых земель. В мечтах — сколько угодно, наяву — мгновенное чувство вины.

— Да, Велиар проигрался, — задумчиво проговорила она. — Думаю, не стоит говорить, что неприступная крепость и без того вызов для любого мужчины. В особенности, если он инкуб. Для вас же не бывает недостижимых, правда?

Вроде и с вызовом спросила, а в глазах столько боли, что Харлей моментально подобрался, напрягся.

— Ты ошибаешься, — хрипло сказал он.

— Да ладно? — гарпия отпила виски. — Неужели есть кто-то, кто тебе отказал?

— Да, — не стал влиять демон.

— Кто же?

— Суккуб.

— Брешешь, — махнула на него рукой гарпия. — Они же ваша истинная пара. Суккуб не может отказать инкубу.

— Чуть все эти истинные пары, — зло сказал Харлей. — Сказки, утешение для слабаков. Я в это не верю.

— А во что веришь?

— В любовь, — серьёзно ответил демон. — В борьбу за свои чувства, в противостояние, если понадобится, всему миру.

— Вот как? И почему же ты не боролся, не противостоял? Почему она сейчас не с тобой? Ты ведь не на ней женился? Та была джинной.

— Боролся, — сказал демон бесстрастно. — И одержал победу. Только не со всем миром, а с собой, — не отводя глаза под пристальным взглядом гарпии, добавил: — Она жена моего брата. Отказала мне, потому что любила его. И сейчас любит. Они оба заслужили своё счастье.

Пандора посмотрела на демона, словно видит его впервые. Затем заговорила снова. Больше не прерывалась, говорила бегло и ровно, словно хотела быстрее закончить.

— После нашего разговора на меня перестали смотреть другие, но с тех пор, куда бы я ни пошла, где бы ни оказалась, меня преследовал его взгляд. И в нём, опять-таки не было ничего тревожного, даже наоборот, под этим взглядом хотелось летать, кружиться в небе, взмывать высоко-высоко и, сложив крылья, камнем падать вниз. И даже такое ни в коей мере не отражало замирение сердца в его присутствии. А потом он попросил меня обучить его воздушному бою. Я же с Тхон-Тао. Искусство обращения с мечом впитала чуть ли не с первых дней жизни. Конечно, я согласилась. Находиться рядом с ним было всё равно что балансировать на краю пропасти, только там, внизу, было вовсе не забвение и пустота, там ждало счастье. Так мне казалось. Стоит сделать лишний шаг — случайно или нет, неважно, и вот, ты, переворачиваясь, несёшься вниз, и крылья почему-то не спасают...

Я пришла к нему сама. Глупо, правда? Но не было сил дожидаться окончания учёбы. Все мои мысли, всё моё существо были заняты им одним. Тем, кто, как мне казалось, проявил ко мне высшую степень уважения и терпения, кто отказался от своей природы ради моего комфорта. Ты, наверное, слушаешь и думаешь: отмазки на три с минусом. Должно быть, Велиар прав. Я и вправду шлюха.

Пальцы Харлея сами собой сжали тонкое запястье. Вместо того, чтобы высвободиться, гарпия посмотрела на него.

— Никогда не смей так говорить о себе, — процедил демон. — Ты самая достойная и чистая из всех женщин, что я встречал.

Пандора всё же мягко высвободила руку и тихо, горько рассмеялась.

— О нет, достоинством там и не пахло, — хмыкнула она и цинично добавила: — Как и особой чистотой. Но я ни о чём не жалела. До определённого момента.

— В любви не бывает грязи! — наставительно сказал Харлей, поднимая указательный палец и копируя интонации знаменитого проповедника, выступающего в прямом эфире в пять утра по выходным. Получилось правдоподобно, Пандора не сдержалась, прыснула.

— Не в этом дело, — тут же грустно проговорила она. — Просто на следующий день... Это было худшее, что со мной было. Всё вернулось. Все эти взгляды, сальные шуточки, комплименты, вообще всё. И то, что было до этого, оказалось просто цветочками. Меня чуть по заднице не хлопали на утреннем построении... А его хлопали...

— По заднице? — хмуро переспросил Харлей, кривя рот в некоем подобии ухмылки, больше походившем на оскал.

Пандора прыснула, поперхнулась ртом.

— По плечам, — пояснила она. — Его поздравляли. Даже из... Даже из преподавательского состава. Руку жали. Говорили — везучий ты хряк... Вслух завидовали выигрышу. На меня он даже не смотрел. Не знаю, как пережила тот день. И разговор с ректором. Было стыдно, безумно стыдно. Было ощущение, что даже он меня осуждал, хотя говорил, конечно, что это не так... Слишком поздно пришло понимание, что своим необдуманным поступком я разрушила всё, вообще всё. О чём мечтала, к чему стремилась.

— Глупости какие! — не выдержал Харлей. — Это ничего не решает!

— На военной службе репутация решает вообще всё, — просто сказала Пандора. — Я оформила документы на перевод. Тогда же... Только прежде, чем уехать, я должна была посмотреть в его глаза. Высказать всё, что думаю о том, как он поступил со мной. Нет, не подумай, чувства... они исчезли сразу, как будто их и не было. Их даже ненависть не сменила, настолько я была... обескуражена. Но всё же не хотелось уезжать с таким грузом на сердце. Хотела всё высказать — и в этом была моя ошибка. Я думала, он откажется от встречи, думала, мне придётся настаивать, быть может даже, применить силу... Я такая дура. Он согласился сразу. Выпьем? Чин-чин! Он посмотрел на меня, как будто мы чужие, как будто не было ничего и сказал, что будет у бассейна в полночь. Наутро я должна была уехать.

Когда я пришла, он был не один. Их было... удивительно, я не могу сосчитать, сколько их было тогда, но до сих пор помню каждое лицо. В основном «несправедливо обиженные», конечно. Незадавшиеся воздыхатели... Со мной был он, он, а не они все, и всё же все они смотрели с улыбками победителей.

Я даже не испугалась толком. Подумала, что ему мало победы в пари и удовлетворения своего тщеславия высшего демона. Что он хочет высмеять меня прилюдно. Вот ты говоришь, что в любви не бывает грязи. Так интересно... С одной стороны, я чувствовала себя грязной, очень грязной. Распутной, бесстыжей. А с другой... что ж. Если они хотят поговорить об этом — терять мне точно было нечего. Пусть. Я не рванула оттуда со всех крыльев, хотя стоило бы. Уже потом поняла, что они сразу закрыли все окна и двери.

«Помнишь свои слова, детка? — спросил он меня. — Нет одному — нет никому. Можно одному — можно всем? Мы тут посоветовались с ребятами и решили, что ты таки права. Ну правда, чем я лучше остальных? Они ведь и ждали дольше, надеялись, старались. Невежливо так их обламывать. А ведь мне совсем ничего не стоило пощипать твои крылышки».

Гарпия вздрогнула: бокал, который держал Харлей в руке, разлетелся вдребезги.

Глава 29

Пандора заморгала, задышала тяжело, рванулась убрать, обработать порезы на руке демона, из которых торчали осколки. Он придержал её за плечи здоровой рукой. А повреждённой потряс, частично трансформируя, и, когда угольно-чёрная плоть в огненных трещинах снова сменилась кожей, на ней не осталось и следа от порезов.

Демон отхлебнул прямо из горла и выжидательно посмотрел на гарпию. Та поёжилась под его взглядом, но всё же нашла в себе силы продолжить.

— Он казался таким довольным. Словно с самого начала такое планировал... «А ещё до нас дошёл слух, что ты собираешься сбежать, детка. А мы ведь с тобой не закончили. Мы только начали. Думаешь, удастся отделаться одной ночью и одним членом, милая? Ошибаешься. Завтра ты пойдёшь и заберёшь заявление о переводе. И всё будет, как было. Мы никому не скажем, правда, парни? Днём будешь неприступной блистательной Пандорой, гордостью академии, курсантом, о котором говорят, что он с первой пары нацелен на золотой диплом, а ночью — штатной шлюшкой. С членом о рту и в заднице. Послушной, благодарной, готовой на всё. Как вам такой план, ребята?»

Все заговорили разом, галдели, цокали языками, нашлись даже те, кто аплодировал.

Сквозь этот гул, который доносился до меня, как если бы в ушах была вата, различила чей-то голос.

«Демоняка дело говорит. А ну, парни, навались. Подержите её и придушите немного, чтоб не обернулась, а я первый!»

«Вот учу я вас, учу, а толку чуть, — весело проговорил Велиар. — Ведь у вас почему ничего так и не вышло с ней? А ларчик просто открывался. Не надо идти свиньёй. Мы, инкубы, никогда не насилуем женщин. Сами приходят и сами из трусов сигают».

«Что-то сомневаюсь, что с этой так получится, — ответили ему. — Больно ершиста. И характер паскудный».

«Господа, зря вы продолжаете сомневаться в моих талантах... Как-то после того

неоспоримого доказательства моего гения, что я привёл вам сегодня, даже обидно»...

— Когда меня, наконец, поймали и скрутили в их рядах поредело, — тихо, обречённо проговорила Пандора. — А потом они топили меня. Держали под водой с головой, а затем приподнимали за волосы, позволяя вдохнуть.

Это длилось долго. Очень долго.

Я потеряла счёт времени, страху, боли. Казалось, так было всегда. Я отупела от этой безысходности. Не верила, что это когда-нибудь закончится....

Но потом они стали спрашивать:

«Будешь сосать? Будешь послушной? Будешь стараться? Заберёшь документы?»

У меня даже не было времени ответить, топили снова.

«Будешь сосать? Будешь послушной? Будешь стараться? Заберёшь документы?»

И так до бесконечности. В какой-то момент, мне казалось, стоило мне вынырнуть, как я сама повторяю это...

Велиар выбрал безошибочную тактику. Гарпии практически неуязвимы, когда у них сухие крылья и пока не перекрыт доступ воздуха. Но... когда знаешь наши слабые места, с нами легко справиться. И они справились.

— Они, — начал было Харлей.

— Нет, — грустно покачала головой Пандора. — Не успели. Появились Берг, — она покосилась в сторону коридора, — и Рум. Не сказать, чтобы мы дружили тогда... нет, просто нормальные ребята оказались эти медведи... Пока они дрались с теми, что сидели на бортах бассейна, я получила так необходимую мне передышку. Обернулась. Через считанные секунды вода в бассейне покраснела, стала густой и тягучей... Как так? До сих пор не понимаю.

Она пожала плечами и залпом осушила стакан.

— До этого я не убивала. Калечила, ломала руки и пальцы, ну, чтобы не лезли куда не надо... Пару раз выбивала челюсти. Убивала зверей, да. На охоте. И на бойне. Агентов хорошо готовят к тому, что придётся убивать... Но людей, демонов, оборотней... Никогда.

А там... Я никогда не забуду плавающие в красной жиже головы, руки, ноги...

Через какое-то время силы оставили меня, с гарпиями такое случается, ты видел. Мы просто засыпаем. В общем, я чуть не утонула. Но давясь водой вперемешку с их кровью, я готова была, наконец, утонуть. Я не сопротивлялась. Как-то поняла, что всё для меня кончено. Жаль было только, что не успела поблагодарить ребят.

Рум вытащил меня из бассейна, ухватив за волосы и крыло.

Пришла в себя, когда уже подросли ректор, препода...

Понятия не имею как, но дело замаяли.

Вроде как восемнадцать курсантов погибли на боевых учениях. Вроде как защита вышла из-под контроля. Разрядились амулеты...

— Я читал в новостях, — глухо сказал Харлей.

— Ну вот видишь, — развела руками Пандора. — Я спокойно доучилась оставшиеся полгода. Остальным, после того, как принесли кровную клятву, показали запись того, что произошло тогда. На меня вообще больше не смотрели. Правда, некоторые подходили, жали руку, называли Пандорой Кривавой... Была такая гарпия, давно, очень давно, ещё во времена Аэлло Хранительницы... неважно. После окончания академии мы с Румом отправились штурмовать Департамент, а Берг вот решил сюда, к Разлому... Он всегда интересовался Вратами. Я тогда месяц молчала. Не могла говорить.

Она замолчала, зябко кутаясь в плечи и Харлей тут же стянул пиджак, набросил сверху. Правда, гарпия, кажется, не заметила этого.

— А что... Велиар? — тихо спросил демон. — Рискну показаться дебилом, но всё же спрошу: не добили его всё-таки? Почему?

— Высшего демона не так просто убить, — кивнула Пандора. — А потом было уже поздно. И его судили. Закрытым судом. Приговорили к ослеплению и пожизненной каторге. Помог его дар элементалиста. В чём — в чём, а в огненной магии он силён... Ты, наверное, понял, как важны Хранители для нашего мира. Им прощаются все прошлые прегрешения, какими бы тяжкими они не были. Обычно Хранители меняются раз в три года. Велиару предложили: хочешь искупить — триста лет служения у Разлома. Выбирай. Там, вроде, есть у вас в природе такое, что вы, не можете, ну, без этого, без эмоций и всего такого... Так вот, прежде, чем отправить его к Разлому, послали ещё куда-то, на какую-то подзарядку, как я поняла.

Теперь пазл у Харлея в голове сложился окончательно. Вот почему Велиар был в Обители Лилит, в Садах Наслаждений. И, опять же, последнее объясняет, почему он так силён.

— Значит, он выбрал Разлом, — кивнул Харлей.

— Ага. Как-то так.

— Пандора, — позвал демон. — Посмотри на меня.

— Так что все в итоге получили по заслугам, — сказала она нарочито бодро, словно не слыша его и избегая встречаться взглядом. — Почти все они мертвы, те что выжили... Ну, там без вариантов, в армии им не служить. Сторожем при храме — ну, может быть. Велиар отбывает наказание, отдавая честь родине, а я... а у меня остались чудные воспоминания о том, что случилось возле того бассейна.

— Не надо так, Пандора, — тихо сказал инкуб.

— Это ещё почему? А, я ж и не сказала тебе. Этот бассейн и был местом, где мы, с Велиаром... Ну... Где я стала женщиной.

Она замолчала, а когда демон собирался что-то сказать, предупреждающе выставила перед собой ладонь.

— Вот только не надо меня жалеть, — дрожащим голосом сказала она. — Я рассказала всё это не для того, чтобы меня пожалели, а просто... Просто я напилась, — добавила она совершенно трезвым голосом. — Ну и как-то... Чтобы ты знал, как я благодарна тебе за то, что ты сделал для меня сегодня...

— Я ничего не сделал, — глухо сказал инкуб. — Знай я это раньше... Ублюдок слишком легко отделался. Надо было убить его.

— И тогда остался бы вместо него здесь, — хмыкнула Пандора. — Что сказал бы твой отец?

— Ну, — демон пожал плечами. — Брат уже успел крупно разочаровать его, а близнецы, как известно, всё делают синхронно.

Рассказ Пандоры не просто потряс его. Не просто ошеломил... Разозлил... Всё не то, словно нет, нет такого слова, чтобы передать одновременно рвущую изнутри ярость, пульсирующую в висках боль и жгучий, адский стыд. Ещё никогда Харлею де Вуду не было так стыдно за принадлежность к высшей расе. Никогда ещё не сожалел он о самой своей природе. Пока среди них есть выродки, такие, как рыжий демон, все они прокляты. Все. И он в том числе.

— Пандора, — тихо проговорил он. — То, что я сейчас скажу, вообще мне не свойственно, так что, если даже захочешь кому-то рассказать, тебе всё равно не поверят.

Попробовал разбавить ситуацию юмором. Так себе получилось. Пандора, кажется, только посерьёзнела.

— Кому рассказать? Зачем? — часто заморгала она.

— Ну, скажем, я тебе надоем, и ты захочешь упрятать меня в психушку. — снова прибежал к юмору демон. — И то, что я тебе сейчас скажу, вполне позволит это сделать. То есть, я, конечно, имею ввиду, позволило бы... Если бы тебе поверили. Но нет. Не поверят.

— Да чему не поверят-то? — Пандора заправила выбившуюся прядь за ухо и посмотрела устало. — Я же говорю, не надо меня жалеть и утешать.

— Я и не собираюсь, — сказал Харлей.

В следующий миг он опустился перед ней на колени.

— Т-ты... Ты чего, — испуганно спросила гарпия, пытаясь отодвинуться.

— Прости меня.

— Тебя? Ты дурак? За что?

— За всё, Пандора. За них. За меня самого. За всех мужчин. За нашу природу. За нашу подлость. Прости меня, Пандора, и всех мужчин в моём лице.

— Харлей... ты... Ты чего?

Демон прикоснулся к её руке. Такая хрупкая, такая холодная. И пальцы дрожат. Он поднёс к губам и поцеловал тонкие пальчики. Гарпия, ахнув, высвободила руку и спрятала за спину.

Харлей смотрел на неё, не отрываясь.

— Им место — в помойной яме, как и полагается отбросам. И этому, Хранителю, там же. Мне плевать на их поганые трупы. Но ты, Пандора, ты должна жить, понимаешь? И если не сделаешь этого, не сможешь простить... не будешь счастлива. А я никогда ничего не хотел так, как желаю тебе счастья.

— Ты сдурел, — с сомнением покачала головой гарпия. — Ты, должно быть, сильно головой ударился. Ты на пианино случайно не начал играть? Или говорить на древнем? Вставай сейчас же! — судя по раздражению в голосе, гарпия начинала злиться.

— Пока не простишь, не встану, — упрямо ответил Харлей.

— Ну вот и стой здесь, как идиот! — крикнула гарпия, вскакивая со стула.

Обойдя стоящего на коленях демона, бросилась прочь из кухни.

Харлей остался неподвижен, даже головы вслед не повернул.

Уже в проёме Пандора замерла, как громом поражённая, покачнувшись. Упираясь руками в стену, прижалась лбом к тыльной стороне своих ладоней, и, дрожа, стояла так какое-то время.

А потом со всхлипом развернулась и, бросившись обратно, повисла на шее демона.

Какое-то время он не шевелился, боясь спугнуть. А когда рыдания и всхлипывания пошли на спад, развернулся, бережно подхватил хрупкую крылатую фигурку на руки и понёс наверх.

Когда укладывал её сонную, в постель, накрывал одеялом, убирал волосы со лба, вглядываясь в юное чистое лицо, Пандора уже глубоко спала. Как она говорит: гарпии восстанавливают силы во сне? Спи, девочка, спи. Набирайся сил...

— Как она? — спросил Берг, когда он спустился.

Стало быть, медведь не спит.

— Лучше, — ответил демон.

— Хорошо, — сказал медведь и скрылся за дверью своей спальни.

Харлей тяжело опустился на выделенный ему диван.

Сон? Какой тут сон, когда в голове у тебя некто белокурый и крылатый...

Несмотря на внешнее сходство, она ведь совсем непохожа на светлых. Херувимов, нефилимов, серафимов... Отец не зря говорит — чем светлее демон, тем хуже он пахнет. Глава де Вуд Корпорэйшн предпочитал иметь дело с низшими нагами, но никак не с высшими светлыми.

Гарпии... Вообще, они, конечно, чудные, эти крылатые. Чудные и опасные. Дерзкие, сильные, смелые. А вот ты ж гляди, как тонко чувствуют... Или это только она такая? Одна? Во всём мире?

Глава 30

До Вилскувера предстояло добираться на «хвостороге» — Берг выхлопотал выдавший лучшее экспериментальный мобиль. С «грифоном» Харлея, конечно, не сравнить, но за именем лучшего... Впрочем, в любом случае, подарок был шикарный.

— Мы вернём! — пискнула Пандора, обнимая медведя на прощание.

— Вернём, — подтвердил демон. Неудобно было принимать помощь от низших, впрочем, в неудобство превратилась в последнее время вся жизнь инкуба.

— Летай, птичка, — пробасил медведь. — Летай, сколько понадобится. А вам, демонам, — он хлопнул инкуба по плечу: — Что дай, что выкини.

Инкуб усмехнулся. Из интонаций медведя исчезли настороженность и презрение. Он принял высшего демона за своего, правда, на его манере разговора это не отражалось. Но ведь и инкуб не оставался в долгу.

Расстались почти приятелями...

По дороге в Вилскувер останавливались на заправках, а заночевали в небольшом придорожном мотеле. Пандора порывалась лететь и ночью, но демон был непреклонен: они оба после всех приключений не в лучшей форме, и если он, инкуб, нуждается в отдыхе, то что говорить о ней. К аргументам гарпии о равноправии полов отнёсся серьёзно и спросил, а причём здесь половые различия вообще. После чего ещё раз подтвердил, что он, демон-мужчина-инкуб-чёртов-ступень-и-всё-остальное-что-она-считает-нужным устал, стало быть, и ей отдохнуть придётся. Исключительно за компанию.

Для безопасности взяли один номер.

Пандору, бормотавшую что-то невразумительное, мол, сопровождать его — это её работа, а значит, и на кровати спать ему, а она... Харлей развернул за плечи и подтолкнул к широкой двуспальной кровати.

Она потопталась в нерешительности, потом, стараясь обойти его «по стеночке» скрылась в душе.

Когда, в свою очередь, из душа вышел демон, она сидела на кровати, натянув одеяло до подбородка и, глядя на него широко раскрытыми глазами, часто моргала.

Демон хмыкнул, и, насвистывая что-то под нос, бросил на пол скользкое лиловое покрывало. Сам улёгся прямо на него.

— Ты, ты, — прошептала Пандора, — ты серьёзно? Будешь спать на полу?

Демон хмыкнул.

— Буду твоим верным псом, крошка, — отозвался он. — Видят боги, ты этого достойна.

— Вот ты позёр! — возмутилась гарпия, правда, голос у неё дрогнул.

— Позёр-не позёр, а тебе это нравится, признайся, — отозвался инкуб. — А если случится землетрясение, у меня больше шансов выжить, потому что я ближе к выходу. Видишь, я смиренно берегу себя, делая за тебя твою работу. Могла бы и спасибо сказать.

Вместо ответа Пандора прыснула и швырнула в него подушкой.

— Возьми, начнёт трясти, макушку отобьёшь.

Улыбаясь, демон подложил подушку под щеку.

— Ты не представляешь, какая крепкая у меня макушка.

Только не спугнуть её... Только не обидеть... Только не выдать себя. Не показать, что думает он сейчас только об одном. Об одной... Что с ума сходит от совершенно, казалось бы, противоположных чувств: безграничной нежности и дикого, неистового желания. От счастья находится рядом с ней и страха, просто ужаса её потерять. Он чуть мозгами не поехал, когда тритон за стойкой позволил себе улыбаться его белокурой крылатой девочке и нести всякую чушь, которую демон, в отличие от Пандоры вовсе не считал остроумной.

С ней будет непросто. С его девочкой. Слишком она отличается от других. Слишком много ей пришлось пережить. Того, что она вообще, никак не заслужила.

Но теперь он будет рядом. Всегда. И дело вовсе не в кровной привязке, которая когда-нибудь закончится. Просто он так решил. И решения своего не изменит.

Будет ждать, сколько придётся. А она откроется. Доверится. Ей будет нелегко... но вместе они справятся.

*

Отель на окраине Пандора выбрала неслучайно.

Заброшенное, готовое ко сносу здание рядом — можно ли желать места для засады удачнее? И безопаснее для окружающих, опять же.

— Она нападёт оттуда, — указала гарпия, выстроив пространственную схему с помощью линкофона.

Ловушка, настроенная на карающих призраков, посылала сигналы на специальную плату, так что на голографическом экране им была видна траектория передвижения Немезиды.

— Она чувствовала, что ты у Разлома, — пояснила гарпия. — Только не знала, у какого. Все Разломы для неё одинаковые. Ещё и одинаково опасны. Она оставалась здесь, на окраине, ждала, когда ты отдались от Разлома, чтобы снова начать охоту. Вчера ночью почувствовала... И переместилась отсюда сюда.

— Хм... А ты уверена, что эта штука сработает? — Харлей скептически посмотрел на ловушку, оказавшуюся обычным черепом. Непонятно было, как такое вообще способно повредить той двухметровой бабе, которую не берут ни пули, ни демонический огонь, ни стальные перья.

— Уверена, — улыбнулась гарпия. И тут же снова стала серьёзной: — Я работала с карающими призраками. В паре с Кристофером. Поэтому мне и поручили тебя.

— Видел я, что стало с твоим Кристофером, — проворчал демон. — А ведь у него, ты говоришь, была ловушка.

— Была, — не стала спорить гарпия. — Должна была быть... Я уверена, ему помогли... Потерять её. Знать бы, кто.

— Знать бы, да, — согласился демон. — Как-то не хочется верить, что ловушка не сработала.

— Это исключено, — хмуро отрезала гарпия, но Харлей уловил нотки нерешительности в её голосе.

Это было, по меньшей мере, рискованно, ждать Немезиду здесь, на крыше заброшенного, предназначенного к сносу здания на холме. Огни Вилскувера казались сегодня какими-то особенно тревожными, окрашенными в красный. Или всему виной красный цвет одной из лун, которая сегодня вошла в зенит?

Совсем одни, без помощи, поддержки, страховки. Со своим смехотворным против карающего призрака оружием и (Харлей сильно подозревал, с такой же) ловушкой, полученной у Разлома.

Но кого позовёшь на помощь? Был бы здесь Эрам, Харлей, не раздумывая, обратился бы к брату. Но Артур сказал, Эрама нельзя вызывать, особенно в опасной близости от Немезиды. Чтобы призрак не учуял ещё одну кровную наживку.

Обратиться в Департамент? Но с ним по-прежнему не было связи, причём, как выяснилось, связь была отрезана в одностороннем порядке: агента Хантер просто-напросто изолировали в информационном плане, и, судя по туманным объяснениям Пандору, скорее всего, связь не восстановится, пока жив призрак.

Нанять профессионалов? Ну так они в розыске. Даже если только один из них, она или он, Харлей и сам путался в этих бредовых новостных заголовках.

Если возьмут одного — второму придётся тащиться следом, как телок на верёвочке, если нет желания очочуриться.

Пандора, краснея, предлагала разорвать связь... Достаточно обратиться в маг-храм неподалёку... Но скорость приближающегося к ним призрака, которую они могли отслеживать по траектории на схеме, показывала, что привязку разорвать успеют, а отойти на безопасное от храма расстояние — нет. А ведь Немезида показала, и не раз, что не щадит никого, когда идёт к своей цели.

Пандора объяснила, что пока она находится на расстоянии пяти километров от «приманки», остальные «объекты» её не интересуют. Они для неё что-то вроде общего серого фона. Другое дело, когда рядом находится Харлей. За счёт близости демона всё перед призраком окрашивается в красный. Зовёт убивать.

Время замедлилось. Остановилось. Превратилось в мигание красной пунктирной траектории, что движется на голографической схеме по карте.

Их действия на момент появления призрака давно были отточены до мелочей.

Легче всего ловить на живца, объяснила Пандора. Чтобы действовать иначе, устраивать настоящую охоту на призрака, в которой ей доводилось принимать участие, надо, чтобы среди них был Ловец... А Ловца у них нет...

Сигнал засбоил, что значит, призрак подобрался достаточно близко и нападёт в любой момент.

И вот вроде, знаешь, что он появится, ожидаешь...

А всё равно к такому нельзя подготовиться.

Немезида появилась со стороны окраин.

Вскарабкалась по отвесной стене, подтянулась на мощных ручищах, спрыгнула на крышу и оскалилась, увидев Харлея.

Столь затянувшаяся охота не пошла призраку на пользу: кожа её стала серо-зелёной, кое-где висит ошмётками, обнажая светящиеся голубоватым кости, глаза провалились в череп и горят оттуда ненавистью.

Стоило Немезиде оказаться на крыше, гарпия оттолкнулась стопами от мраморных перил и взмыла вверх, Харлей же замер посередине, заглядывался с испуганным видом, вроде как не ожидал такого предательства от гарпии.

Секунды, что Немезида неслась на него, показались демону вечностью. Кажется, никогда он не забудет искажённого страшным гневом мёртвого лица, горящих провалов глаз...

Когда до него оставалось всего пару шагов, сверху спикировала гарпия. Оказавшись между ними, заслонила демона крыльями и выбросила вперед руки с черепом.

В тот же миг глаза призрака потухли, оказавшись чёрными провалами. Со страшным рёвом Немезида принялась терзать когтистыми пальцами лицо, словно не веря, как такое могло произойти. Зато загорелись глазницы черепа в руках Пандоры.

Призрак заорал, заревел, завыл!

Маленькую, хрупкую гарпию отбросило назад звуковой волной и Харлей подхватил её, прижимая к себе, сжимая в стальных объятиях.

Он бы сам справился с ловушкой, не будь он... приманкой. Мало того, что звучит унижительно, так и просто рискованно — будь у него оружие, Немезида была бы осторожнее... но ведь в его руках череп просто-напросто не сработает!

Ослепшая Немезида страшно выла, отпрыгивала, отступала, но уйти уже не могла. Взгляд черепа держал, как магнитом, и единственный шанс оборвать эту связь: убить наживку, уничтожить ловушку. Беснуясь, призрак размахивал руками, словно пытался рвать в клочья воздух, пытался зайти сбоку. Повинуясь малейшим движениям гарпии, разворачивался и оглушённый рёвом Харлей, помогая Пандоре устоять на ногах, держать руки с черепом перед собой.

Пандора тоже кричала. От напряжения, от адреналина (да и от страха, в чём она никогда и никому не признается)... но в страшном рёве умирающего призрака её крик казался всего лишь пискком.

Харлей держал её изо всех сил, не давая уйти в сторону и чувствовал себя при этом подлецом. Нельзя было позволять ей этого, нельзя... Но разве у него был выбор...

Видя, что даже будучи ослеплённым, призрак не оставляет попытки атаковать, зайти сбоку, демон сильно сомневался в эффективности ловушки. К тому же, гарпия сама говорила, что она не ловец, так какого хрена она решила, что у неё получится?!

По мере того, как призрак ревел, глаза черепа разгорались всё ярче.

Вот из них потянулись красные лучи и эти лучи, как воронки, втягивали беснующуюся Немезиду. Постепенно. Копну всклокоченных волос, ошмётки кожи... Скоро перед Пандорой и Харлеем остался только мерцающий гигантский скелет.

Он начал таять в воздухе, но происходило это, как назло, слишком медленно. Пандоре казалось, что она вот-вот выпустит череп из рук, до того он потяжелел.

Но вот остатки призрака втянуло в светящиеся глазницы черепа и в тот же миг они погасли.

Обессиленная, Пандора всё же выронила из рук ловушку и та гулко застучала о чёрное покрытие крыши.

Оба — и Харлей, и гарпия не устояли на ногах, упали, тяжело дыша.

Демон по-прежнему не выпускал гарпию из объятий и она не пыталась высвободиться.

— Ну что? — сказал Харлей, отдышавшись. — Теперь в Департамент? Надеюсь, ты не думаешь, что я отпущу тебя одну?

Гарпия покачала головой и серьёзно посмотрела на Харлея.

— Нет, — сказала она. — Сначала в маг-храм. Надо разорвать привязку. И, в общем, извини за неё. Я, правда, хотела, как лучше.

Это было глупо, чертовски глупо, но Харлей не желал разрывать кровную привязку.

Их ссора по этому поводу, надо думать, отлично развлекла мага-храмовника.

Когда Пандора всё-таки настояла на своём, Харлей почувствовал себя обворованным.

Они по-прежнему были вместе, в невзрачном мотеле на окраине Слитсберга. Прежде, чем возвращаться к прежней жизни, нужно было выяснить, что значит вся эта шумиха в прессе, почему заблокированы их счета, что значит это отсутствие связи с Департаментом... Пандора говорила, что это теперь только её проблемы, но Харлей был не согласен. Она встряла во всё это из-за него, из-за Харлея, они вместе встряли. Им и решать. Вместе.

Сам он ограничился тем, что, воспользовавшись тем, что они, наконец, добрались до цивилизации, связался, наконец с Артуром.

Сыщик подтвердил, что Шерлез де Вуд выжил. Справился. Как и то, что это самое выздоровление главы де Вуд Корпорэйтед тесно связано с объявлением в прессе о невиновности Харлея.

Несмотря на то, что бой с Немезидой был позади, Артур строго наказал «сидеть как мыши месте и не отсвечивать». Даже по своим каналам он не мог отследить, кому Харлей с Пандорой обязаны блокировкой счетов и очернением имён в прессе. Обещание награды за их головы, оказалось, конечно, уткой. Но рисковать всё же не стоило. Как говорится: то ли он украл, то ли у него украли, но была там какая-то неприятная история. Попадутся на легковых и жаждущих лёгких денег отморожков — не спасёт даже регенерация высшего демона и боевая трансформация гарпии.

Что касается блокировки счетов, то за этой штукой, проделанной с Пандорой, стоял, конечно, Департамент, тут и рассуждать не о чем. Но если взять во внимание то, что как только Шерлез де Вуд смог вернуться к управлению собственной империей и первым делом вернул сыну отнятое по нелепой ошибке, а буквально через секунды счета оказались заблокированы снова, было над чем задуматься...

И «похрен-веники, что у твоего отца собственный банк, понимаешь?» — кто-то гораздо более влиятельный («а кто может быть влиятельней Шерлеза де Вуда, кроме, разве что, сенаторов, но их я проверил, они все чистые») крайне заинтересован «чтобы ты, парень, оказался в такой глубокой заднице, что с лопатой не выберешься».

И после такого, — глава де Вуд Корпорэйшн лично разблокирует счета сына, а через секунду они заблокированы снова, поневоле задумаешься, а действительно ли Департамент блокнул счета Пандоры? Так ли всё чисто с ней и с этим Департаментом, как может показаться на первый взгляд?..

При беседах с Артуром гарпия присутствовала. Разве могло быть иначе? И дело было не в потребности демона, чтобы маленькая Ледяная Королева была рядом... а просто у него не было у неё секретов. После того, как она открылась ему, наступила его очередь: открываться, заботиться, думать за двоих. В конце концов, делать всё возможное для её счастья и спокойствия.

Она рассказала, что в таких случаях, как сейчас, когда Департамент обрывает связь с агентом всегда есть план «В». Каждый день она проверяла ящик на «плавающем хостинге», «хостинге-невидимке», предназначенном как раз для подобных случаев. Рано или поздно должны прийти инструкции. Но пока не пришли — будь добра, сиди тише воды, ниже травы. Не отсвечивай.

Поскольку и Артур советовал то же самое, решено было «залечь на дно». Оставаться на месте было опасно, поэтому гарпия с демоном разъезжали по периферии Слитсберга, меняя мотели каждый день, не ночуя под одной и той же крышей дважды.

С подарком Берга — мобилем «хвосторогом» пришлось расстаться. Слишком уж тот был приметный. Мобили демон с гарпией меняли также часто. Сами же никогда не появлялись на людях без очков, притом с изменёнными носовыми фильтрами и подкладками под щёки, внешностью.

Ожидание, как и положено ожиданию, было неприятным. Липким и тягучим, как патока.

И не только оттого, что приходилось жить, как на жерле вулкана, в состоянии постоянной готовности... вот только к чему?

Сильно омрачало настроение то, что приходилось таскать с собой ловушку с пойманным призраком. Ни Харлей, ни Пандора и думать не хотели, что будет, если Немезида каким-то чудесным образом выберется оттуда.

— Каким? — хмурясь, спрашивала гарпия.

— Таким же, как и забралась, — язвительно отвечал демон и Пандора хмурилась ещё больше.

Именно постоянное присутствие рядом ловушки (а может, не только) побуждало обоих по-прежнему снимать один номер на двоих (каждый требовал, чтобы ловушка была «при нём», как и каждый из двоих был против того, чтобы подвергать опасности другого).

По-хорошему, ловушку сразу надо было отвезти к Разлому, чья магия опустошит её и сделает безопасной для окружающих. И готовой к новой охоте, конечно.

Пандора объяснила Харлею принцип действия ловушки и почему они так редки.

— Это кости тех самых двенадцати смельчаков, сорвавших печать Немезиды, в то время, как мир не был единым, а было их всего семь. Первых, кто сорвал печать и выпустил наружу Хаос, так сильно «приложило» вырвавшейся на свободу магией, которая в итоге погубила все семь миров, что даже их кости превратились в артефакты. А то, что в них можно ловить карающих призраков, было, должно быть, последним желанием каждого из этих идиотов после осознания, что натворили...

Так это или нет, сейчас было сложно узнать. Правда, скептически настроенный демон слушал гарпию с удовольствием. Впрочем, удовольствия бы не стало меньше, рассказывай она хоть байки для малых детей и вообще полную околёсицу.

К счастью, Артур нашел способ перевести им немного денег, что значительно облегчило перемещения по периферии и жизнь в целом.

Харлей с интересом погружался в «нижний мир», туда, куда высшего демона без (не)удачного стечения обстоятельств и занести-то не может. Пандоре было не привыкать и чувствовала она себя по время всех этих игр в кошки-мышки, по выражению демона, как ундина в воде.

В целом же, если забыть о том, что привычный жизненный уклад был разрушен у обоих, и неизвестно было, когда ситуация, наконец, разрешится и будет ли это разрешение удачным для них, а ещё тот факт, что они вынуждены были возить с собой пленённую Немезиду, которая не оставляла попыток выбраться наружу, о чём говорили время от времени вспыхивающие глазницы призрака (Харлей утверждал, что такой ночник доведёт до заикания и куда более смелого демона, чем он, а гарпия нервно хихикала, ёжилась и часто моргала)... в целом, эти дни, перетекающие в недели, а недели, уверенно подбирающиеся к двум месяцам, были, пожалуй, самыми счастливыми в жизни Харлея де Вуда, наследника многомиллионного состояния.

Видеть её каждый день, чувствовать, как поначалу робкие, несмелые эмоции обретают силу, беречь её сон по ночам (демон упорно ночевал на полу, правда, в некоторых мотелях случались и раздельные кровати или небольшие — и очень неудобные — диваны). Вдыхать аромат её волос, слушать голос — звонкий, нежный, тягучий, как гонг... Впитывать, поглощать её присутствие, греться в источаемом ею свете, смаковать свежие, чистые и прозрачные эмоции.

Внутренний демон поначалу пытался настоять на своём, мол, эти ваши высокие материи, конечно, хорошо и замечательно, но мне бы пожрать. Быстро и сытно, как в дешёвой закусочной... а там уж опять трюфелями балуйтесь... Но и он пристрастился к морозной свежести, что исходила от Пандоры, к её чистоте и свету. Шлюхи, выходящие на охоту за кредитами в тёмное время суток, не привлекали его. То тут, то там можно было урвать сытный кусок женского внимания (всё-таки как внешность ни меняй, а инкуба отличит любая представительница прекрасного пола), но по сравнению с тем, что огненное чудовище получало от Пандоры, после того, как оно привыкло к тончайшим переливам и

мерцанию белого света, их эмоции казались бутафорией, яблоками из картона — красивыми с виду, но совершенно несъедобными...

Постепенно привыкая к его присутствию, Пандора открывалась — то с одной, то с другой стороны, как Тайная Дева из древних песен, что облачается в сотни нарядов, и как ни старайся, путаясь в крючках и пуговицах, но, раздевая её, заранее знаешь: снимая один наряд, обнаружишь под ним следующий... и так до бесконечности.

И Харлею не хотелось, чтобы это прекращалось.

Маленькая и хрупкая и в то же время смелая, сильная, отважная... Юная и доверчивая, насмешливая и циничная — Пандора нравилась ему любой. Вспыльчивая, резкая, дерзкая, как все гарпии, она оказалась обладательницей замечательного чувства юмора и прекрасной рассказчицей.

Помимо детских и юношеских воспоминаний и рассказов о семьях, которыми демон с гарпией щедро делились друг с другом (не только инкубу были интересны острова Тхон-Тао, гарпия тоже с удовольствием слушала, как растёт «золотая молодёжь») они много говорили о том, что было интересно обоим — о проекте «сфера», к которому теперь неизвестно, когда демон сможет вернуться, о навигации, о конструкциях кораблей, о симбиозе науки и магии, о том, как здорово было бы обнаружить то, что называется «истинным унобтанием»...

Однажды ночью Харлея разбудил тихий плач.

Реакция опередила разум — в следующий момент он сжимал хрупкую крылатую фигурку в объятиях и снимал слезинки с её щёк губами. Повезло, что проснулась Пандора не сразу — какое-то время металась и стонала в его руках, звала на помощь... а потом широко открыла глаза и часто заморгала.

Харлей ожидал чего угодно — от пощёчины до оскорблений, но гарпия только прижалась к нему теснее и попросила тихо:

— Не уходи, ладно?

— Ладно, — ответил демон и провёл ладонью по мерцающим в лунном свете серебряным волосам. — Не уйду.

С тех пор так повелось: спали вместе и даже сдвигали кровати, если те стояли отдельно.

Харлей сжимал крылатую фигурку в объятиях, слушал мерное, ровное дыхание, а внутренний демон ел, ел, ел... Он был совершенно счастлив, этот внутренний демон, спящая Пандора тоже казалась спокойной и умиротворённой. Нелегко было только самому Харлею. Ни одну женщину он не хотел так сильно, ни одну не боготворил так явно...

Но новый Харлей, который пришёл на смену старому, знал: ему просто нужно быть терпеливым. Ещё более терпеливым. Его Ледяная Королева только-только начала оттаивать... Только-только училась доверять миру заново, училась быть счастливой.

А даже если она никогда не откроется ему до конца... даже если так... Ну и... так тому и быть. Видеть её счастливой, знать, что она живёт, дышит, парит в хрустальной чистоте небес... ему этого достаточно.

Возможно, такова его судьба: боготворить недостижимый объект, любить издалека.

Любовь к суккубу, к Мишель и крепнущее изо дня в день чувство к Пандоре — они были такими разными... как и сами девушки. Но было в них кое-что единое, незыблемое.

Сама любовь, понимал Харлей.

Как понимал и то, что он ведь мог жизнь прожить — и ни разу не испытать этого... Проклятые инкубов! Ведь даже язык не поворачивается назвать это чувством.

И уже за одно это был благодарен жестоким богам, играющими судьбами смертных.

И конечно, не только за это...

Глава 32

Помимо некоего незыблемого фундамента, на котором и устроен мир, познать глубину которого помогла близость Пандоры, жизнь Харлея, если забыть причины, которые довели их обоих до этой нескончаемой пьесы в театре абсурда, была наполнена бесконечным количеством маленьких радостей. Казалось бы, пустячных, а всё же их вкус был сопоставим только вот с этой самой Любовью, с чем-то, что можно произносить только с большой буквы, впрочем, произнесённое — оно утрачивало свою сакраментальность.

Правильно говорится в Древних Песнях: слово изречённое суть ложь.

Так и эти «мелочи», наводнившие жизнь Харлея де Вуда...

Казалось бы, расскажи о них кому, ну, тому же Эраму, например (если представить, что им можно говорить), так ведь не поймёт... Это Харлей знал точно. Никто его не поймёт. Да и не расскажешь об этом...

Её сонное лицо по утрам, в ореоле встрёпанных белых локонов, лёгкое касание руки или бедра, когда пытается разойтись в крохотной комнатухе, напевание в душе (довольно фальшивое, она, оказывается, ну совсем не умеет петь...), улыбка, когда в меню уличного кафе обнаруживается нежно любимый облепиховый сбитень...

Она часто моргает, когда удивлена или обескуражена. Морщит нос и чихает, если в еде есть перец. Обожает выпечку, с ума сходит от одного лишь запаха... Терпеть не может кофе, называет пойлом даже самый лучший, с густой ароматной пенкой... Совсем не умеет и даже ненавидит готовить. Впрочем, это с кухарским делом у них взаимное и опасное для окружающих. Прецеденты были. Они сняли как-то номер с крохотной кухней... пришлось оплачивать страховку и выслушивать выговор от владельцев, пожилой супружеской пары лисов. Харлей самозабвенно врал, что это всё он, он хотел порадовать молодую жену сюрпризом, правда, объяснить, как спагетти оказались прилипшими к потолку и свисали оттуда, словно водоросли, так и не сумел, а Пандора делала честные глаза и кивала, соглашаясь с оборотнями, нахалка...

А как она прекрасна в бою! Похожа на стальную богиню возмездия...

И крылья! Крылья! В отличие от демонов, чью спину крылья украшают лишь в боевой трансформе, за спиной гарпии эти серые паруса есть всегда. Превращающиеся в страшное оружие в бою, в мирной жизни они мягчайшие, подбитые изнутри лебединым пухом. А ещё тёплые и просто бесподобно красивые! Был вечер, когда она разрешила-таки ему потрогать их и демон оторвался по полной: гладил, зарывался лицом в мягкий пух, вдыхал запах неба, ветра, свободы... и чихал, когда пух забивался в нос, чем, надо сказать, очень смешил гарпию. По его просьбе она раз пять сложила и расправила их, а он всё дивился, как два серых гигантских паруса умудряются сложиться за тонкой спиной так, что и тени не остаётся!

Каждый день он спрашивал себя — можно ли ещё больше любить и желать женщину? И сам себе отвечал: нет, невозможно. А новый день показывал, что всё-таки можно. Можно...

Однажды вечером, когда он лежал, листая новостную ленту и размышлял, откуда растут ноги, как у покушений на него, так и нескончаемых неприятностей их обоих, а Пандора дремала, прижавшись к его плечу и кутаясь в крылья — прямо-таки семейная идиллия! — демона словно осенило.

Притянув её к себе и поцеловав в макушку с удовольствием обнаружил, как пылко вспыхнула белая мерцающая аура — значит, его птичка не спит.

— Малыш, — позвал он. — Помнишь ту чушь, что рассказывала про семь миров, скажем так на заре нашего знакомства?

— Это не чушь! — тут же взвилась гарпия, но видно было, что только для проформы. Как-то необъяснимо даже для себя самой она перестала остро реагировать на шуточки и манеру говорить демона.

— Неважно! — он провёл ладонью по мягким белокурым локонам. — Перечисли миры и их обитателей.

— Раскомандовался, — пробурчала она, но спорить не стала. Принялась загибать пальцы.

— Насчёт того, что в каждом из них обитали люди, говорить, пожалуй, не стоит. Это и ребёнку понятно. Но, кроме них... Так... Мир-полный-сокровищ... В нём жили альвы и гномы. Потом мир оборотней, где у каждого нелюдя есть звериная ипостась... А ещё они вечно воевали за территорию. Все, кроме фенеков, пожалуй. Я конечно, могу чего-то не знать... Потом Водный мир. Его населяли наги, ундины и горгоны... Мир легенд и героев. В нём, помимо людей, обитали гарпии и фурии, и, конечно, они бы правили этим миром, не будь люди так плодовиты, а они сами так малочисленны... Конечно, мир демонов. Куда ж без вас. Мир, расколотый на две половины — тёмную и светлую. Джинны, ракшасы и тэнгерии против нефилимов, серафимов, херувимов. И демоны стихий, опять же: водные, огненные, воздушные и земные... Вы, инкубы и суккубы — потомки огненных, но это ты знаешь и сам. Конечно, во всех мирах находились смельчаки-путешественники, которые проходили Врата и путешествовали по мирам, шли, не знаю, за мечтой, за славой... В Древних Песнях говорится, что не только обитатели некогда отдельных миров помещены сегодня в один... Наш мир объединяет в себе те миры. Изначальные миры. Все семь. Это не так заметно, но если приглядеться, посмотреть, опять же, метафорически...

— Погоди, малыш, — перебил гарпию демон. — А седьмой? Седьмой мир? Самый нижний? Там, где была Печать Немезиды?

— Породившая карающих призраков? — переспросила гарпия, хмурясь, хотя итак было ясно, что демон имеет ввиду именно его.

— Ага, он...

— Тайный мир, — пожала плечами гарпия. — О нём ничего не известно, кроме того, что хранил в себе самые бесценные и опасные сокровища. Есть версии, что он был населён расой неведомых, унабтов, ну, от унобтания, понятно, не того, на котором ушлая семья де Вуд сколотила состояние, а истинного... Но это всё, знаешь, домыслы. В Древних Песнях об этом не слова. Так что... Версии наших дней. Даже не мифы, не сказки, так, беллетристика. А вообще, непонятно даже, был ли тот мир заселён. Может, запертые печатью Немезиды карающие призраки и были его населением?

Харлей задумчиво покачал головой.

— Быть может, малыш. Что-то не идёт у меня этот самый мир из головы. Сказки всё это, конечно, из серии, что небо, мол, твёрдое, а звёзды прибиты к нему... Но как-то оно вертится, вертится...

— А вот и не сказки!

— Как скажешь... Ну что, спать?

Пандора потёрлась щекой о его плечо и тут же покраснела. Она всегда краснела, когда вот так, неосознанно проявляла нежность. Словно эта самая нежность, сочащаяся изнутри, была сильнее её самой, была некоей силой, с которой гарпия была не в силах справиться.

Харлей привычно замер. Как охотник, не желающий спугнуть зверя, или, скорее, счастливый обладатель кошки, которая с самым невозмутимым видом располагается на твоих коленях, а ты лишний раз вздохнуть боишься, чтобы не потревожить сон близкого существа.

— Только почту проверю...

Она готовилась привычно ввести данные, привычно вздохнуть и привычно положить линкофон на тумбочку возле кровати... Но, когда всегда пустующий свиток подмигнул красным, что значит, есть сообщение, охнула и выронила средство связи из задрожавших пальцев.

Подобрался, увидев её реакцию и демон.

Что-то подсказало ему, что их зыбкому подобию идиллии наступил конец.

— Что пишут? Новости из Департамента? — спросил он нарочито ровным тоном, когда, гарпия, наконец, убрала линкофон и посмотрела на него, закусив губу.

— Это Рум, — тихо сказала она. — У него приказ встретиться со мной и забрать ловушку.

— Рум? — нахмурившись, спросил Харлей.

Он помнил Рума. Точнее, знал его по воспоминаниям Пандоры. Медведь, который помог ей в ту ужасную ночь, а потом стал напарником... и не только. До главного у них так и не дошло, но Пандора, краснея и запинаясь, призналась-таки, что «кое-что всё-таки было». Поцелуи, ласки... Призналась и в том, что для неё они ничего не значили, ровным счётом. Просто тогда она запуталась и чувствовала себя потерянной, а Рум просто был рядом. Они должны были вместе умотать в Атлантиду, если бы не покушения на Харлея де Вуда и не долг шефа Артуру Ксавье... Это спутало им все карты...

— Стало быть, он вернулся?

Пандора посмотрела почти виновато.

— Для меня это ничего не значит. Но у него приказ Департамента... Встретившись с ним, я узнаю, наконец, что значит вся эта свистопляска со счетами...

— А если тебя снова отправят на задание? — с замиранием сердца спросил Харлей.

— Я не знаю, — беспомощно прошептала гарпия.

— Значит, ты собираешься отдать ему ловушку? Вернуться в Департамент, который, по сути, отправил тебя на смерть? Твой шеф не мог не понимать, что ты сдохнешь, а не отправишься в Око Бури. Бросишься пытаться счастья в той же клятой Ламии.

— Не знаю, — сказала она ещё тише. — Я правда, не знаю, кому могу верить... кроме тебя.

Демон вздохнул с облегчением.

А когда она заговорила вновь, решил, что вот-вот сдохнет от счастья.

— Что мне делать, Харлей?

— Встретяся, — сказал инкуб после секундного раздумья, тщательно (но не очень удачно) маскируя дурацкую улыбку, растягивающую губы от уха до уха. — Но череп не отдавай. Кто бы ни стоял за всем этим, им нужна ловушка. А значит, пока она у нас — мы в выигрыше.

— И ты не против, чтобы я встретилась... с Румом? — запинаясь, спросила Пандора.

Впервые за всё это время инкуб позволил себе притянуться к себе свою птичку, найти губами её губы... Поцеловать... Нежно, долго, дрожа от тщетно контролируемого желания. Неистового, дикого, первобытного... Но желание видеть её счастливой пересиливало. Она должна быть готова к близости. А сейчас, несмотря даже на пылкость, с которой ответила на поцелуй, Пандора не была готова. Он чувствовал её робость, её страх, её сомнения. Сквозь которые, впрочем, щедро сочилось доверие и нежный восторг.

С неохотой отпустив её губы, демон заглянул в глаза-зеркальца. Из-за этой чудесной особенности, каждый раз, когда говорил с Пандорой, было ощущение, что говорит сам с собой. Знает, что она скажет. Ответит. Слышит даже, что думает...

— Видишь ли, малыш, я верю тебе, — мягко сказал он. — Доверяю. Я ничего так не хочу от жизни, как просто быть с тобой. Но я хочу, чтобы ты была со мной не потому, что тебе больше податься некуда... А потому, что ты хочешь того же, что и я. Хотя бы в десять раз слабее... мне этого будет достаточно. Понимаешь?

— Понимаю, — после долгой паузы сказала Пандора. — Я встречу с Румом. А ловушка пока останется здесь.

Глава 33

Сперва, стоило Пандоре, уходя, хлопнуть дверью, демон ходил из угла в угол, как запертый в клетку зверь.

Его не беспокоило, что Пандора, по сути, встречается сейчас со своим бывшим. Да даже не бывшим, а другом, которому она признательна и которого вспоминает с теплотой и нежностью. И... ладно, беспокоило.

Но всё же не так, как условие, которое поставил Рум: Пандора должна прийти на встречу одна. Демону находиться рядом было никак нельзя.

Нельзя было сбрасывать со счетов, что Рум — такой же агент X-класса, как и Пандора. Который, несомненно, носом учует слежку. Нет, он не имел права рисковать своей девочкой... или же он рисковал, отпуская всё-таки её одну?

Конечно, она уверяла, что сумеет постоять за себя.

Но что, если её ждёт засада?

Она сильная, смелая, ловкая, но ведь не железная же!

Кому, как не ему, это знать...

Но Рум заявил, что Департамент не шутит, подчеркнув это «Департамент», должно быть, чтобы Пандора прониклась. Чтобы они оба прониклись.

Одна надежда на ловушку.

Харлей покосился на череп, который тарашил на него пустые глазницы с самого мирного, пожалуй, места в мире: обеденного стола. Пандора говорила, ловушку лучше всего держать на свету...

Пока им (или ему?) нужен череп, Пандора в безопасности.

И, конечно, в случае чего, она сможет уйти.

Куда больше инкуба заботило место встречи... Совсем рядом, буквально через пару кварталов.

Значит ли это, что их местоположение открыто?

Проклятье инкубов! Конечно, значит!

Их всё-таки выследили. За ними следят!

За окном было серо, промозгло. Третий день шли дожди, в преддверии зимы похолодало и потому сырость воздуха, казалось, пробирает до костей.

Харлей распахнул окно, и, оперевшись руками в подоконник, стал вглядываться в башни и трубы заводов, выдыхающие клубы дыма. Воздух, ударивший в лицо, донес запахи мокрого камня, прелой листвы и гари.

Нет, сидя здесь, в четырёх стенах, он вряд ли возьмёт себя в руки. А между тем сохранить трезвый рассудок — не прихоть, необходимость. Они договорились с Пандорой встретиться в кафе в двух шагах отсюда, в людном месте. Обсудить встречу с Румом и решить, как действовать дальше. Почему бы ему не направиться в условленное место прямо сейчас?

Зажав под мышкой объёмный свёрток, инкуб покинул гостиничный номер.

Слежки он не заметил, хоть и был настороже.

Правда, вряд ли можно довериться его опыту. Он, конечно, кое-что знает и умеет, но до

Х-класса ему далеко. Если за ним следят сейчас из Департамента, хрена с два он их считает.

В довершение к тревожным, дёрганым мыслям в голове шумело, стальной обруч словно стягивал череп, а тело было непривычно тяжёлым и слабым.

Пандора, конечно, щедро делилась с ним эмоциями, но всё же... всё же это было немного не то, чего так не хватало внутренней демонической сущности и ему самому. Белокурая гарпия «прикормила» его огненное чудовище, но инкуб — демон вождения, ему просто необходимы эмоции несколько иного качества. При непосредственной её близости — демон жевал, не переставая, как голодный обжора, которому доктор прописал вегетарианскую диету. Вроде и пузо набито доверху, и ешь, сколько душе угодно, а сытости нет. А подобия сытости надолго не хватало. Особенно, как сейчас, когда его птичка была далеко...

Харлей не говорил ей об этом, держался.

В конце концов слабость и поганое самочувствие — не такая большая плата за спокойствие и комфорт его птички. Они сильно сблизились, и, если бы он проявил настойчивость — точно знал, она бы не отказала. Но Харлею впервые в жизни хотелось, чтобы женщина была с ним не потому, что не может устоять перед инкубом, а потому что сама хочет близости так же, как он.

Чтобы наутро глаза её лучились счастьем и благодарностью, а не смотрели с затравленным видом, пытаясь угадать, а что теперь?

Пандора нужна ему, нужна больше воздуха, больше этого клятого мира и всех этих миров изначальных, будь они неладны. Он уверен в этом, как и в том, что день сменяет ночь, а весна — зиму. Но уверена ли она?

Ему хотелось, чтобы ему верили. Доверяли.

Безоглядно, безусловно, по-настоящему.

Так доверяла его брату Мишель, когда стала его конкубиной, когда конкубиной вошла в его дом и оставалась с ним, несмотря на то, что был женат на другой. Так и Эрам доверял Мишель. Как Харлей ни мучился голодом и ревностью, не увидев чистоту и глубину их любви не мог.

И их Любовь... Именно та сила, которая позволила выстоять против всего мира, отвоевать непопозвоженное им судьбой счастье, отвоевать свой рай.

И Харлей хотел так же.

Глубоко, по-настоящему, наверняка!

Чудно, ведь они с Эрамом близнецы, и, значит, всё делают одинаково.

Только вот женщина брата была редким изысканным цветком, прекрасным, ярким, экзотическим... Идеальной подругой для инкуба. Суккубом. Демоном обольщения. Нежной, ласковой, источающей сексуальность и аромат греха... Сама природа предназначила ей быть доброй, нежной, доверчивой... и безумно желанной. Да и судьба не преподавала Мишель таких жестоких уроков, как Пандоре...

Женщина, которую Харлей выбрал из всех женщин мира для себя, была совсем другой.

Сильная, смелая воительница. Гордая, бесстрастная... стальная. С младенчества ей пришлось доказывать себе и окружающим, что и она имеет право на жизнь, на место под солнцем. Как гарпия (причём северная, такие живут на островах Жемчужного Ожерелья, что над северным морем, как впоследствии узнала Пандора) оказалась на знойных островах Тхон-Тао? Островах, состоящих сплошь из плавучих монастырей, где готовят лучших бойцов Апостериории? Где закаляются духом и телом воины, наёмники, которых называют обнажённым оружием — потому, что умеют убивать одними лишь голыми руками. Конечно, северной гарпии совершенно не подходил тамошний климат, и вообще непонятно, как она смогла выжить на островах. Выжила. Всем назло. Одержала блестящую победу в главном турнире своей жизни, а после того, как её подставили,

провела блестящее расследование и была отправлена на большую землю, где осуществила свою мечту — стала агентом Х-класса...

И вместе с тем, в этой её силе, во внутренней стали, бесстрастии и выносливости как же хрупка она была, как уязвима!

День за днём, ночь за ночью, пытаюсь постичь её крылатую душу, Харлей находил в стальной богине возмездия, в маленькой Ледяной Королеве столько доброты, света и благородства, что самому не верилось.

Почему самыми добрыми, самыми чистыми оказываются именно сильные женщины, а не изнеженные оранжевые цветы? Должно быть, потому что от них меньше всего этого ожидаешь.

Прервав философские размышления, Харлей заказал эспresso, и, пригубив горький ароматный напиток, уставился в окно.

— Не занято? — низкий грудной голос оторвал его от созерцания стремящихся вниз по стеклу дождевых потоков.

Даже не оборачиваясь, Харлей знал, что его решила «подцепить на крючок» красивая, холёная, уверенная в себе женщина. Точнее, уверена, что он уже у неё на крючке. Так уверенно и снисходительно прозвучало это «не занято», словно не спрашивала, утверждала. Такими голосами говорят утончённые светские львицы, порочные и блистательные. Так говорили женщины в его прежней жизни, окутанной шлейфом дорогих духов, сверкающей зеркальными капотами безумно дорогих, экспериментальных автомобилей, поражающих роскошью интерьеров закрытых клубов и алого муара игровых...

Усевшаяся напротив богиня источала аромат похоти, желания, вожделения. Ожидания сумасшедшего выброса эндорфинов и адреналина. Ещё бы, скучающий демон-инкуб... Она, поди, и не мечтала здесь встретить кого-то своего круга и не преминула воспользоваться ситуацией...

И первая реакция была — злость. Раздражение.

Даже здесь, на отшибе, куда подобные красотки не заглядывают, не посещают даже незамысловатые фантазии работяг, когда голова занята одним: желанием выжить и защитить свою женщину... какого чёрта? Почему его нельзя просто оставить в покое?!

Инкуб не спешил оборачиваться, как и отвечать. Ему хотелось уловить нотки досады, раздражения, злости в ореоле её эмоций. Неуверенности в себе, обескураженности! Хотелось, чтобы эта небожительница шлёпнулась на свою роскошную задницу, ощутила себя той, кем она по сути и является — шлюхой, пустышкой, соской. А что до всего этого флёра — так вопрос лишь в цене.

Но к его удивлению в эмоциях незнакомки отчетливо засквозило торжество.

— Не притворяйся, что не рад меня видеть, — томно проворковала богиня. — Одичал, небось, вдали от демонов своего круга...

На этот раз в её интонациях и ауре проскочило что-то знакомое. Харлей резко обернулся и замер, как громом поражённый.

— Какого хрена ты здесь делаешь?

На него, ослепительно улыбаясь, смотрела Делайла. Да, кажется, именно так её зовут. Блистательная ракшаси с огненной гривой, затянутая в умопомрачительно дорогое платье-футляр, чей скромные, лаконичный крой не может обмануть такого знатока, как Харлей де Вуд. Лица её он почти не запомнил, разве что сверху, с подрагивающими веерами ресниц, втянутыми щеками-омутами и приоткрытыми пухлыми губами. У его ног.

Делайла! Подруга его покойной невесты Джины!

И вряд ли их встреча сейчас случайна...

Вместо ответа Делайла игривым жестом поправила причёску, а затем поманила официанта. Должно быть, заказ она сделала раньше, потому что спустя несколько секунд на их столике оказалось шампанское в ведерке со льдом и два бокала.

— Выпьем за встречу? — отмахнувшись от официанта, Делайла с изысканной грацией сама наполнила бокалы.

— Я спросил, какого хрена ты здесь делаешь, сладенькая?

Делайла медленно отпила шампанское и, глядя на него в упор, серьёзно ответила:

— Тебе не пришло в голову, что я хочу помочь? В память о Джине.

Настал черёд Харлея осклабиться.

— В память о Джине? — переспросил он. — Ты трахалась со мной, сладенькая.

Ракшаси отпила снова и спросила с невозмутимым видом:

— И что?

Харлей усмехнулся.

— Действительно, ничего. А что ты можешь, сладенькая?

— Скажем так: могу поделиться бесценной для тебя информацией, Харли (На «Харли» Харлей поморщился). Я знаю, кто тебя подставил.

В другой раз, возможно, демон бы задумался. Крепко задумался. Сопоставил факты, и... Но сейчас все его мысли были рядом с Пандорой. Инстинкты ослабевшего демона обострились, но всё же не до того необходимого предела... И слишком уж нагло и уверенно вела себя ракшаси. Опять же, нашла его здесь. И именно тогда, когда Пандора на встрече с этим Румом... Нет, демоницу нельзя было отпускать, не расспросив хорошенько.

— И зачем оно тебе надо, сладенькая? И как ты узнала, что я здесь?

— Все ответы потом. Но на один вопрос, пожалуй, отвечу. Мне нужны деньги. Очень большие деньги, Харли. Если предложишь больше, чем мне платят сейчас, помогу. В обмен на кое-что, что есть у тебя.

Демон скривился. Окинув брезгливым взглядом роскошное содержимое декольте ракшаси, поднял свой бокал и пригубил пузырящуюся жидкость.

— Тогда тебе не повезло, сладенькая, — сказал он. — Мои счета заблокированы.

— Когда-то разблокируют, — отмахнулась Делайла. — Тогда и сочтёмся. Пока мне достаточно одной ветхой черепашки, что ты таскаешь с собой. Непонятно, правда, зачем. Ты ведь понятия не имеешь, что делать с ней.

— А ты, значит, имеешь? — хмыкнул Харлей.

В голове зашумело сильнее, а интуиция демона завопила о надвигающейся на него опасности. Проклятая слабость! Какого хрена он тратит время на реверансы с этой рыжей стервой? Ведь дураку понятно, ничего она не скажет. Что ж. Ответила, что ей от него надо, и то сахар.

— О, я имею представление о многих вещах, Харли. Ты и представить не можешь, о скольких вещах я имею представление.

Юркая тёплая ступня скользнула вверх по его голени, безошибочно подбираясь к месту, которое успела как-то изучить в доскональности.

Несмотря на навалившуюся свинцом тяжесть, демон сбросил изящную щиколотку со своих коленей.

— Проветрись, сладенькая, — отрезал он. — Шампанское ударило тебе в голову и ты

выглядишь глупо.

Ракшаси ничуть не обиделась. Наоборот, улыбнулась ещё более ослепительно и проворковала:

— Я — глупо? А кто этот болван, который не способен даже подтереть себе нос?

Пока Харлей бешено вращал глазами, силясь пошевелиться, Делайла изящно поднялась, и, обойдя его кругом, подняла с соседнего стула чёрный пакет, в котором угадывалось что-то круглое, размером в небольшой кочан капусты.

Заглянула внутрь и поморщилась.

— Глупый сукин сын.

Инкуб больше её не интересовал.

Размеренно покачивая бёдрами, она покинула кафе и спустя несколько минут открыла гостиничный номер карточкой Харлея.

— Где же она? — бормотала ракшаси, разбрасывая по номеру вещи. — Где клятая ловушка?!

— Не это ищешь?

Делайла обернулась.

На подоконнике стояла гарпия с черепом в руках.

Не задумываясь, ракшаси выхватила пистолет и выстрелила.

Глава 34

Местом встречи бывший напарник назначил крышу десятиэтажного здания. По его словам, он немного искажил приказ для того, чтобы Пандора чувствовала себя в безопасности.

И в самом деле — обдуваемая ветрами, Пандора знала, что в любой момент сможет уйти. И только это удерживало её на месте, помогало справиться с оглушительным криком внутреннего голоса: «Беги! Опасность!!».

Преддверие надвигающейся беды было каким-то тонким, почти неуловимым. Заставляло топорщиться перья на крыльях, отдавалось набатом в висках. И вовсе не потому, что спускающийся на землю сумрак был сегодня особенно живым и тревожным, а небо готовилось разразиться новой порцией дождя. Случись это — и забудь о полётах. Если это засада, её возьмут тёпленькой.

Но, что самое важное, Рум был сам не свой.

Тот же здоровяк-медведь, не такой толстяк, как Берг, но всё же. Те же широкие кустистые брови, глаза чуть навывкате, квадратный подбородок с ямочкой, тонкие губы. В Руме казалось, многое было квадратным, шутник-математик сказал бы, что гриззли вписывается в куб. И, конечно, перегнул бы. Не в куб. В параллелепипед.

Да и не во внешности дело. Хотя бегающий взгляд медведя Пандоре совсем не нравился. То, что он говорил...

Нёс какую-то околесицу об Атлантиде, о том, как жаль, что им не довелось работать в паре на том задании, о том, что он чуть с ума не сошёл, узнав, что ей поручили охранять инкуба и отправили за ловушкой к Разлому... Но на следующем задании, о котором он имеет право ей рассказать лишь после того, как уберут за собой хвосты, на следующем... всё будет иначе. Старательно отводил глаза... и говорил, говорил...

Пандора слушала, хмурилась и молчала. Было в Руме что-то не то. Что-то, чего не было раньше. Чего она никак не могла уловить. Нащупать. Сюда бы проницательность высшего демона... Харлей всегда знал, в каком настроении Пандора, знал, чего ждать от окружающих. Это для высших все они — раскрытые книги. Ей же было понятно только

то, что перед ней... Рум и не Рум одновременно.

Заговорила только после того, как Рум спросил её, где ловушка.

— Тебя прислал шеф? — спросила она.

В первый миг медведь запнулся, а ведь первая реакция — она самая правильная. Но тут же заверил, что да, «его прислали из Департамента» и что «Пандору ждёт новое задание».

— После того, как завершу это?

Медведь снова заверил её, что именно так.

На вопрос, зачем ей отдавать ему ловушку, Рум ответил, что её надо отвезти к Разлому. Как будто сама Пандора этого не знала. И почему вернуть призрака Разлому не поручили ей?

— Как почему? — забежал глазами Рум. — У вас же с Велиаром... Несколько непростые отношения.

— У нас, — эхом отозвалась гарпия. — Да это вроде не тайна была, когда меня туда посылали. Как и сейчас не тайна, что Велиара немного... покалечили. Снова. И за дело, кстати.

— Слушай, Пандора, — медведь нахмурился. — Я только из Атлантиды, клянусь. Не успел я ещё разобраться в том, что здесь было в моё отсутствие. Всё, что мне нужно сделать — это забрать у тебя ловушку и передать дальнейшие инструкции.

— Почему же меня не вызвали в Департамент? — спросила Пандора. — Почему со мной говоришь ты, а не шеф?

— Сама виновата! — ошеломил её медведь. — Ты же знаешь, что бывает за самостоятельность. Знала бы, сколько порогов мне пришлось обить, чтобы добиться отложить слушание по твоему делу... А ты после всего не доверишь мне!

— Самостоятельность? — часто заморгала гарпия. — Это о том, что я поехала в Ламию вместо Ока Бури? А чего от меня ждали? Что поползу в Велиару на коленях?! Что значит, по моему делу, вихрь тебя дери? Что с тобой, Рум?!

— Какая еще Ламия, — устало прорычал Рум. — Тебе приказано было убить демона. Столкнуть его в Разлом. А ты проигнорировала приказ. Да ещё так нагло. В Департаменте не одобрили твоё самоуправство.

— У меня не было связи с Департаментом, — побелевшими губами проговорила Пандора.

— Не было или ты игнорировала её? — недобро посмотрел медведь.

— Ты мне не веришь?

На этот раз медведь долго молчал. Куда дольше необходимого.

— Верю, — неохотно сказал он, когда пауза давно перестала быть неловкой и стала невыносимой. — Именно поэтому подключил все связи, чтобы отмазать тебя. Всего делов: привести приказ в исполнение, отдать мне ловушку и встретиться с шефом. Не сделаешь этого — с тобой говорить не станут. И так уже после всего этого, доверие ты потеряла. А репутацию в нашем деле не так-то просто отмыть.

— Непросто, — эхом отозвалась гарпия.

— Сделай это сейчас, Пандора, — сказал Рум и посмотрел на неё как-то тоскливо. — Убей демона. После того, как близки вы стали, это сделать несложно. Верни ловушку. И возвращайся на службу. У тебя контракт. Может, инкуб пообещал, что выплатит за тебя неустойку? Не верь. Его счета заморожены. Вы оба в розыске. Но я обещаю тебе помилование. В том случае, если сделаешь всё, как надо.

Пандора покачала головой.

— Что ты несёшь, Рум, — проговорила она. — Ты сам себя слышишь? Как я могу верить тебе?

На мгновение она увидела прежнего Рума. Верного друга, старшего товарища, сильного бесстрашного медведя.

Но сейчас, несмотря на хмурый вид, в глазах гризли отчётливо плескался страх. И не надо быть высшим демоном, чтобы разглядеть его. Чего он боится? Или кого?

— Они не шутят, — сказал Рум. — Пожалуйста, поверь мне, Пандора.

— Кто — они? Департамент? Или те, кто заказал убийство демона? Кто они?

Рум очумело затряс головой, словно хотел пробудиться ото сна, а когда посмотрел на неё снова, в глазах его застыла невысказанная мысль.

Он отвёл взгляд и как бы невзначай взглянул вниз и в сторону.

«Беги!» — было нацарапано под ногами их с Румом шифром. Неразборчиво, словно тот, кто писал, делал это наспех и не хотел, чтобы кто-то впоследствии разобрал эти буквы.

— Если ты не сделаешь того, что они говорят, они убьют тебя, — глухо проговорил Рум.

— Спасибо, что передал их послание, — тихо сказала Пандора. — Как я понимаю, это не Департамент. Или не только Департамент.

— Ты вернёшься? — спросил медведь и тут же спохватился: — А как же ловушка?

— Прощай, Рум, — сказала Пандора, отворачиваясь и направляясь к краю крыши. — И ещё раз спасибо за всё.

В тот момент, когда медведь выстрелил, выпустила перо и она.

Он промазал, пуля едва мазнула по покрывшейся за мгновение до этого посеребренной щеке. А она нет. Не промахнулась.

Медведь охнул, неловко осел на прорезиненное покрытие крыши. Частично трансформируясь, загрёб лапами, не сводя измученного взгляда с Пандоры.

Пандора нахмурилась, когда увидела, что он отбивает когтем на указательном пальце еле уловимый ритм по той самой нацарапанной надписи. Слово «Беги!» разобрала сразу. Дальше пошла какая-то нелепая комбинация точек и цифр. Что это?

Времени на раздумья у неё не было.

Оттолкнувшись стопами, гарпия поднялась в воздух и принялась с яростью ввинчиваться в него, торопясь вернуться в номер.

Уже налету её осенило.

Конечно же, комбинация, которую передал Рум — это координаты! Могла бы и сразу догадаться! Вот только передал он их... по своей ли воле?

Уже на подлёте к мотелю всё-таки грянул гром. Разбухшее грозное небо прошло молнией и тысячи струй обрушились на хрупкую крылатую фигурку.

В последний момент она успела влететь в открытое окно на их этаже, в коридоре, предназначенное для крылатых постояльцев.

Но несколькими мгновениями ранее заметила, как в их с Харлеем номере хозяйничает агент X-класса. Из Департамента.

*

Уклониться от выстрелов, на ходу меняя трансформу, перекатиться по полу и выстрелить

наугад звенящими стальными перьями... Это заняло у агента Х-класса каких-нибудь пару секунд. С удовлетворением констатировать, что два пера попали в цель и сейчас пронзают ракшаси насквозь, пригвоздив к стене, как бабочку на иголках, ещё секунду.

Время словно отошло на второй план, замедлилось, расплылось, сливаясь границами с пространством.

Поднявшись на ноги, Пандора выдернула из стены возле искажённого болью и ужасом лица ракшаси, перо, и, намотав рыжие на него лохмы, всадила в стену над макушкой демоницы. Теперь голова болтаться не будет...

Удар шприцом с адреналином в сердце, прямо через успевшее пропитаться кровью платье.

Сжатие пальцами холёных щёк и вопрос, самый главный вопрос.

— Где Харлей?

Адреналин подействовал.

Ракшаси её узнала.

— Пандора Хантер, — прохрипела она, неприятно булькая горлом. — Или, правильнее сказать, вдова де Вуд?

Пандора никогда не была сторонницей пыток. Но когда ракшаси назвала её вдовой, не стала терять времени.

Спустя десять секунд у неё были координаты места, где рыжая оставила умирать демона.

— Ты обещала быструю смерть, — прохрипела ракшаси.

— А ты обещала сказать, зачем тебе ловушка.

— Я не могу.

Глаза демоницы закатились, тело конвульсивно задёргалось на стальных перьях.

Пандора перестала дышать, когда поняла, что веки демоницы повторяют тот же шифр, что сообщил ей, умирая, Рум.

Не теряя больше ни секунды, Пандора покинула номер.

Если слова погибшей ракшаси правда, они... кто бы они ни были... дорого заплатят за жизнь Харлея.

Глава 35

Первое, что ощутил инкуб, пробуждаясь — голод.

Страшный, лютый, душераздирающий голод. Голод, который знаком лишь демонам. Проклятым демонам. Инкубам.

Затем пришло чувство одеревенения, и, поскольку он никак не мог обнаружить границы своего тела, это одеревенение было везде.

Как существовать в странном, застывшем, как янтарь мире? Ещё никогда Харлей де Вуд не чувствовал себя букашкой. Застывшей в янтаре мухой.

Но его сознание всё ещё подвижно! А значит, он может думать. Как мало, оказывается, нужно высшему демону для счастья. Думать. Перескакивать вниманием с мысли на мысль. Быть. Жить.

Поскольку с мыслями тоже не заладилось, все они вились вокруг странных и внезапных изменений в привычном мире и так и норовили довести до паники, Харлей решил вспоминать. Неважно, что. Хоть бы и самые недавние события.

Это оказалось нетрудно. Он только проснулся, а значит, раньше спал. Спящим снятся сны. Снилось ли что-то ему?

О да. Ему снились очень странные сны. Как сильно его трясло, мотало из стороны в сторону, раз за разом выворачивало наизнанку.

Что-то тёплое и густое лилось в горло. Что-то горячее и необходимое с едва уловимым привкусом морозной свежести. И он пил. Захлёбываясь, кашляя, пил. Жидкий огонь, раздирающий внутренности, поднимался из самого нутра, и когда сталкивался с этим густым нектаром, демона выворачивало. А потом он пил снова.

Снился свист, как бывает в ушах во время полёта.

Снился низкий, рокошующий баритон. Каркающий смех. Снизлась боль размером с целый мир.

Чьи-то прохладные пальцы на его лице. Горячие капли, падающие на глаза и щёки.

Снился голос. Слабый и охрипший.

Голос, проклинающий его, называющий глупым, глупым, глупым демоническим ублюдком.

Обещающий, что если проклятый демоняка вздумает сдохнуть, она лично скормит его рыбам-собакам...

Харлей усмехался... Что может бесплотный голос?

И разве может удержать того, кто одной ногой в Бездне?

Снились чьи-то дрожащие губы.

Сотни, тысячи поцелуев на его лице. Поцелуев с солёным привкусом...

А потом они прекращались и охрипший сердитый голос начинал обзывать его и проклинать снова.

Каким-то чудом Харлей открыл глаза и мир обрушился на него лавиной света, запахов, звуков.

В центре мира, там, где по мнению Харлея полагается быть солнцу, было бледное, измождённое лицо Пандоры.

Стоило ему разомкнуть обмётанные губы, она приподняла его голову вместе с подушкой и насильно влила в рот несусветную гадость.

Потом вдруг выяснилось, что в пространстве плавают и другие лица. Одно из них, несомненно, принадлежало Бергу. Славному косолапому Бергу. Второе... Сухое и бесстрастное лицо той самой знахарки, из Ламии. Лицо знахарки хмурило брови и жевало губами, изучающе глядя на него, Харлея.

Наконец, губы её разомкнулись и до Харлея донёсся её голос, словно сквозь клочья ваты.

— Жить будет. Самое страшное миновало. Теперь выпится и проснётся, как новенький. Я говорила, птичка, зря ты закармила его своей кровью.

Гарпия огрызнулась, но тут же нашла в себе силы извиниться и поблагодарить.

Харлей не узнал её голоса, впрочем, как и её саму. Она скорее сипела, чем говорила и была похожа на собственную тень с всклокоченными волосами и заострившимся лицом.

— Оставь его, птичка. Ему нужен покой.

— Ей тоже, — глухо пробасил медведь.

— Так выполни уже свою угрозу, мохнатый! Спеленай её, как младенца, чтобы не трепыхалась и уложи, наконец!

— Не надо, — просипели в ответ. — Я сама.

Лицо Пандоры исчезло из поля зрения, а рядом кто-то завозился, устраиваясь поудобнее.

— Отнести её в комнату? — пробасил медведь.

— Самая большая глупость, что ты можешь сделать — это разлучить их сейчас, — покачала головой ведьма. — Их связь на крови — сильнее, чем кровные узы. Сильнее, чем магия Разлома. Сильнее, чем что-либо, что я видела.

— Она отдала рогатому всю свою кровь!

— Это был её выбор. Если бы не отдала, он потерял бы демона.

Странное чувство... Странное и какое-то неправильное. Как будто всё это уже было. Как будто он до сих пор лежит в той непроходимой чаще, в Ламии, а Пандора рядом и не даёт ему уйти.

Может быть, это очередная шутка кого-то наверху? Кого-то с идиотским чувством юмора, впрочем, Харлей подозревал, что это чувство проявляется у жестокого бога (или богини?) только в том, что касается его, Харлея де Вуда. Он читал истории и смотрел голо-фильмы, где время отматывается назад и герою даётся шанс исправить ошибки.

Может, и с ним так же? Только какой он к чёрту, герой?

Но в этот раз он не попадётся в ловушку своего недоверия, не угодит в капкан лютого демонического голода, не обидит её...

Хорошо всё-таки, что их вернули в Ламию.

Только откуда в Ламии взяться медведю?

С этим вопросом мысли Харлея оборвались снова, и он уснул.

На этот раз ему ничего не снилось. Сон был глубоким, и, как положено глубокому сну выздоравливающего, абсолютно чёрным и пустым.

*

В следующий раз Харлей проснулся в одиночестве. Несмотря на то, что тело казалось набитым ватой (границы вернулись!), а мысли носились стайкой неуловимых стрижей, всё же смог пошевелиться, повертеть головой, а потом, скривившись, и вовсе сесть на постели.

Приятный свежий запах щекотал ноздри.

Харлей принялся: пахло солью, лавандой и чем-то сладким, очень ароматным. К его изумлению, запах исходил от него самого. Впрочем, этому нашлось объяснение: рядом с низкой кроватью, на которой он сидел, нашёлся таз с чистой водой и душистое цветочное мыло с сушёными лепестками. Рядом сложены губки и чистые тряпочки. Кто-то заботился о его теле, в то время, как демон утратил его границы и готов был уйти за Грань.

Стоило подумать о том, кто бы это мог быть, сердце привычно сдавило от нежности, а чувство распираания внизу стало нестерпимым.

Харлей усмехнулся.

— Ну хоть здесь ничего не меняется.

Стоило подумать о белокурой крылатой девочке, голод, рвущий душу изнутри, усилился. Она нужна ему, нужна больше жизни. За последнее время его жизнь стала вдруг так богата на события, причём несовместимые с жизнью события. Настолько несовместимые, что жизнь стала совершенно недорога ему. Он расстался бы с ней без

сожаления. Но не с Пандорой. Она слишком хороша и притягательна, чтобы даже подумать о том, чтобы умереть. Нет никаких сомнений, Харлей вернулся сюда только ради неё. К ней.

Шум прибоя, домишки с остроконечными крышами за окном и окрашенный в синий горизонт развеяли сомнения. Ни в какой он не в Ламии, он на Грозном Перевале. И это не похоже ни на сон, ни на мистический второй шанс. Хотя бы потому, что прежде он не был в этой комнате, а точнее, мансарде, днём, и уж точно, когда он был здесь последний раз, ему не было так погано.

Сквозь свежий бриз ноздри защекотали довольно аппетитные запахи и демон, оглядываясь, обнаружил с другой стороны кровати уставленный снедью круглый столик.

Голод тела тут же дал себя знать урчанием в животе и таким количеством слюны, что впору захлебнуться.

Какое-то время демон просто ел, заглатывал, не жуя, жаркое с дарами моря и какие-то запечённые, правда, подгоревшие овощи.

В залитой солнцем мансарде потемнело.

Сложив серые паруса за спиной, с подоконника прыгнула хрупкая белокурая фигурка и хмуро пожелала демону приятного аппетита.

Первая реакция — рвануться к ней, сгрести в охапку, впиться в губы и пить, пить, пить её стоны, всхлипывание... Чувствовать её вкус, дышать ей...

Но он замер на полпути, столкнувшись с яростным взглядом зеркальных глаз из-под насупленных бровей. Губы гарпии сжались в одну линию, как морской горизонт, и по упёртым в бока рукам и не скажешь, что она ему рада.

Наверное, всё же стоит начать с разговора... Опять же, вон и окно за её спиной. Выпорхнет и унесётся наперегонки с ветром, не поймаешь!

Не успел Харлей ответить любезностью на любезность и, в свою очередь, справиться о самочувствии Пандоры, а заодно выяснить, каким ветром их сюда занесло, взъерошенный вихрь сам рванул к нему.

Демон понять ничего не успел, как тёплые дрожащие губы прижались к его губам, всего на пару мгновений, после чего гарпия принялась клевать поцелуями щёки, глаза, нос и рот. Машущие за худенькой спиной серые крылья наполнили мансарду всеми ветрами мира, руки с тонкими изящными пальцами скользили по его телу, гладили, ощупывали, словно лично желали удостовериться, что это действительно он. Живой.

Но только Харлей успел поверить в происходящее, убедиться, что на этот раз это не сон, хрупкая взъерошенная фигурка отстранилась от него, а затем совершенно с неженской силой закатила ему звонкую пощёчину.

Маленькие кулачки застучали по его груди, били в живот, в челюсть, били, конечно не в полную силу (в том, что рука у Пандоры тяжёлая, демон уже имел счастье убедиться), но всё же ощутимо. Одновременно с побоями на Харлея обрушился поток ругани. Грязной, бульварной, очень грубой.

«Глупый ублюдок» и «рогатый дебил» были, пожалуй, ещё самыми ласковыми из всего потока выражений, на которые совершенно не скупилась гарпия.

Харлею ничего не оставалось, как смиренно сносить «избиение демонов» (от неё даже закрываться не хотелось... она рядом, и только это имеет значение) и дивиться фантазии подруги.

Наконец, поняв сама, что начала повторяться, Пандора снова обхватила его шею руками и поцеловала.

На этот раз поцелуй был долгим, нежным, с ощутимым привкусом горечи, — эти нотки в её эмоциях заставляли сердце демона обливаться кровью. Значит, боялась потерять его... А значит... любит. Непонятно за что, но любит!

Отстранившись снова, Пандора горько воскликнула:

— Как?! Скажи, пожалуйста, как можно было принять питьё из её рук?

— Его подал официант, — вяло оправдывался Харлей. — Но Делайла была рядом, да... И... Я не ожидал от неё такой прыти. Честно.

Гарпия посмотрела на него сердито.

— Ну так может хватит трахать всё что движется?

Несмотря на вопросительные интонации, прозвучало вовсе не как вопрос. Скорее утверждение. Или даже угроза.

Харлей развёл руками.

— Она была подругой Джины, — пробормотал он, чувствуя себя и вправду «рогатым дебилом». Так себе аргумент в его защиту...

— Подругой?! — фыркнула гарпия. — Что ты вообще знал о погибшей жене? Эта твоя Делайла работала на Департамент! Инкубы... вам лишь бы присунуть. Ты бы и в дупло вдул, если бы кто-то нарисовал на дереве задницу!

— Нет, там занозы, ты что, — пробормотал он, привлекая Пандору к себе. — А вдруг на дереве гнездо? Я когда трахаю, я трахаю, малыш. Ещё перья бы сверху посыпались. Ненавижу перья, — соврал демон, широко улыбаясь.

— Можно подумать, ты в трансформе красавец. — соврала Пандора и тоже улыбнулась в ответ. Широко и лучисто.

А потом опустила на пол и сложила крылья за спиной.

Не отрывая взгляда от Харлея, потянула за язычки хитрых молний на плечах, рывком расстегнула кнопки и отбросила водолазку в сторону.

Харлей сглотнул.

Под водолазкой у Пандоры ничего не было.

Аккуратная девичья грудь с бледно-розовыми сосками, белоснежная кожа... С ним случилось вдруг то же самое, что при их первой встрече. Весь свет мира собрался в одном месте: в хрупкой фигурке перед ним, обнажённой по пояс.

Тяжело дыша, демон часто заморгал. А потом рванулся к ней, но в последний момент его руки поймали лишь воздух.

— Хочешь поиграть, малыш? — хрипло прорычал он.

Пандора покачала головой и выдернула шпильки из причёски. Белоснежный каскад локонов опоясал хрупкую фигурку, по-прежнему являвшуюся средоточием света в странном сумрачном мире.

— Нет, — тихо сказала она. — Я устала от игр.

— И чем мы займёмся?

Пандора пожала плечами, расстёгивая брюки. Спустя пару секунд осталась в крошечных чёрных трусиках.

Демон сглотнул. Но больше не порывался приблизиться. Титаническим усилием сдерживал себя и наслаждался самым прекрасным, что видел в жизни.

Оставшись совершенно обнажённой, Пандора распахнула крылья и демон даже удивился, как до сих пор не ослеп.

— У меня приказ Департамента — убить тебя, — тихо сказала она.

— М-м, — кивая, промычал инкуб, в свою очередь, стягивая лёгкие пижамные штаны.

— Думаю, как удобней это сделать, — она повела плечами и чуть тряхнула головой, отчего белоснежный водопад на её плечах пришёл в движение.

— Я предпочитаю медленно и долго, очень долго, — хрипло ответил Харлей.

Она несмело шагнула ему навстречу, робко провела рукой по рельефной груди и демон замер, хватая ртом воздух. Такая невинная ласка, совсем невесомое, как дыхание морского бриза, прикосновение, заставило кровь закипеть в жилах. Внутренний демон с рычанием, большим похожим на жалобный скулёрж, поглощал бесстыжее желание.

Желание его женщины. Его пары. Его судьбы.

Она здесь. С ним. Она выбрала его из всего мира, ну не чудо ли?! И... проклятье инкубов! Она хотела его едва ли не больше, чем он её. Пробуждающийся от болезненного сна внутренний демон слышал это также отчётливо, как и собственный голод, который он сейчас утолит.

Подхватив, наконец, её на руки, такую хрупкую, необходимую, как воздух и родную, завладев её губами, мягкими, тёплыми, податливыми, демон так и не мог поверить до конца в своё счастье. В то, что всё это не сон, что оно не исчезнет вдруг, также внезапно, как и появилось.

Опуская её на кровать, скользя ладонями по совершенному телу, по мягким распахнутым крыльям, он ощутил непреодолимую потребность сказать ей что-то... Что-то важное, значительное...

— Ты — моя жизнь, малыш. Я вернулся ради тебя.

В ответ раздался тихий смех.

Привлекая его голову к груди, Пандора прошептала:

— Не лсти себе! Это я тебя никуда не отпускала...

Глава 36

Сумасшедший вихрь ощущений, сумасшедшее желание, сумасшедшее счастье!

Снова и снова их тела сплетались в яростной, жадной схватке, снова звучали полные неистовой нежности признания, снова пространство наполнялось сладкими, полными безумного желания стонами, всхлипами, вздохами.

Они наскоро подкрепляли силы — тем, что оставалось от завтрака демона и возвращались к друг другу, не в силах расстаться и на миг.

Сама мысль о том, что нужно отдалиться друг от друга хоть на пару метров причиняла обоим почти физическую боль.

Они созданы друг для друга. Они — одно целое. Одно сердце на двоих, одно дыхание, одна жизнь. Одни крылья.

В коротких передышках от любовных схваток гарпия успела рассказать Харлею, как они оказались здесь.

Дом Берга был единственным местом в мире, где Пандора чувствовала себя в безопасности. Понятно, что те, кто устроил травлю, охоту на них, рано или поздно доберутся и сюда, но пока... Пока ни о чём решительно не хотелось думать.

Рассказала, как по приказу Берга доставили знахарку из Ламии. Стараниями же начальника безопасности Грозового Перевала женщине был выделен целый дом. Народ здесь не такой нервный и мнительный, как в Ламии, а такие целительницы, как она, способные вернуть высшего демона практически с того света, на вес золота.

Поведала, как Берг сам возил ловушку в Око Бури, а она, преступно забыв о профессиональном долге, не отходила от Харлея ни на миг. Звала. Делала всё, чему

учила знахарка, поила своей кровью, потому что по каким-то непонятным причинам — это было единственное, что он принимал. Единственное, на что соглашался умирающий демон. И Пандора не слушала ни Берга, ни ведьму. Даже метнула в старого друга стальное перо, когда он силой собирался оттащить её от Харлея.

Демон, высший демон-инкуб, представитель сильнейшей расы мира, наследник многомиллионной корпорации... плакал. Лил слёзы, рыдал, как сопливый мальчишка, когда она честно и просто рассказывала обо всём этом. Когда, глядя на него своими зеркальными глазами, сказала:

— Я бы отдала всю свою кровь тебе, если бы потребовалось.

Прижимал её к себе, вдыхал свежий, чистый аромат и снова и снова повторял:

— Я не стою тебя. Не заслужил. За что? За что мне такое крылатое счастье? Я не сделал в жизни ничего хорошего. Ничего такого, чтобы получить тебя...

Дерзкая гарпия была с этим согласна. Лукаво улыбалась, тёрлась щекой о его плечо, покрывала поцелуями кожу, а глаза у самой тоже были на мокром месте.

Безграничная нежность сменялась дикой, неистовой страстью, жадной одержимостью, безумием.

Во время их безумного утоления голода душ мир терял реальность вместе с границами, кувыркался с ног на голову. Ни гарпия, ни демон не понимали, где заканчивался он и где начиналась она. Как так получалось — проваливаться друг в друга, меняться телами, мыслями, душами... Это было непохоже ни на что в мире и вместе с тем это и был единственный и реальный мир, который жил лишь силой их любви, силой нежности, пульсировал в едином ритме с двумя безумцами.

Но всё когда-то заканчивается, сменяется новым, таково уж мироустройство и даже двум влюблённым не дано его изменить.

Оба понимали, что настало время выйти в большой мир, а начать следовало с того, чтобы спуститься по деревянной лестнице на кухню Берга. Туда, где хозяин-невидимка гремел посудой.

С невиданной для медведя деликатностью он ни разу не потревожил их за эти дни, только регулярно оставлял подносы с едой под дверью.

— Одеваемся, малыш? — спросил демон, целуя гарпию в висок.

— Линкофоны внизу, — ответила она, кивая. — Хорошо бы узнать, что за координаты продикивали, умирая, Рум и Делайла. Как-то не до того было раньше, не проверила.

— Ты не запаришься? — заботливо спросил демон, глядя, как гарпия натягивает кожаные брюки и помогая застегнуть хитрые застёжки на куртке. Заодно лишний раз погладил её серые крылья. — Здесь довольно жарко, а ты сама у меня такая тёплая...

Склонившись, нежно поцеловал выпирающую ключицу.

— И вовсе я не тёплая! — тут же, смеясь, запротестовала Пандора. — Я северная гарпия!

— Без обид, малыш, — демон с нежностью привлёк её к себе и поцеловал в лоб. — Но твоя попа такая горячая, что на ней может спать стайка саламандр.

Пандора прыснула и решительно отстранилась.

— Ну уж нет, Харлей, — мягко возразила она. — Мы оба знаем, чем закончится, если мы продолжим.

Демон вздохнул. Пандора была права. Любовь, дарящая силы и стирающая, как волшебным ластиком, голод, это, конечно, хорошо и замечательно, но они потеряли слишком много времени. Рано или поздно тот, кто дёргает их за ниточки, как марионеток, доберётся сюда... И, что-то подсказывало демону, против него не выстоять даже охранной службе Грозового Перевала.

Гризли ждал их за столом. Правда, несмотря на дразнящие ароматы съестного, стол был пуст, а над ним развернулась голографическая карта со сложной схемой над ней.

Не здороваясь и не поворачивая головы, медведь пробасил:

— Странное место. Самая южная точка Апостериории. Даже южнее Кемета. Вот они, здесь. Ваши координаты.

— Берг! — воскликнула Пандора.

— Мог бы и дожждаться нас, — проворчал демон.

Медведь поднял голову.

— Да вы, ребята, созданы друг для друга. Даже психуете одинаково.

— Извини, — сдержанно сказал Харлей. — Спасибо, кстати, что отвез череп к Разлому.

Гризли пожал широкими плечами.

— Чтобы я отказал себе в удовольствии посмотреть на Велиара, которого уделал мальчишка? Без обид, брат...

Да какие уж тут обиды...

Спустя пару часов Пандора с Харлеем были готовы к вылету. Медведь ворчал, пытался отговорить их от безумия, но был, впрочем, не слишком убедителен. Ясно было, что их не оставят в покое. А играть в прятки надоело обоим. Что в зеркальных, что в фиолетовых глазах застыла решимость. Готовность поставить точку.

Чего бы им это не стоило.

Напоследок Харлей связался с Артуром.

Хотел позвонить Эраму, но передумал в последний момент. Брат, пожалуй, единственный, кто способен отговорить его. А Харлей не хотел, чтобы его отговорили.

Разговор с сыщиком добавил уверенности, парадоксально выбив последнюю опору из-под ног.

Потому что это был не Артур. Не совсем он. Кто-то... Глядя в отстранённое лицо сыщика у Харлея создавалось ощущение, что говорит за него кто-то другой.

Глядя невидящим взглядом прямо перед собой, Артур Ксавье сказал, что Харлею и Пандоре следует немедленно прибыть... Было ли совпадением то, что следом он назвал те же самые координаты, которые до этого сообщили перед смертью Рум и Делайла? А затем отключил связь.

— Чую, наше приключение подходит к концу, — прошептал Харлей, сжимая линкофон побелевшими пальцами.

— Они же не убьют его, правда? — побелевшими губами прошептала Пандора, сама не очень-то понимая, кто это — они...

— Не знаю, — покачал головой демон. — Но я рад, что не связался с Эрамом. Спасибо за всё, Берг. Сам видишь, наше нахождение здесь опасно для тебя.

Медведь отмахнулся и вышел за ними во двор. Напомнив, что демону — что дай, что выкини, с гордостью сообщил, что выхлопотал для них на этот раз ароплан. Показал отсеки с припасами, оружием, снаряжением. Сдержанно попрощался с Харлеем и сгрёб в медвежьих объятиях Пандору.

— Знаете, что, ребята? — сказал он, когда оба забрались внутрь, прежде, чем закрылся люк. — Постарайтесь выжить.

— Мы постараемся, — ответил за обоих Харлей и заскользил пальцами по панели.

Гризли смотрел вверх, задрав голову, пока ароплан не превратился в крошечную точку на небе, а затем и вовсе не исчез.

Берг почесал затылок и тяжело вздохнул.

— Да, серьёзно вас пригласили, ребята, — сокрушённо пробасил он дрогнувшим голосом, впервые за всё это время позволяя себе эмоции. Глаза его блеснули. Должно быть, виной тому был солнечный свет. — От таких приглашений не отказываются.

Глава 37

Полёт длился целую неделю.

Яркую, бурную, наполненную счастьем... Несмотря на то, что впереди ждала неизвестность. И, скорее всего, конец.

— Прости, малыш, — сказал демон однажды ночью, когда они сидели у костра на берегу реки и смотрели, как по чёрной поверхности воды ползут языки пламени. — Если бы не я... Ты не вляпалась бы во всё это. А теперь уже поздно.

— Поздно о чём-то жалеть, — возразила Пандора. — Тем более, что жалеть мне не о чём. Если бы не ты, я не узнала бы, что такое счастье. Что такое любовь. Ради такого не жалко умереть.

— Малыш...

— Нет, правда, — с тихим смехом гарпия прильнула к плечу демона. — Если честно, я теперь и в смерть не верю.

— А во что веришь?

— В нас.

— А ещё?

Гарпия задумалась.

Чернильное звёздное небо рассекла падающая звезда. Пандора проводила её полёт зачарованным взглядом и серьёзно посмотрела в глаза Харлея.

— Верю, что лучше вспыхнуть и сгореть в одночасье, как метеор, чем тлеть тысячу лет лучиной.

Они много говорили. Обо всём на свете. Стремись узнать друг друга лучше, ещё лучше, ещё ближе. Оба понимали, что другой возможности может и не представиться.

Харлея потрясли слова гарпии о том, что после всего, что произошло, она не верит в смерть. О том, что яркая вспышка настоящей жизни, наполненной Любовью, стоит того, чтобы расплатиться за неё долгой, практически бессмертной жизнью высшего демона.

По сути, она лишь озвучила его собственные мысли по этому поводу. Это вошло для них в норму. Они одинаково думали. Одинаково чувствовали. Одинаково смотрели на вещи.

— И всё же, малыш, знай, нет такой силы, которая разлучила бы нас. Даже если в конечной точке нашего маршрута нас отправят за Грань, я найду тебя и там. Найду в тысяче миров. Потому что ты для меня Единственная.

— И ты для меня...

Они говорили о проекте «сфера». Немного сожалели о том, что без Харлея, без поисков истинного уюта, недостающего компонента для космических кораблей размеров с планету, некому будет довести его до ума.

Гарпия жалела, что единственное, что она знала в жизни до встречи с любимым — это борьба. Хотелось больше узнать о квинтэссенции науки и магии, изобрести что-то такое, что потрясло бы мир. Ей всегда нравилось конструкторское дело, всегда нравилось копаться в механизмах.

Но всё же грусть по не сделанному, неосуществлённому была светлой. С лёгким флёром горечи, но не имеющая ничего общего с пустотой, которая жила в сердце каждого из них до судьбоносной встречи.

С открытием для себя и в себе Любви, им открылась и некая Мудрость, словно Открытая Тайна, которая всегда была на виду, но которую не разглядеть, пока твою душу терзает голод.

Крепко держась за руки, они смотрели на то, что им предстоит, что бы это ни было, как новое захватывающее приключение.

А то, что это приключение, скорее всего, станет для них последним, делало его ещё привлекательнее.

*

— Судя по приборам, это здесь. Но что за нахрен? Где смертельная опасность или хотя бы засада?

— Лучше и не скажешь.

Они стояли перед входом в пещеру. Правда, если бы не точные координаты, никогда бы им этот вход не разглядеть.

Начать с того, что, чтобы подобраться сюда, требовалось пересечь две реки, одна из которых, судя по ручейкам жидкого огня в ней, явно брала истоки в Огненных Землях, а вторая просто была бурная и стремительная, с водопадами и грохочущими по дну чёрными валунами. Пролететь над горным хребтом, спуститься в каньон, облететь по кругу гигантское вулканическое озеро... Буквально проползти по узкому тоннелю, чьи стены раскрашены разноцветными кристаллами, ползком, с сожалением оставив ароплан у входа...

И всё это лишь для того, чтобы найти в конце пути вход в ещё одну пещеру? Что за дурацкие шутки?

— Если бы шутки, — отозвалась Пандора, когда Харлей подумал последнюю мысль вслух.
— Рум и Делайла назвали эти координаты, умирая.

Вспомнив отрешённое лицо Артура, когда он продиктовал эти же координаты, Харлей только крепче стиснул зубы.

— Не знаю, малыш, какому хрену с горы понадобилось видеть нас здесь, и каким хреном он всё это проделал... Но, надеюсь, узнать. У него самого.

— Тогда вперёд, — кивнула гарпия и взяла Харлея за руку.

Освещая себе путь фонарями на шлемах, демон и гарпия вошли в пещеру.

Коридор как-то сходу взял вниз, и они успели не раз порадоваться тому, что захватили с собой снаряжение для скалолазания. Хотя, учитывая конечную точку маршрута, в этом не было ничего необычного.

После нескольких часов утомительного спуска оказались в просторной пещере с мерцающими стенами. Такими яркими, что фонари были больше не нужны.

Приборы показывали, что весь их спуск — маршрут по спирали вокруг той самой точки.

Сверху осталось ещё три пещеры, не таких, как эта, но всё же радиусом в десятки километров.

— Что-то не так с этими стенами, — пробормотала гарпия. — Компас с ума сходит...

— Ты думаешь? — прежде, чем гарпия успела остановить его, демон положил руку на мерцающую поверхность и недоумённо уставился на неё, когда та прилипла к стене, будто подчиняясь силе странной гравитации.

— Что за нахрен, — пробормотал он, прижимаясь к стене коленом, а спустя несколько секунд, выпрямившись, уже стоял на отвесной стене, перпендикулярно гарпии.

Взмах крыльев — и она присоединилась к нему.

Ощущения были теми же, как когда они стояли на полу.

Хохоча помогая себе крыльями, гарпия пробежалась по стене вверх и перескочила на потолок. При этом волосы не свесились вниз, хотя с привычной точки зрения Пандора находилась вверх ногами.

Ахнув, она присела, провела ладонью по своду пещеры.

— Это же, — запинаясь, произнесла она. — Харлей, это же истинный унобтаний!

Демон, не раз бывавший на рудниках отца, согласился с ней.

— Только концентрация его так велика, что всей корпорации де Вуд и не снилось, — ошарашенно согласился он. — Малыш, похоже, мы обнаружили месторождение.

— Мы — или те, кто позвал нас сюда? — нахмурилась Пандора. — Как-то не верится, что столько смертей понадобились лишь для того, чтобы позволить Харлею де Вуду совершить научный прорыв. Это месторождение, похоже, кто-то обнаружил до нас. И этот кто-то очень не хочет, чтобы его нашёл кто-то другой.

— Странное нежелание, — скривился демон. — Нахрена было сообщать нам координаты, да ещё таким неординарным способом?

— Этот кто-то, должно быть, понял, что Харлея де Вуда ничто не остановит.

— А вот мы и посмотрим. Свод продолжает спускаться.

Пройдя вниз ещё несколько пещер из чистого унобтания, они снова приблизились к точке заданных координат.

На этот раз это была действительно точка. Точнее, сквозная дыра в породе. Диаметр метра в два, круглая, и из неё бил такой яркий свет, что глаза слепило.

— А вот теперь, кажется, мы у цели, — сказала Пандора, когда они подползли к краю и заглянули вниз.

Под ними простирался целый мир.

Золотисто-багряный, совершенно не похожий на верхний, с неподдающимися описаниям лесами, озёрами, реками, с махровым покрывалом облаков, окутывающим горные вершины.

Пустой... По-крайней мере так казалось отсюда, сверху.

— Мы всё ещё можем вернуться обратно, — сказал Харлей, хотя у самого чесалось между лопаток, внутренний демон рвался наружу, стремился полетать в этом золотом зареве, пронестись над розовыми бурливыми реками, над малахитовыми макушками гор...

— Ага, размечтался, — хмыкнула гарпия. — Что бы нас, как кутят на поводках, дёрнули сюда снова? Ну уж нет!

Она первая ужом скользнула за край, проваливаясь в это золотистое безумие. Харлею ничего не оставалось, как прыгнуть следом, на ходу меняя трансформу.

Какое-то время демон с гарпией кружили над горами, покрытыми покрывалом леса с багряными и оранжевыми макушками неведомых деревьев, затем по спирали пошли на снижение.

— Теперь мы точно на месте, детка, — прорычал инкуб, меняя трансформу. — Дальше падать уж точно некуда.

— Ты прав, Харлей де Вуд, — раздался тихий, шелестящий голос. — Вы и вправду на месте.

Их окружили в следующий миг.

Гигантские фигуры возникли словно из воздуха. Уж на что был высок и широк в плечах демон — рядом с представителями этой неведомой расы он почувствовал себя гномом. Что говорить о гарпии, которая с воинственным видом оглядывалась по сторонам, запрокидывая голову рассматривая безупречные, словно вырезанные из скалистой породы, лица.

Мужчины были огромны, рельефны, мускулисты. Женщины поразительно напоминали почившую Немезиду, что будило в душе Харлея самые нехорошие подозрения.

Но несмотря на откровенно грозный и даже устрашающий вид, опасности от них не ощущалось. Скорее — любопытство, поразительно граничащее с безразличием.

Несмотря на отсутствие солнца, тела их были бронзовыми от загара, волосы уложены в сложные, какие-то невообразимые причёски, а тела бережно обнимали одеяния, похожие на древние тоги.

— Кто вы? — спросил демон и его вопрос отозвался эхом, только показалось, что звучал он «кто мы».

— Неведомые, — прошептала Пандора. — Харлей! Это же унабты, жители того самого, седьмого мира! Неведомые...

— Твоя подруга умна, — сказал один из мужчин, делая к ним шаг. Харлей на всякий случай обнял Пандору за плечи. — И она опять права. Мы — единственная раса, которая после объединения миров не захотела сотрудничать со всеми вами и ушла под землю.

— Мы не хотим вмешательства, — добавила двухметровая красавица с до дрожи знакомым лицом. — И мы не хотели его раньше.

— Твоя подруга не ошиблась. Ты, Харлей де Вуд, замыслив проект «сфера», рано или поздно добрался бы до месторождения истинного унобтания. Привел бы сюда людей, демонов, всех вас...

— Они стали бы копать.

— И добрались бы до нас.

— А мы не хотим чужаков.

— Но мы не чужаки! — вырвалось у Пандоры. — Мы — такие же жители единого мира, как и вы!

На лицах унабтов появились горькие усмешки.

— Ваши войны уничтожили наш мир. Мы не хотели, чтобы вы добрались и сюда. Поэтому вы должны были умереть.

— Ваши войны привели к тому, что двенадцать ослеплённых своим эго глупцов открыли Печать Немезиды. И обернули одну из самых огромных сил во Вселенной во зло. Мы храним и другие сокровища. Ящик Пандоры, Наследие Дану, Мёд Поэзии, Эгиду и Агимат, Канджу и Манджу, Око Гора, Гандиву... и многое другое.

— Но... постойте! Вы сказали, что мы должны были умереть. Почему же не умерли? Если всё, что вы говорите — правда, вам ничего не стоило убить нас!

— Мы всегда говорим правду. Всё ради истины. Всё ради знания.

— Но зачем тогда нас вынудили прийти сюда?

Унабт пожевал губами. Видимо, ему самому не нравилась эта идея.

— Ты мог догадаться, Харлей де Вуд.

— О чём?

— За тебя заступились.

— Кто?!

— Лилит.

— Мать демонов?!

— Да. В Огненных Землях, когда ты отдал жизнь за любовь и счастье брата, ты тронул сердце самой Лилит. Она обещала тебе счастье. С твоей крылатой. Как мы ни старались, всё же не смогли воспрепятствовать воле богини.

— Когда вы со своей подругой стали единым целым, стало понятно, что вы уйдёте от карающего призрака. Тогда мы решили направлять вас сюда.

— Теперь вы навеки останетесь здесь. Тайна унабтов, тайна Знания — священна.

— Наше знание позволяет управлять мыслями других живых существ. Мы можем принимать любой облик. Если бы мы хотели править миром, уже правили бы. Но мы не хотим. Всё, чего мы хотим, чтобы нас оставили в покое и дали подумать. Знание — высшая драгоценность. Наш девиз — всё ради знания.

— Наше знание очень опасно, чтобы остальной мир узнал о нём.

— Но ведь мы всего лишь хотели найти истинный унобтаний! На случай смерти планеты... Проект «сфера»...

— До гибели планете ещё далеко. Мы не жестоки. Если единому миру будет угрожать опасность, мы выйдем наверх.

— Значит, — голос гарпии дрогнул. — Значит, мы останемся здесь? Навсегда?

По тону подруги, по сиянию её ауры Харлей понял, что она вовсе не огорчена. Наоборот, как-то странно рада... Он и сам ощущал, как сдавливает грудь. В предвкушении, в ожидании... Чего? Они шли сюда, уверенные, что это их последний путь, а судьба подарила им новый мир. Неведомый. Нежданный... Но такой пронзительный и прекрасный!

— Да, — раздалось эхо многих голосов.

— Нет, — раздался грудной голос. — Я так не думаю.

Харлей уже видел Мать Демонов так близко. Пандора же смотрела на гигантскую черноволосую красавицу во все глаза.

Возникнув из воздуха, она изящно опустилась на колени, сравнившись макушкой с титанами-унабтами. Пристально посмотрела на демона и гарпию, затем, усмехнувшись, протянула руку и погладила сложенные за спиной Пандоры крылья.

— Всё случилось так, как я и обещала, Харлей, — сказала она низким грудным голосом. — Ты обрёл счастье. Со своей крылатой.

Демон, часто моргая, кивнул.

— Почему же ты сомневался во мне? Зачем подчинился воле отца и хотел жениться на другой?

Харлей сглотнул.

— Я жил не свою жизнь.

Лилит усмехнулась и пожала плечами.

— Не ты один. Сколько ни говори вам, что жизнь священна, а страдания ни к чему не ведут, боль и жертва — не способ получить награду, не верите... Что ж. Мы не

препятствуем.

— Госпожа, — подал голос кто-то из унабтов. Голос его дрожал, стало быть, несмотря на все их охрененные знания и спесь, визиты богов здесь целое событие. — Видеть вас здесь... для нас...

— Да-да, я знаю, — кивнула Лилит. — Отпустите их.

— Но священное Знание...

Богиня отмахнулась.

— Сохранят они ваше Знание, — сказала она. — Или и вы мне не верите?

Унабты переглядывались между собой, таращились на Харлея и Пандору, отрицательно качали головами.

— Ну, значит, решили, — сказала Лилит, растворяясь в воздухе. Прежде, чем исчезнуть, обернулась к демону с гарпией и проговорила: — Сделайте мне личное одолжение, ладно? Будьте счастливы.

*

Ароплан дожидался их там же, где они его и оставили. Сдавленный с двух сторон скалистой породой, укрытый от палящего южного солнца скалистым навесом, словно послушный щенок, ожидающий хозяев.

Оба молчали всю обратную дорогу до него. Думали каждый о своём. Думали, что думали каждый о своём...

Но когда Харлей сжал пальцами кисть Пандоры, гарпия, прильнув к его боку, выпалила то, что инкуб и сам хотел сказать.

— Я не хочу возвращаться, Харлей!

Глаза демона засветились от счастья, а плечи распрямились, словно с них обрушилась гора.

— Не хочешь?

Пандора смущённо помотала головой.

— Не сейчас. Что нас ждёт там? Что ждёт меня в твоём высшем обществе? В Департамент я не вернусь... Да ты и не отпустишь меня туда. И я буду дурой, если позволю тебе отпустить тебя. А как быть дальше? Ты — высший демон, инкуб. Женщины реагируют на тебя. И продолжат, стоит только нам вернуться... Их нельзя за это винить, ты такой красивый... Лучший в мире мужчина, а для меня — Единственный. Мне придётся их убивать за это. А я... Я не хочу больше убивать, — она засмеялась, показывая, что шутит, но зеркальные глаза оставались серьёзными. — А там, у неведомых... Все эти их сокровища. Неужели не хочешь увидеть их собственными глазами? Неужели не хочешь хотя бы кончиками пальцев прикоснуться к Знанию унабтов?

— Не одна ты не хочешь больше убивать, малыш, — демон прижал подругу к себе и поцеловал в мягкую, нагретую солнцем макушку. — Когда мужчины смотрят на тебя, флиртуют с тобой, когда я вижу их отражение в твоих зеркальных глазах, я сатанею. Как же права Лилит! Мне стоило сразу поверить ей. Поверить, что встречу тебя. Ты будешь смеяться, но я чувствую себя котёнком, впервые открывшим глаза. Ты смеёшься, моя птичка, моё крылатое сердечко, а я боюсь. Боюсь, что этот мир опять прогнёт нас под себя. То есть попытается прогнать. Жить по его устоям, правилам, управлять корпорацией вместе с отцом. Забыть о проекте «сфера»... Но ведь там, внизу, никто не запретит мне им заниматься. С условием, что я не вынесу знаний о нём в мир... Пока...

— За нас поручилась Богиня...

— А она никогда не ошибается. Теперь я это точно знаю.

— Значит, передышка?

— Да, малыш. Когда-нибудь мы вернёмся, но сейчас... Сейчас... Я не хочу тебя ни с кем делить. А огненный монстр внутри меня говорит, что никогда не захочу.

Гарпия нервно забила крыльями, подпрыгивая на месте. Потом всё же успокоилась, и, лучась от счастья, попросила:

— Тогда быстрее, быстрее, пошли обратно! Вдруг вход в подземный мир закроется!

Демон привлёк подругу к себе и поцеловал в губы.

— Он не закроется, любовь моя. Он только открылся... для нас. Но прежде, чем мы вернёмся, надо завершить пару дел.

Пандоре не с кем было прощаться, разве что с Бергом.

Поэтому с ним связались в первую очередь. Пожелав найти такое же счастье, как у них, попросили не верить новостям.

Затем настал черёд четы де Вуд.

Стоило Шерлезу де Вуду принять позывные, на панели показалась и Марго де Вуд. С обеспокоенным видом она переводила взгляд с Харлея на Пандору, а затем выдохнула с облегчением.

— Харлей, сынок, — скрипучий голос магната дрогнул. — Ты всё-таки жив...

— Жив, — кивнул Харлей. — Но домой не вернусь. Прости, отец, мама, видимо, не зря мы с Эрамом близнецы. Оба ваших сына разочаровали вас...

Но отец понял.

Помолчав, пожевав губами, он сказал:

— Живи свою жизнь, сын.

И сам отключил связь.

Разговор с Эрамом тоже был коротким (ведь даже при всём желании Харлей не мог толком ничего объяснить, кроме того, что разобрался со своими проблемами, точнее, они оба разобрались. И без своей Единственной он бы не справился), но куда более эмоциональным.

Мишель, присутствовавшая при разговоре, с интересом и неподдельной теплотой изучала Пандору. Гарпия отвечала ей настороженным, колющим взглядом, а внутренний демон Харлея с утробным рычанием поглощал исходящую от подруги ревность.

— В общем, не поминайте лихом, ребята, — сказал Харлей, спеша завершить напрягающий его подругу разговор. — Мы ни хрена не можем вам объяснить, но у нас тут тоже, как бы это выразиться, своя экспедиция.

— Не зря мы близнецы, — хмыкнул Эрам, переглядываясь с Мишель. — Разочарования для родителей.

Харлей усмехнулся.

— Что-то мне подсказывает, что отец в ближайшее время передумает насчёт тебя. Так что держитесь, ребята. Высший свет Вилскувера скоро поманит вас.

— Спасибо, — сказала Харлею Мишель. И добавила одними губами: — Что отпустил.

Пандора нахмурилась. По нежной коже ртутной змейкой пробежал ручеек серебряных чешуек. Очевидно, не так уж она шутила, когда грозилась убивать за внимание к Харлею...

— Не знаю, за что она благодарит тебя, братец, и, возможно, был бы зол, но... Сердце Инкуба! Как же тебе повезло... Пандора, ты настоящая красавица!

Гарпия улыбнулась Эраму и настал уже черёд Мишель хмуриться.

Братья поняли друг друга без слов.

— У нас лучшая в мире семья. Но как же здорово, что сейчас всех нас разделяют тысячи километров.

Забросив ненужные больше линкофоны в кабину ароплана, Харлей, перегнувшись через борт, ввёл команду на панели.

Пандора, внимательно наблюдавшая за его пальцами, удовлетворённо кивнула.

— Лучшего места, чем ущелье Шартрезы и не придумать, — сказала она, всецело одобряя то, что видела.

Разогнувшись, демон развернулся к ней, и, после долгого поцелуя повлёк за собой по узкой горной тропинке.

Дверца ароплана захлопнулась, и, оторвавшись от земли, летательный аппарат направился на северо-восток Апостериории, чтобы найти свою смерть в скалистом ущелье Шартрезы.

Эпилог

Слитсберг скорбит.

Плохие новости, друзья!

Сегодня скорбят не только Вилскувер и Слитсберг, но, пожалуй, и вся Апостеория.

Блистательный Харлей де Вуд, наследник Шерлеза де Вуда, главы унобтаниевой корпорации, вместе со своей невестой Пандорой Хантер, на свою беду решили полетать в ущелье Шартрезы...

Видно, в условиях повышенной магнитной активности ребята не справились с управлением...

Всё, что осталось от их ароплана, вы можете видеть на голографии внизу страницы.

Увы...

Одно радует: тел Харлея и Пандоры так и не нашли.

И это даёт нам надежду.

На их спасение в ущелье Шартрезы направлены лучшие воздушные силы и спасательные отряды Слитсберга.

Но, как ни прискорбно об этом говорить, с каждым часом наши надежды тают...

Но мы всё равно не сдаёмся и продолжаем верить!

Возвращайтесь к нам, ребята!

Без вас — Слитсберг уже не тот...

КОНЕЦ